

**МАТЕРИАЛЫ
ПО ЭТНОГЕНЕЗУ
УДМУРТОВ**

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УДМУРТСКОЙ АССР

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ УДМУРТОВ

(Сборник статей)

Утверждено к печати ученым советом НИИ при Совете Министров УАССР

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. **В. Е. Майер** и **С. Х. Лебедева**

Редакционная коллегия:

М. Г. Агаманов (отв. редактор), **В. М. Вахрушев**, **В. Е. Владыкин**, **М. В. Гришкина**

Сборник посвящен проблемам этногенеза и этнической истории удмуртов. В нем рассматриваются процессы формирования отдельных этнолингвистических групп удмуртов, анализируются письменные источники, затрагиваются вопросы этнокультурных связей удмуртов с этносами Поволжско-Приуральского региона по данным языка и археологии на разных этапах их исторического развития.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов в области истории, этнографии, археологии, антропологии, языка, преподавателей и студентов вузов и всех читателей, интересующихся вопросами ранней истории удмуртского народа.

М. В. Гришкина, В. Е. Владыкин

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УДМУРТОВ IX—XVII вв.

Проблема источников — одна из основополагающих проблем исторической науки — в последние годы привлекает особое внимание. И речь идет не только о постоянном расширении источниковедческих изысканий, но, главным образом, об усилении теоретических аспектов источниковедения, акцентировании внимания на соотношении методологии, теории и методики, месте источниковедения в системе исторических наук, интенсивной разработке вопросов классификации, интерпретации источников, постановке проблемы их интеграции и синтезирования¹.

С сожалением приходится констатировать, что источниковедение в Удмуртии как самостоятельное направление в комплексе исторических исследований еще только начинает оформляться. В силу ряда причин сложилось заметное отставание и от сопредельных регионов Поволжья и Приуралья, где работа над источниками уже приобрела значительные масштабы, носит планомерный характер и ведется на современном научном уровне. Учитывая это, необходимо всемерно активизировать источниковедческие исследования в Удмуртии. Проблема источников в настоящее время выдвигается в разряд наиболее актуальных для удмуртских историков еще и потому, что на очереди дня стоит задача создания целостной картины истории

¹ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — «Источниковедение отечественной истории», вып. 1. М., 1973; Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание (методологические аспекты). Томск, 1973; Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. Автореф. докт. дисс. М., 1975; Буланов В. И., Трухан Г. А. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР. — ВИ, № 3, 1977; «Источниковедение отечественной истории», вып. 2—4. М., 1976—1980; «Методика изучения древнейших источников по истории СССР». М., 1978.

удмуртского народа. Совершенно очевидно, что успех этого важнейшего дела во многом зависит от корпуса привлеченных источников, их полноты и качества. Как указывал В. И. Ленин, историку в первую очередь необходимо «...установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения...»²

Разработка источниковедческой базы по средневековой истории Удмуртии имеет уже свою собственную историю, исчисляемую почти столетием. Здесь в первую очередь хотелось бы отметить имена таких исследователей, как А. А. Спицын, Д. К. Зеленин, А. С. Верещагин (роль последнего особенно велика в создании и работе Вятской ученой архивной комиссии — одной из образцовых в России, — в трудах которой была впервые осуществлена серия публикаций источников по истории Вятского края, в том числе и по удмуртам). Очень много для пополнения источников, их исторической интерпретации было сделано П. Н. Лупповым, замечательным источниковедом, лучшим знатоком архивов по истории края. Впоследствии источниковедческие исследования и публикации были успешно продолжены другими историками, в частности В. Л. Бушуевой.

И тем не менее, историческая наука в Удмуртии пока еще не располагает исчерпывающим сводом источников, особенно ощутимы лакуны в ранних периодах удмуртской истории. Впрочем, аналогичная картина и в целом по отечественной истории. Достаточно отметить общеизвестный факт, что от ранних периодов истории России сохранилось совсем немного подлинных документов, так, от XI—XII вв. их всего несколько единиц, от XIII в. — два-три десятка; в последующие столетия их количество постепенно возрастает, но только со второй половины XVII в. можно говорить о достаточно солидной базе подлинных исторических документов. Положение усложняется еще и тем, что удмуртская письменность оформляется сравнительно поздно (XVIII в.), следовательно, отсутствие собственно удмуртских письменных источников необходимо компенсировать за счет исторических памятников других народов. Здесь особое значение приобретают русские источники, а также сочинения средневековых западноевропейских и восточных (арабских) авторов (последние, к сожалению, еще только начинают анализироваться под углом удмуртской истории). Оспосредованный

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350—351.

характер этого рода источников вносит дополнительные трудности при прочтении ранних периодов истории удмуртского народа. Известную сложность имеет проблема этнической идентификации при истолковании этнонимов, фигурирующих в этих источниках. Отсюда становится настоятельной необходимостью синтеза данных видов исторических источников при их взаимопроверке и дополнении. Особенно важна стыковка археологических и исторических источников при переходе к письменному периоду истории удмуртов. В какой-то степени этой цели и должна послужить данная статья, где предпринята попытка систематизировать наличный фонд источников по истории Удмуртии, в известной мере ревизовать и интерпретировать его с учетом требований современной исторической науки, дополнить источниками, выявленными за последние годы, показать возможности этой совокупности письменных источников при исследовании проблем этногенеза, ранней этнической и социально-экономической истории удмуртского народа. Работа строится довольно эскизно и порой даже слишком схематично: более детально исследовать те или иные аспекты источниковедения удмуртской истории рассматриваемого периода не позволили ни объем статьи, ни возможности самих имеющихся пока в нашем распоряжении источников. Совершенно очевидно, что в будущем источниковедческие изыскания могут существенно дополнить и уточнить (возможно, и изменить) те положения, которые порой в качестве только предварительных рабочих гипотез выдвигаются в данной статье.

Хронологические рамки статьи во многом обусловлены тем, что длительный период истории Удмуртии и удмуртского народа можно почти с полным основанием отнести к дописьменному. Первые упоминания этнонимов, под которыми стали впоследствии известны удмурты, появляются в русских источниках лишь в XIII — последней четверти XV вв., а упоминания о территории расселения удмуртского этноса, которые в историографической традиции принято соотносить с современными удмуртами, — в XIV в.

В поисках более ранних сведений об удмуртах, очевидно, следует обратиться к восточным, и прежде всего к арабским, источникам, авторы которых в той или иной мере интересовались Волжской Булгарией — раннефеодальным государством Среднего Поволжья, в орбиту влияния которого были втянуты и соседние финно-угорские народы. По мнению лингвистов, булгары называли удмуртов «арами»³, впоследствии, в XIV—XV вв.,

³ Кельмаков В. К. Происхождение и первые упоминания этнонима ар. — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 191.

этот термин получил распространение в русских источниках и обозначал южную группу удмуртов.

В связи с этим особый интерес вызывают сведения целой группы арабских авторов IX—XII вв. о трех центрах русов: «Куяба», «ас-Славия» и «Арсания», с городом Арса, заимствованные ими из географических сочинений второй половины IX в. Если местонахождение двух первых групп русов в историографии определено достаточно давно, то третья группа, как пишет известный востоковед А. П. Новосельцев, «до настоящего времени не поддается точному определению и имеется опасение, что вопрос о ней так и не будет до конца уяснен»⁴.

К настоящему времени имеется свыше 15 гипотез местонахождения «Арсы». Необходимо отметить, что уже один из первых интерпретаторов этих источников Д. А. Хвольсон предполагал, что Арса — это «пермяки и их земля»⁵. Таким образом, предположение о том, что Арсания — территория, населенная не группой славян, а финно-угорскими народами, уже не ново. Современный исследователь А. Л. Монгайт, хотя и с некоторыми оговорками, отождествляет область «Арсания» и ее центр — город «Арса» с Арской землей и городом Арском⁶, и мы не можем не присоединиться к этой гипотезе.

Было бы странным, если бы одна из областей Волжской Булгарии, населенная «арами», «карскими людьми», т. е. южными удмуртами, изобиловавшая мехами, осталась неизвестной арабским авторам, которых восточные районы интересовали, прежде всего, как источник получения пушнины. Именно на пушных богатствах Арсании делают упор большинство арабских авторов, с текстами которых мы можем познакомиться благодаря прекрасным переводам А. П. Новосельцева. Поскольку сведения, сообщаемые арабами, чрезвычайно интересны для специалистов, занимающихся историей удмуртов, позволим себе привести несколько цитат. Ал-Истахри в своем сочинении «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» сообщает: «... (третья) группа их, называемая ал-Арсания, и царь их сидит в Арсе... Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они (жители) убивают всяко-

⁴ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 417.

⁵ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах... СПб., 1869, с. 174.

⁶ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971, с. 103.

го чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и олово»⁷. Ибн-Хаукаль: «... (третья) группа их, называемая ал-Арсанией, и царь их сидит в Арсе, городе их». Далее Ибн-Хаукаль тоже говорит о невозможности для чужеземцев проникнуть в Арсанийю и продолжает: «... и вывозят из Арсы черных соболей, черных лисиц и некоторое число рабов»⁸. В анонимном сочинении «Худуд ал-Алам» к предметам вывоза из области «Артаб» отнесены «клинки для мечей и мечи, которые можно согнуть вдвое»⁹, а ал-Идриси, кроме того, сообщает, что «город Арса некрасивый, на укрепленной горе, и расположен между Сиак и Кукианией». Далее снова следуют сведения об опасности, которая угрожает чужеземцам, проникшим в эту область... «Вывозят оттуда шкуры черных леопардов и черных лисиц и олово»¹⁰.

А. П. Новосельцев, комментируя приведенные тексты, отмечает, что наиболее полным и точным является текст Ибн-Хаукаля, самым путаным и хронологически позднейшим — вариант ал-Идриси.

Таким образом, по сведениям арабских авторов второй половины IX в., область Арсанийи населена охотниками и ремесленниками-металлургами. Предметом вывоза из нее по водным путям являются шкурки соболя и чернобурой лисицы, олово, мечи, клинки для мечей и в какой-то мере рабы. Арсанийа объединена вокруг единого центра — города Арсы (варианты — Артаб, Арта, Арсай), не отмеченного какими-либо достоинствами, кроме расположения на высокой, укрепленной горе. В Арсе находится «царь», по всей вероятности, племенной вождь. Булгарские купцы, от которых, очевидно, были получены эти весьма лаконичные сведения, в стремлении сохранить за собой монополию посредников в торговле драгоценной пушниной, не забывали подчеркнуть якобы необычайную жестокость жителей Арсанийи — об обычае убивать всякого проникшего в страну чужеземца — сообщают почти все авторы.

Нет ничего невероятного в том, что Арская земля, населенная южными удмуртами-арами, имевшая древний укрепленный центр, — Арск, с XIII в. известный в русских источниках как го-

⁷ Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 411—412.

⁸ Там же, с. 415.

⁹ Там же, с. 412.

¹⁰ Там же, с. 413.

род*, была ведома арабским авторам IX в. В самих сообщениях арабов нет ничего, что противоречило бы действительности. Пушные богатства района несомненны**, вывоз цветных металлов, месторождения которых на промышленной основе эксплуатировались в крае еще в XVIII — первой половине XIX вв., не исключается, также как и вывоз рабов.

Не вызывает сомнения и существование укрепленного древнеудмуртского городища, явившегося основой развития Арска как города. Еще в последней четверти XVIII в. известный этнограф Н. П. Рычков в качестве главной достопримечательности Арска отмечал «старинное вотское кладбище и их киреметь, видимый в восточном конце пригородка»¹¹.

Еще одним, на наш взгляд, достаточно убедительным доводом в пользу локализации «Арсанийи» и «Арсы» арабских источников в Нижнем Прикамье являются предания, до сих пор бытующие среди удмуртского и татарского населения. Ведущим мотивом многих преданий удмуртов Кукморского и Балтасинского районов Татарской АССР является повествование о том, что Арск был центром, столицей удмуртского княжества, в котором жил удмуртский князь — «удмурт эксэй»¹². Нельзя не обратить внимание и на совпадение арабского названия «Арса» и удмуртского варианта названия Арска — «Арча». О наличии удмуртского княжества, игравшего заметную роль в Казанском ханстве и принимавшего участие в междоусобной борьбе, свидетельствуют и татарские предания. В одном из них — «Чур батыр дастане» повествуется о том, как теменцы во главе с Чура батыром победили айрактанцев во главе с князем Алибеем. Термин «айрактанцы» расшифровывается специалистами как «из белых аров» и идентифицируется с удмуртами Арской земли¹³.

* Степенная книга и Мазуринский летописец называют Арск среди 36 родов, данных ордынским ханом Менгу-Тимуром в приданое своей дочери (ПСРЛ, т. XXXI, М., 1968, с. 79).

** Участника похода Ивана Грозного на Казань 1552 г. А. М. Курбского прежде всего поразило изобилие пушнины на Арской земле: «воистину вере ко исповеданию неподобно ... и корыстей драгоценных, наипаче от различных зверей, в той земле бывающих; бо тамо рождаются куны дорогие, и белки и прочие зверие, ко одеждам и ко ядению потребны, и мало за тем соболей множество...» *Курбский А. М. История о великом князе Московском. Сочинения князя Курбского*, т. I, Пг., 1914, с. 192.

¹¹ Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769—1770 году. СПб., 1770, ч. II, с. 5.

¹² РФ УдНИИ, оп. 3, д. 177. Материалы этнографической экспедиции 1973 г., т. I, л. 34; д. 178, л. 10, 16, 18, 74; Худяков М. Г. Вотские родовые деления. — ИОАИЭ, т. 30, вып. 3, Казань, 1920, с. 346.

¹³ История Татарской АССР, т. I, Казань, 1950, с. 174.

Пушные богатства Арской земли явились объектом внимания еще одного арабского автора. Купец и миссионер Абу Хамид ал-Гарнати побывал в пределах Волжской Булгарии в 1135—1136 г. и отметил, что у Булгара «есть область (жители которой) платят харадж, между ним и Булгаром месяц пути, называют ее Вису. И есть другая область, которую называют Ару, в ней охотятся на бобров и горностаев и превосходных белок. А идут от них чрезвычайно хорошие шкурки бобров». А. Л. Монгайт отождествляет область Вису с территорией расселения «веси» русских летописей, а область Ару — с Арской землей¹⁴.

Область Ару по Абу Хамиду ал-Гарнати в XII в. предстает как территория, подчиненная Булгарскому государству. Жители ее, как и население области Вису, платят булгарам дань — «харадж» и являются поставщиками пушнины высокого качества.*

Очень близок по фонетической форме к названиям области «Ару» и города «Арса» этноним «арису», упоминаемый в письме хазарского кагана Иосифа (ок. 960 г.) среди подвластных Хазарскому каганату народов: «Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, Ви-н-тит, С-в-р, Сл-виюн»¹⁵. В историографии принято отождествлять арису с мордвой-эрзей¹⁶, также как буртас — с мордвой-мокшей.¹⁷ Однако, на наш взгляд, трудно поддается объяснению столь большой разрыв между перечислением племен одного народа: между буртасами и арису Иосифом помещены булгары и сувары. Вполне возможно, что в качестве непосредственных соседей булгар, сувар и марийцев в данном контексте имеются в виду южные удмурты, расселявшиеся по нижнему течению р. Камы, вплоть до впадения ее в Волгу. Не противоречат предположению и данные археологии, выявившей

¹⁴ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 1971, с. 31.

* Любопытно, что традиция обложения арских князей пушной была сохранена и в Русском государстве. Еще в XVI в. они вносили в «государеву казну оброк с данью вместе по 10 бобров карих, а коли деи не добудут бобров — по тысяче белок». (Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881, с. 23—24).

¹⁵ Кокорцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, с. 98—99.

¹⁶ Алихова А. Е. К вопросу о буртасах. — «Советская этнография», 1949, № 1, с. 53; Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 28. М., 1952, с. 160; Токарев С. А. Этнография народов СССР. Изд-во МГУ, 1958, с. 149.

¹⁷ Гольмстен В. В. Буртасы. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XIII. М.-Л., 1946; Смирнов А. П. Указ. соч., с. 160.

удмуртский компонент на памятниках Волжской Булгарии.¹⁸ В связи с этим нельзя обойти вниманием и наличие в фольклоре южных удмуртов мифического образа Алангасара, который, по мнению специалистов, имеет собирательный характер и носит следы каких-то контактов со степными народами — аланами и хазарами, причем уже после распада пермской этнолингвистической общности. В сказках нашло отражение бывшее могущество этих существ и низвержение их господства впоследствии¹⁹. Возможно, в такой форме удмуртский фольклор сохранил следы действительной зависимости каких-то групп удмуртского населения от Хазарского каганата.

Падение Волжской Булгарии под ударами монголо-татар нашло отражение в целом ряде источников, в том числе и западноевропейских. Особый интерес из них для нас представляет письмо венгерского монаха Юлиана, в 1237 г. в поисках прародины венгров побывавшего в пределах Приуралья и Поволжья. Юлиан сообщает, что татары, завладев язычниками-венграми, продолжавшими обитать в Поволжье, «... в течение одного года или немного больше (срока) завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков. Кроме того, они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство морданов»²⁰.

С. А. Аннинский, комментируя письмо, помещает Меровию к северу от Волги, между Ветлугой и Унжей, а Ведин — севернее Меровии, до р. Сухоны²¹. По мнению Л. В. Черепнина, в письме Юлиана имеются в виду Саксин, Булгария, марийцы и мордва²². По данным Юлиана, Ведины располагаются севернее марийцев и являются их непосредственными соседями. Любопытно, что в памятнике русской письменности «Слово о гибели Русской земли», возникшем примерно в том же временном отрезке, что и письмо Юлиана (между 1238 и 1246 гг.)²³, среди народов Поволжья в качестве непосредственных соседей марийцев упомянут народ «Вяда»: «... Боуртаси, Черемиси,

¹⁸ Генинг В. Ф. и Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964, с. 144.

¹⁹ Яшин Д. А. Об удмуртском сказочном персонаже Алангасаре. — В кн.: Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972, с. 97—100.

²⁰ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе — Исторический архив, т. III, М.-Л., 1940, с. 85.

²¹ Там же, с. 86.

²² Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.). — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е, М., 1977, с. 208.

²³ Бегунов Ю. К. Памятник русской письменности XIII века «Слово о гибели Русской земли». М.-Л., 1965, с. 123.

Вяда и Мордва бортничаху на князя Великого Володимера»²⁴. Это совпадение не может быть случайностью, и речь, очевидно, в обоих источниках идет об одном и том же народе. Можно предположить, что мы имеем дело с вариантами этнонима, обозначающего удмуртов и возникшего на основе названия одного из удмуртских племен — Ватка. Во всяком случае отождествление «вяда», упоминаемых в «Слове о погибели Русской земли», с удмуртами уже имеет историографическую традицию²⁵.

По-видимому, разгром Волжской Булгарии татаро-монголами и дальнейшее продвижение полчищ завоевателей коснулось и южной группы удмуртов. Относительно же факта зависимости мордвы, марийцев и удмуртов от киевского князя Владимира Мономаха, в связи с героическими делами которого упоминаются эти народы в «Слове о погибели Русской земли», можно предположить, что это традиционный для древнерусской литературы прием гиперболизации, едва ли имевший фактическую основу.

Таким образом, первое, хотя и весьма смутное упоминание этнонима, обозначающего удмуртов, в русских литературных источниках относится к XIII в. Однако есть основания предполагать, что славянский мир, имевший достаточно четкое представление об этногеографии Поволжья и Приуралья, знал удмуртов гораздо раньше, но под каким-то другим этнонимом. В «Повести временных лет», составление которого на основе более ранних летописных заметок относится к началу XII в., перечислены почти все финно-угорские народы Восточной Европы: «... Меря, Муром, Весь, Мордва, Заволочская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Черемис...»²⁶. Возможно, коми-пермяки, коми-зыряне и удмурты, длительное время развивавшиеся в составе единой этнолингвистической общности, авторами ле-

²⁴ Бегунов Ю. К. Указ. соч. с. 150.

²⁵ Владыкин В. Е. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX в.). Автореф. канд. диссерт., М., 1969, с. 11; Фотеев Г. В. К истории становления удмуртско-русских этнокультурных отношений. — В кн.: Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978, с. 79. О путях проникновения этого этнонима на страницы русских и западноевропейских источников можно строить различные догадки. Здесь нельзя не отметить бытования среди мордвы Алатырского, Ардатовского и Буинского уездов преданий о народе, делившемся на два племени — «Кельмаз» и «Ветьке». (Худяков М. Г. Вотские родовые деления. — ИОАИЭ при Казанском университете, т. XXXI, вып. 1, Казань, 1920, с. 15). Не исключено, что сведения о племени Ватка стали достоянием русского автора и Юлиана через мордовское посредничество.

²⁶ ПСРЛ, т. I, М., 1962, с. 7.

тописных заметок еще не дифференцировались достаточно четко, как отдельные народности, и обозначались общим собирательным этнонимом «Пермь». Еще В. Н. Татищев не без оснований предполагал, что «пермь ... есть весьма древнее их и общее многих народов звание», а исследователь быта коми-пермяков Н. А. Рогов со всей определенностью говорит, что под этнонимом «Пермь» в « Повести временных лет» имеются в виду не только коми, но и удмурты²⁷. Эта точка зрения была обстоятельно аргументирована Г. В. Фотеевым, поэтому отметим только, что летописная традиция, как правило, включала бассейн Вятки и даже междуречье Вятки и Камы — район локализации удмуртов — в состав Пермской земли: «Река же первая именем Вым, впаде в Вычегду, другая река Вычегда, обходящи всю землю Пермскую, потече в Северную страну и впаде в Двину ниже Устьяга 40 верст; река же третья Вятка потече в другую страну Перми и вниде в Каму реку. Сиа же река Кама, обходящи всю землю Пермскую; по сей реце мнози языци сядят, и потече на юг в землю Татарскую»²⁸.

Следующее известие русской летописи, косвенным образом свидетельствующее о коренном населении бассейна р. Вятки, отделяет от предыдущих упоминаний период около 140 лет. Под 1374 г. Воскресенская, Никоновская и Львовская летописи сообщают о походе новгородских ушкуйников в Прикамье: «В лето 6882 (1374) идоша на низ рекою Вяткою ушкунци разбойници, 90 ушкуев, и пограбиша Вятку и шедшие взяша Болгары, хотеша и город зажеши... и оттуда разделишася надвое: 50 ушкуев поидоша на низ по Волзе и дошедше Обухова и пограбиша все Засурне, и Маркваш, и перешед за Волгу суды все изсекоша, а сами поидоша к Вятке на конех, и много сел по Ветлузе идуще пограбиша»²⁹.

Ушкуйничество было типичным явлением эпохи феодальной раздробленности, начало его восходит к 20-м годам XIV в. Отряды ушкуйников, формировавшиеся новгородскими боярами, направлялись для захвата земель на севере и торгово-разбойнических экспедиций по Волге и Каме. Поход 1374 г., как и другие походы ушкуйников, преследовал широкие цели, однако начальным и конечным этапами его стала Вятка. Как следует из приведенного отрывка, часть ушкуйников, вернувшаяся

²⁷ Татищев В. Н. История Российская, т. IV. М.-Л., 1964, с. 68.

Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков. Исторические сведения.— ЖМВД, 1858, ч. 29, с. 48. Фотеев Г. В. Указ. соч., с. 83—84.

²⁸ ПСРЛ, т. XI, М., 1965, с. 165.

²⁹ Вережгин А. С. Сказания русских летописцев о Вятке.— ТВУАК, 1905, вып. 1, с. 51—52.

на Вятку «на конех», осела здесь. Итак, перед нами первое вполне определенное сообщение о начале русской колонизации бассейна р. Вятки. Возможно, процесс проникновения русского населения на удмуртскую территорию начался раньше, хотя после появления работ А. С. Верещагина и А. А. Спицына, убедительно доказавших недостоверность и противоречивость сообщений «Повести о стране Вятской»³⁰, большинство исследователей датирует возникновение русских поселений на Вятке XIII — началом XIV вв.³¹

К XIV в. относится еще одно сообщение, содержащееся в Воскресенской, Львовской, Типографской и Никоновской летописях, о Вятке, точнее о вятчанах и Арской земле, упоминание о которой впервые появляется в русских источниках. «В лето 6887 (1379) Вятчане ходиша ратию в Арскую землю, и избиша разбойников ушкуйников, и воеводу их Рязана изымавше убиша»³². Это известие из-за своей противоречивости вызывает двойное толкование. А. А. Спицын и П. Н. Луппов предполагали, что столкновение произошло между вятчанами и ушкуйниками, оставшимися в Арской земле после походов 1374—1375 гг., в результате которого был убит предводитель ушкуйников Рязань³³. А. С. Верещагин, основываясь на наличии на территории Вятской земли топонимов «Рязановская», предполагал, что набег вятчан, т. е. разбойников-ушкуйников во главе с воеводой Рязаном на жителей Арской земли (неясное выражение «аармиана», следующее за словом «изымавше» в Парижском и Синодальном списках Воскресенской летописи Верещагин считал испорченным «аряне») имел неудачный исход: аряне разбили отряд вятчан и убили их предводителя Рязана.

Для нас в данном случае важно упоминание о двух исторических центрах расселения удмуртов — бассейне р. Вятки и Арской земле. Однако оба приведенных летописных отрывка не содержат ни определенных этнонимов, под которыми стали в

³⁰ *Верещагин А. С.* Два реферата, читанных на заседании VII Археологического съезда в Ярославле 17 августа 1887 г. Вятка, 1887; *его же.* Повесть о стране Вятской (Вятский летописец). Памятник вятской письменности XVII—XVIII века. Вятка, 1905, послесловие. *Спицын А. А.* Один из источников по истории Вятского края, — ИОАИЭ, т. VI, вып. 2, Казань, 1887.

³¹ *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. Вятка, 1901, с. 9; *Смирнов И. Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1890, с. 19—21; *Фотеев Г. В.* Указ. соч., с. 78; *Владыкин В. Е.* Указ. соч., с. 11.

³² ТВУАК. Вятка, 1905, вып. 1, с. 53.

³³ *Спицын А. А.* Свод летописных известий о Вятском крае. Вятка, 1883, с. 16; *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. Вятка, 1901, с. 8.

этот период известны славянскому миру удмурты, ни каких-либо позитивных данных для вывода о социально-экономической структуре удмуртского общества до вхождения в состав Русского государства. Поскольку летопись не описывает того, что представлялось обыденным, можно предполагать, что Вятский край и Арская земля не отличались по уровню экономического развития от соседних русских территорий. Очевидно, как и в русских княжествах, основным занятием жителей было земледелие, дополнявшееся охотой, рыболовством, бортничеством. Это подтверждают и археологические источники ³⁴.

По предположениям исследователей, русское население на Вятке в XIV в. увеличивалось не столько за счет ушкуйников, сколько за счет «сходцев» с территории соседнего Нижегородско-Суздальского княжества, приток которых особенно усилился после разгрома этого княжества монголо-татарами в 1377—1378 гг. В результате Вятская земля, на которой поселились подданные нижегородско-суздальского князя, стала владением последнего. Произошло это, по мнению А. В. Эммаусского, не позднее 1383 г., т. е. ранее смерти суздальского князя Дмитрия Константиновича, правнуки которого называют Вятку «прадединой» ³⁵. После 1402 г. (юридически после 1393 г.) Вятская земля подпала под власть великих князей московских ³⁶.

Длительный период раздоров и смуты XIV—XV вв., царивший на Вятке, нашел отражение не только в летописи, но и в актовых источниках, в частности, в договорных и духовных грамотах великих и удельных князей. Первая договорная грамота московских князей, в которой упоминается Вятка, относится к 11 марта 1428 г. Это договорная грамота между великим московским князем Василием II, его дядей Андреем Дмитриевичем, Константином Дмитриевичем, с одной стороны, и Юрием Дмитриевичем Галицким — с другой стороны. По этому договору Вятка «с слободами и со всеми месты» была пожалована Юрию Галицкому отцом Василия II ³⁷. В своей духовной от 1433 г. Юрий Галицкий завещал «Вятку з города и волости» трем своим сыновьям ³⁸.

³⁴ Иванова М. Г. Хозяйство северных удмуртов в конце IX—начале XIII вв. н. э.— В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979.

³⁵ Эммаусский А. В. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949, с. 12—13.

³⁶ Там же, с. 11.

³⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.-Л., 1950, с. 66.

³⁸ Там же, с. 74.

Как следует из источников, верховная власть на Вятке принадлежала московским князьям, которые отдавали ее в удел своим потомкам и родственникам (Василий I пожаловал Вятку своему брату Юрию Галицкому, последний — своим сыновьям). Князья управляли Вяткой через своих уполномоченных бояр, которые время от времени наведывались сюда. Для местного управления вятчане выбирали своих правителей: «земских воевод, военных вождей — «ватаманов» и «подвойских», а также старост, которые и осуществляли феодальную власть непосредственно на местах. Если при Василии I к 1428 г. на Вятке были «слободы и месты», то к 1433 г. было уже введено характерное для Русского государства деление на волости, на Вятке появились и города (по данным летописей Орлов, Котельнич и Хлынов)³⁹. Очевидно, местное население подвергалось феодальной эксплуатации наряду с рядовыми вятчанами — русскими людьми.

В летописи нашла отражение длительная междоусобная борьба Юрия Галицкого и его потомков с великими князьями московскими, в которую были втянуты вятчане. Вятка как важнейшая база, из которой, по выражению А. В. Эммаусского, «феодальная оппозиция получала свои силы»⁴⁰, вызывала особый интерес со стороны великих московских князей. В результате раскола в лагере сыновей Юрия Галицкого Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный вступили в договор с Василием II против своего брата Василия Косого, по которому потомки Юрия Галицкого обязались «в Вятку ... не вступати»⁴¹. Однако в последующей борьбе между Василием II и Василием Косым, развернувшейся в 1435—1436 гг., вятчане выступали на стороне последнего, а впоследствии — на стороне Дмитрия Шемяки. Вятская феодальная знать пыталась продолжать борьбу с великокняжеской властью даже после окончательного поражения сепаратистов — галицких князей. Ответом на эти действия был поход великокняжеских войск на Вятку 1458 г., который завершился неудачей, так как вятчане подкупили полководцев Василия II⁴². Поход 1459 г. завершился, по сведениям Софийской II летописи, тем, что «Вятчане доби́ли челом на всей его воли, как надобе великому князю»⁴³, т.е. Вятка стала владением великого князя московского.

³⁹ ТВУАК, 1905, вып. 1, с. 57.

⁴⁰ Эммаусский А. В. Указ. соч., с. 32.

⁴¹ Духовные и договорные грамоты..., с. 91.

⁴² ТВУАК, 1905, вып. 1, с. 35.

⁴³ Там же, с. 35—36.

В 1468 г. вятчане, как подданные великого князя, приняли участие в походе московских войск на Казань. Получив весть о том, что казанский хан Ибрагим (Обреим) идет походом на Вятку, часть вятчан вернулась назад. Вятчане не смогли оказать сопротивление казанцам и «предашася за казанского царя Обреима»⁴⁴, в результате чего обещали соблюдать нейтралитет: «не помогати, ни царю на великого князя, ни князю великому на царя»⁴⁵.

Для нашей темы особый интерес представляет сообщение летописей о событиях московско-казанских взаимоотношений следующего, 1469 г. (по Софийской II — 1470 г.), когда Иван III организовал новый поход на Казань. Вятчане, связанные обязательствами с казанским ханом Ибрагимом, отказались участвовать в нем. Рать великого князя взяла Казань и отошла для отдыха «на остров Коровничь». Предоставим далее слово летописи: «И ту прибеже к ним из Казани полонник Коломнятин, а сказывает им, что до полна собрался на них царь Казанский Обреим со всею землею своею, с Камскою, и с Сыплинскою, и с Костяцкою, и с Беловолжскою, и с Вотятскою (Вятскою — в Воскресенской, Львовской, Никоновской летописях) и с Башкирскою»⁴⁶. Обращает на себя внимание обширная география владений Казанского хана Ибрагима, в их состав входят земли по Каме, Белой Воложке (р. Белой) и загадочная Сыплинская земля. По всей вероятности, это район нижнего течения р. Вятки, где располагался один из древних центров южных удмуртов — д. Цыпья. Часть владений Ибрагима имеет четкую этническую идентификацию — земли Костяцкая (остяцкая, территория расселения хантов), Башкирская и Вотятская (варианты Вотятская, Вятская). Итак, впервые в летописи употреблен этноним, ставший широко известным в русских источниках, не только нарративных, но и актовых, и обозначающий всех удмуртов. По предположениям лингвистов, он произошел от первой части «одо» самоназвания народа «удмурт», которое раньше звучало как «одомурт» с присоединением характерного для русского языка словообразовательного суффикса⁴⁷. Возможно, что под «Вотятской землей» в данной ситуации имелись в виду все удмурты, не только южные, издавна находившиеся в орбите влияния Казанского ханства, но и северные, входившие в состав Вятской земли, ведь не исключено, что после похода Ибрагима на Вятку 1468 г., когда вятчане «предашася за

⁴⁴ ТВУАК, 1905, вып. 1, с. 58.

⁴⁵ Там же, с. 59.

⁴⁶ Там же, с. 38, 60.

⁴⁷ Вахрушев В. М. Одо выжыос. — «Молот», 1965, № 8, с. 52—55.

Обрейма», северные удмурты, наряду с южными, вынуждены были принять участие в походе казанского войска.

После этого удмурты вновь исчезают со страниц письменных источников, хотя взаимоотношения Вятской земли с Великим княжеством Московским и Казанским ханством летописи описывают достаточно подробно. В летописях нашли отражение походы вятчан на Сарай и на Волгу 1471 г., поход казанских войск на Вятку 1478 г., осада Хлынова, набеги вятчан 1486 и 1488 г. на Устюг Великий и Важскую землю, отказ вятских сепаратистов принять участие в походе Ивана III на Казань 1485 г., карательный поход на Вятку московского воеводы Юрия Кутузова⁴⁸.

Попытки великокняжеской власти усмирить вятчан нашли отражение и в посланиях московских митрополитов к населению и духовенству Вятской земли с призывом покориться великому князю, прекратить грабежи и разбои. В этих источниках тоже нет каких-либо сведений о взаимоотношениях вятчан с коренным населением. Правда, в послании митрополита Ионы вятскому духовенству 1452 г. вятчане обвиняются в том, что они «... с отлученными от Божия церкви с погаными и нечестивыми человеки совокупляются»⁴⁹. Под «отлученными от церкви» Иона, очевидно, имел в виду христиан, подвергнутых церковному покаянию, а «поганые и нечестивые» — это нехристианское, языческое население. Возможно, в такой форме в гневной филиппике Ионы отразились имевшие место факты вступления в брак русских вятчан с местным языческим населением*.

Окончательное присоединение Вятки к Московскому княжеству произошло в 1489 г. Наиболее подробно об этом событии повествуют летописи Софийская II⁵⁰ и Архангелогородская⁵¹. По сведениям последней, 64-тысячное войско Ивана III под командованием опытных полководцев Данила Васильевича Щени и Григория Васильевича Морозова в конце июля осадило Котельнич, а 16 августа подступило к Хлынову. На следующий день «Вятчяна сами люди большие вышли своими головами бить челом воеводам». Княжеские воеводы поставили условие — выдать представителей вятской знати — «изменников и

⁴⁸ ТВУАК, 1905, вып. 1, с. 39—41, 63—65.

⁴⁹ Древние акты..., с. 10.

* По всей вероятности, грамота Ионы адресовалась не только русскому населению Вятской земли, но и нерусским жителям, так как направлена она была «с Ыгнатом с толмачем» (см. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2, М., 1951, с. 21).

⁵⁰ ТВУАК, 1905, вып. 1, с. 41.

⁵¹ Там же, с. 116.

корамолников». Вятчане отказались выполнить это условие, но видя безвыходность своего положения, «добили челом воеводам на всей воле великого князя» и выдали своих предводителей.

При всей детализации описываемого события, Архангелогородская летопись не содержит данных о коренном населении Вятской земли. Остальные летописи, несмотря на лаконичность, свидетельствуют, что княжеские воеводы «...самех Вятчан к целованию приведоша, а Арян к роте* приведоша, а Вятчан больших людей всех и с женами и с детьми изведоша, да и Арьских князей, и тако возвраташася»⁵².

«Устройство» Вятской земли началось с того, что представители правящей верхушки были вывезены в Москву, наиболее ярые сепаратисты казнены, а часть вятских больших людей была пожалована поместьями в Подмоскovie — в районе Боровска, Алексина и Кременца, торговые люди были поселены в г. Дмитрове. «Арьских князей князь велики пожаловал, отпустил их в свою землю»⁵³, на Вятку.

Итак, приведенные сообщения Софийской II, Львовской, Никоновской и Воскресенской летописей впервые со всей определенностью говорят о неоднородном этническом составе населения Вятской земли. Среди принесших клятву верности великому князю Московскому, наряду с русскими, названы «аряне» и «арские князья». По всей вероятности, этноним «аряне» скрывает под собой удмуртов и бесермян Вятской земли. Как уже отмечалось, «арами» называли удмуртов булгары, через их посредство сведения об арах, их земле попали в арабские источники, а в данном случае этот этноним был воспринят русской летописью, очевидно, через посредство татар.

Время появления на Вятке и происхождение арских (каринских — по с. Карино, древнему центру их расселения) князей, несмотря на обилие гипотез, до сих пор не выяснено. Единственное, в чем сходятся большинство исследователей — в их татарском, точнее тюркском происхождении. А. Х. Халиков предполагает, что их появление на Вятке — результат проникновения на Вятку ранних тюрок с востока, другие исследователи подчеркивают их прямую связь с волжскими булгарами, третьи — с потомками золотоордынских татарских родов. Р. Н. Степанов связывает появление в бассейне р. Чепцы арских князей с выездом на службу части татар Шибанской

* Рота — клятва верности, присяга на подданство, то же, что и «целование».

⁵² ТВУАК, 1905, вып. 1, с. 41.

⁵³ Там же.

Орды, улусы которой имели центр в Тюмени, и испомещением их в Карино Иваном Калитой. Этноним «арский» Р. Н. Степанов, как и П. Н. Луппов, считает вторичным, возникшим вследствие подчиненности удмуртов Чепецкого бассейна каринским князьям⁵⁴.

Однако подвластность удмуртов каринским князьям до вхождения их в состав Великого княжества Московского ничем не подтверждается. Первая жалованная грамота, в которой отмечается право «арских князей с Вятки»: Шаислама, Нураслама, Дюняша, Агиша, Муртузы Мурсеитовых «ведати и судити, и братень жеребей, Беляков, Вотяков и Чувашу» относится к 1548 г.⁵⁵ Правда, в грамоте отмечается, что с того поместья «не в розделе» с умершим братом Мусой они служили и, очевидно, уже пользовались отмеченными правами 12 лет, т. е. где-то с 30-х гг. XVI в.

Можно предполагать, что власть над частью удмуртского населения каринские князья приобрели за свою службу именно в эти годы обострения борьбы Русского государства с Казанским ханством. «Арскими» же они стали называться, как явствует из сообщения летописи от 1489 г., еще до вхождения Вятской земли в состав Московского княжества. Необходимо отметить, что арские князья отнюдь не были сосредоточены только на Вятке, источники упоминают их и на территории Арской земли. Так, в 1496 г. арские князья отразили попытки Мамука, царя Шибанской орды (откуда, кстати, Р. Н. Степанов ведет происхождение каринских татар), занять Казанский престол. Мамук овладел Казанью и приступил к Арскому городку, «арские же князи бишася с ним крепко»⁵⁶. В 1552 г. во время похода войск Ивана Грозного на Казань князь Япанча и арский князь Явуш возглавили оборону Арской земли. По сведениям «Казанского летописца», в Арске после его падения русскими войсками было взято в плен «арских князей 12 и воевод черемисских 7»⁵⁷ и т. д.

Возникает вопрос, что же означает этноним «арский» в перечисленных случаях? Из контекста летописных известий следует, что это местные князья, находившиеся на службе у казанских ханов. Не исключено, что арские князья Арской земли

⁵⁴ Степанов Р. Н. Каринское опричное княжество (вторая четверть XIV — вторая половина XVI вв.) — В кн.: Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма. Тезисы докладов. Чебоксары, 1973, с. 17.

⁵⁵ Древние акты..., с. 22—23.

⁵⁶ ТВУАК, 1905, вып. 1, с. 66.

⁵⁷ ПСРЛ, т. 19, СПб., 1903, с. 127.

имеют удмуртское происхождение, однако, как представители господствующего класса, они, очевидно, прошли этап мусульманизации, приобрели тюркские имена.

В первый период после присоединения Вятской земли к Русскому государству, особенно до разгрома Казанского ханства, княжеская власть арским князьям на Вятке придавала особое значение. В духовной грамоте Ивана III, завещавшего своему сыну Василию, наряду с другими владениями «Вяцкую землю всю, города и волости, и со всем, что к ним потягло», арские князья выделены особо: «и с арскими князьями, как было при мне»⁵⁸.

Однако вотчинными правами по отношению к удмуртам непосредственно после вхождения Вятской земли в состав Русского государства они вряд ли обладали. Одна из первых грамот Василия III на Вятку наместнику г. Слободского Г. Ф. Мансурову от 29 июня 1522 г. предписывала привлекать «каринских князей» к несению сторожевой службы, возведению укреплений и их содержанию в надлежащем порядке наряду с русскими крестьянами, «чувашиами и вотяками по вытню, по сохам»⁵⁹.

О независимости удмуртов от каринских татар свидетельствуют и губные грамоты Ивана Грозного жителям г. Слободского и окрестным крестьянам, в том числе и удмуртам, от 8 декабря 1540 г. и 2 марта 1542 г., дающие жителям Вятской земли право «обьскивать и имать, и казнити татей и разбойников»⁶⁰. На равных правах перед юрисдикцией государства выступают «арские татары, чуваша и вотяки» и в грамоте Ивана IV от 1546 г., которая предписывала, чтобы «те арские татарове и вотяки, и чувашане с слобожаны с гороцкими людьми и с волостными в разрубы во всякие тяглые с ними пособляли по старине, и наместничьи кормы с тех деревень платили и сторожи стерегли»⁶¹. Как видим, и удмурты, и татары, и чувашаи (бесермяне) здесь выступают в качестве тягловцев государства, владеющих угодьями («деревнями») на основе выплаты государству феодальной ренты.

Серия жалованных грамот каринским князьям открывается, как мы уже отмечали, грамотой от 20 июля 1548 г. князьям Мурсейтовым, которым наряду с поместьем в Карине были пожалованы на Чепце «угодьи и луга, и перевесы, и пожни, со всеми теми угодьи, что изстари к тому поместью потягло» и

⁵⁸ Древние акты..., с. 16—17.

⁵⁹ Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков. Составитель доктор исторических наук П. Н. Луппов. Ижевск, 1959, с. 150.

⁶⁰ Там же, с. 51—56.

⁶¹ Там же, с. 352.

правом «ведати и судити... Беляков, Вотяков и Чувашу, пошлину на них имати»⁶². 24 января 1551 г. угодьями «вверх Чепцы реки оброчными, бобровыми реками и озерами» в четвертой и пятой удмуртских долях были пожалованы каринские татары Чекава Азегметев и его сын Езикеш⁶³. Несколько ранее паи в этих угодьях получили «Башканда Карачюрин, Матвей Девельяров, Касым Газыев, Унрюслам Мурсеитов и Чура Малышкин», причем не на вотчинном праве, а на условии уплаты в государеву казну оброка. Любопытно отметить, что в грамоте нет сведений о княжеском происхождении упомянутых, они называются «каринскими татарами»⁶⁴. В 1556 г. была «поновлена» и жалованная грамота Матвеем Деветлярову и Шамаю Казыеву, которые названы «вятскими князьями». В поместье им были пожалованы деревни Шепетьковская и Желтиковская со всем тем, «что к тем деревням изстари потягло пашни и покосов, и лесу и иных... угодий». Однако иммунитетные права владельцев распространялись только на тех, «кто у них в тех деревнях учнет жити», независимо от этнической принадлежности. Следовательно, право «ведати и судити» «Беляков, Чувашу и Вотяков» во второй половине XVI в. имели только Мурсеитовы, и власть их распространялась на весьма ограниченное количество населения.

О независимости большинства удмуртов от каринских князей говорит и тот факт, что в середине XVI в. удмурты в податном отношении были приравнены к русским чернососным крестьянам. Жалованная грамота удмуртам Сырьянской волости, пожелавшим принять православную веру, от 26 февраля 1557 г. освобождает их от уплаты податей на 3 года, «и как отяки крестятся во православную христианскую веру... ненадобе им моя царева и великого князя дань, ни ямские, ни пищальные деньги, ни посошная служба, ни городовое дело, и ни иные некоторые подати не дают никому ничего», т. е. сырьянские удмурты освобождались на 3 льготных года от всех разновидностей феодальных податей и поборов, от суда и ведения наместников великокняжеской власти на Вятке. По истечении «урочных лет» удмурты должны были нести тягло наряду с русским населением Сырьянской волости⁶⁵.

Забегая несколько вперед, отметим, что и грамота царя Федора Ивановича каринским и верхочепецким удмуртам от 1588 г., которая воспринимается как свидетельство былой зави-

⁶² Древние акты..., с. 22—23.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, с. 23—24.

⁶⁵ Там же, с. 30—31.

симости удмуртов от арских князей, на наш взгляд, говорит не столько об освобождении удмуртов от этой зависимости, сколько о непосредственном их подчинении Москве, помимо вятских наместников, о выплате податей и ведении всех судебных дел, кроме «разбоя и татбы с поличным», отдельно от русских черносотных крестьян и каринских мурз⁶⁶.

К сожалению, дошедшие до нас письменные источники, освещающие период присоединения удмуртов к Русскому государству, содержат очень много белых пятен и не дают возможности однозначного решения спорных вопросов истории края XV—XVI вв., несмотря на то, что, начиная с конца XV в., по северной группе удмуртов мы располагаем уже не только летописными заметками, но и актовными источниками.

Еще сложнее положение исследователя, обратившегося к истории южной части Удмуртии XV — и даже первой половины XVI в.; он вынужден довольствоваться исключительно летописями и литературными произведениями XVI в.

Подробные сведения о взаимоотношениях Русского государства и Казанского ханства, в которых нередко упоминается Арская земля, содержат Воскресенская, Никоновская и Львовская летописи. Недостаток летописных данных заключается прежде всего в том, что они не дают возможности дифференцировать этнические группы населения.

Отдельные данные об этническом составе участников событий периода «казанского взятия» содержит «История о Казанском царстве», созданная в 1564—1565 гг. Автором ее был очевидец событий, русский пленник, близкий в течение 20 лет к правящим кругам Казанского ханства⁶⁷. Наиболее ранняя, дошедшая до нас редакция памятника, относится к 1570—1571 гг. Судя по всему, автор «Казанской истории» под этнонимом «черемиса» нередко имеет в виду не только марийцев, но и южных удмуртов — арян, арских людей: «Живяху же за Ка-

⁶⁶ Документы по истории Удмуртии..., с. 354. Любопытно отметить, что в наказе в Екатерининскую законодательную комиссию бывшие каринские князья напоминают о всех правах, пожалованных им за службы: «...предки наши были Арские князья, по добровольному своему желанию, пришел в Москву, в вечное подданство подписались служить великому князю Василию Иоанновичу, за что он изволил их жаловать данною за собственную рукою своею грамотою в Слободском уезде на пашенную землю в Закаринской волости». Перечисляя все жалованные грамоты и льготы, данные им при прежних царях, они ни словом не упоминают о праве владеть удмуртским и берсермянским населением. Напротив, они подчеркивают, что «теми деревнями, как предки наши, а потом и мы владели половничеством русскими людьми...» (ТВУАК, 1907, вып. III, с. 48).

⁶⁷ Казанская история. Под ред. член-корр. АН СССР В. П. Андриановой-Перетц. М.-Л., 1954, с. 3; ПСРЛ, т. 19. СПб., 1903, с. 3.

мою рекою, в части земли своея, Болгарские князи и варвары, владеющие поганым языком черемиским» — отмечает он. Далее в главе IV, повествуя об основании Казани легендарным Саином: «и наведе из-за Камы реки язык лют и поган, болгарскую чернь со князи их и со старейшинами и многу ему сушу... Наполни такими людьми землю ту, еже ина черемиса, зовемая отяки (подчеркнуто нами — авт.)⁶⁸. Автор подчеркивает, что «... две бо Черемисы в Казанской области, а языка их три, четвертый язык варварской, владеюща ими; едина убо Черемиса об сю страну Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям, и та словет горная; другая же Черемиса об ону страну Волги живет, и та ся наречет луговая, низоты ради и ровности земли тоя — и все те луги, землепашцы и трудницы и злолютыя ратники. В той же стране луговой есть Черемиса Кокшаская и Ветлужская, живет в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным и войною питаются и живут, аки дикий»⁶⁹. По мнению некоторых исследователей, к удмуртам относятся данные о черемисе «кокшаской и ветлужской»⁷⁰. Однако этой точке зрения, на наш взгляд, противоречит описанный уровень хозяйственного развития народа: как известно, земледельческая культура удмуртов имеет довольно древнее происхождение.

В том, что «Казанская история» не дифференцирует удмуртов и мари, окончательно убеждает и отрывок о взятии древнего центра южных удмуртов — Арска — войсками Ивана Грозного.

«То-и бо острог стары, Ареск зовом, зделан аки град тверд, и з башнями, и с бойницы, и живет людей много в нем, и брегут велми... Великий же воевода князь Симеон виде, яко не взяти его тако просто, яко много есть в нем люду, бойцов единых 15000, и прикатив пушки и пищали к нему, начат бити.

⁶⁸ Сказание о царстве Казанском. Предисловие проф. Н. В. Водовозова. М., 1959, с. 27.

⁶⁹ ПСРЛ, т. 19, с. 60.

⁷⁰ Комментируя этот отрывок, чувашский исследователь В. Д. Димитриев считает, что первый народ, упоминаемый автором повести, чуваша, второй — марийцы, третий — «отяки», т. е. удмурты. Четвертый же народ, владеющий ими, — татары. (Димитриев В. Д. «О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVIII веков. — В кн.: «Ученые записки» Чувашского НИИ при СМ Чувашской АССР, т. XXVII, Чебоксары, 1964, с. 131—132). Г. Н. Айплатов также предполагает, что три «языка» Казанской земли — это марийцы, чуваша и удмурты. (Айплатов Г. Н. Расселение марийцев во второй половине XVI — начале XVIII вв. — В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967, с. 192—193); К. И. Козлова, хотя и категорически отвергает точку зрения Г. Н. Айплатова, не отрицает возможности того, что автор «Истории...» мог спутать луговых марийцев с удмуртами. (Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. Изд-во МГУ, 1978, с. 114—115).

Князи же Арския, и вся Черемиса, сидящая в нем, возопиша, и врата отверзоша, и руки подаша... и разплениша их Русь, и приведоша князей арских 12 и воевод Черемисских 7, и земских людей лутчих, избравше сотников старейших 300 и всех до 500 человек»⁷¹. Все население Арска автор в этом отрывке называет «черемисой», хотя очевидно, что во время осады здесь были сосредоточены не столько марийцы, сколько казанские удмурты — «арские люди». Узнав о падении Арска: «сведавше взятие великого града своего, изыдоша из острогов своих старейшины их и сотники, кои были не взяты еще»⁷². «Оставшиеся от воевания» в живых были переписаны. В число 93075 человек «луговой черемисы», охваченных переписью, вошли, очевидно, и удмурты.

Кроме «черемис», среди населения Арской земли летописи отмечают «чувашу арскую». Так, в 1551 г., когда «горные люди твердо к государю укрепилися», арские люди восстали против власти крымского улана Кучака: «...и приходили чюваша арская з боем на крымцов. О чем де не бьете челом государю? Пришли на царев двор, и крымцы Кошак улан с товарищи о ними билися, и побили чювашу»⁷³. Что значит термин «чюваша арская», свидетельствует ли он о наличии на территории Арской дороги чувашского населения? Здесь нельзя пройти мимо того факта, что в 40—50-е гг. XVI в. исторические источники фиксируют «чювашу» и на Вятке. В 1522 г. Василий III предписывал «каринским князем, чювашеном и вотякам» участвовать в строительстве укрепленных сооружений в г. Слободском и их охране. В 1546 г. слободские тяглые люди жаловались царю, что «у них деи у слобожан в станех Чисте и Верховине арские татарове и отяки и чювашане деревни покинули тяглые». В 1548 г., как мы уже отмечали, князья Мурсеитовы получили право «судить и ведать Беляков, Вотяков и Чувашу»⁷⁴. Самое любопытное заключается в том, что в документах 1547 и 1551 гг. эта группа населения на Вятке также называется «чувашой арской»⁷⁵.

В начале XVII в. наряду с «чувашой», на Вятке появляются бесермяне: перепись 1615 г. зафиксировала в Большом и Нижнем татарском погостах дворы «бесермян и отяков», а в погосте Шамарданов — дворы «чуваши и отяков». Перепись 1629 г.

⁷¹ ПСРЛ, т. 19, с. 127.

⁷² Там же, с. 169.

⁷³ История Татарии в документах и материалах. М., 1937, с. 117.

⁷⁴ Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв., с. 183, 195.

⁷⁵ Мухамедова Р. Г. Чепецкие татары. — В кн.: Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978, с. 9.

отметила в Каринской волости и «верх Чепцы дворы и пашню» «бесермян и отяков, и чуваша». В переписи 1646 г. «чуваша и отяки» отмечены в погосте Гоженове, а в погостах Шамарданов и Шамардан — только «отяки»⁷⁶; в переписи «приставных» дворов 1662 г. «чуваша и отяки» должны быть в погосте Красная Слюда, однако перечислены только «отяки», городище Гордняя Слода в заставке отмечается как населенное «чувашами», но перечисляются дворы бесермян⁷⁷. Перепись 1678 г. во всех «чувашских» деревнях отмечает бесермян, этноним «чуваша» на ее страницах более не появляется.

В то же время писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. содержит отзвуки бывшего пребывания на территории Арской дороги, в частности, в Арске бесермян. Так, описывая поместье служилого татарина д. Меньшой Муй Арской дороги Оксента Янчюрина, писец отмечает, что перевоз на р. Вятке «на усть Вирию» он отдаст в откуп «Арского города босурману Митюше Кривому»⁷⁸. Очевидно, не случайно Т. И. Тепляшина выявила в Заказанье, на территории, входящей в состав бывшей Арской дороги, значительный пласт бесермянской топонимики⁷⁹. По всей вероятности, «чуваша арская» и есть остатки того населения Арской земли, которое в XVI — нач. XVII в. мы застаем уже в бассейне р. Чепцы и объединяем под этнонимом «бесермяне». Не случайно в удмуртских преданиях говорится, что удмуртов, которые покинули пределы Арской земли и поселились за Вяткой, татары называли «д' уаш ар»⁸⁰.

Говоря об этнонимах, следует остановиться еще на одной загадке, которую содержат писцовые и переписные книги Казанского уезда. Загадка эта заключается в том, что ни один из сохранившихся демографических источников не содержит упоминаний об удмуртском населении ни в одном из употребительных для того времени вариантов (отяки, вотяки, арские люди), в то время как все другие этнические группы населения: чуваша, татары, марийцы так или иначе проходят по страницам межевых, дозорных, писцовых и переписных книг. Удмурты не упоминаются даже по Арской дороге, которая позже называлась не иначе как «воцкой» дорогой. Даже в «выписке перечневой ис переписной книги 1678 г. Казанского уезда Арские до-

⁷⁶ Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв., с. 218, 245.

⁷⁷ Там же, с. 251, 253.

⁷⁸ Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. Изд-во Казанского университета, 1978, с. 141.

⁷⁹ Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М., 1970, с. 22.

⁸⁰ РФ УдНИИ, оп. 3, д. 179. Материалы этнографической экспедиции. 1973 г., л. 54.

роги переписи Матвея Супонева», сохранившейся в составе материалов I ревизии⁸¹, сведений об удмуртском населении нет, хотя в общее число 12244 чел. мужского пола «ясашников» этой дороги они явно входят. Не содержат сведений об удмуртах и подлинные переписные книги 1678 г. по ясачным сотням Арской дороги⁸².

Разгадку предсказать пока довольно трудно, она требует кропотливой и внимательной работы в архивах по выявлению дополнительных источников и их сопоставлению.

В качестве первоначальной гипотезы можно предположить, что, как и в предыдущих случаях, мы имеем дело со смешением этнонимов, иначе говоря, удмурты называются другим этнонимом.

В этой связи нельзя не обратить внимания на обилие упоминаний о «ясачных чувашах» по Арской дороге, в то время как с первой четверти XVIII в. ни актов материал, ни демографические источники чувашского населения на этой территории почти не фиксируют. По поводу этого явления существует несколько гипотез. Е. И. Чернышов пришел к выводу, что под «чувашой» составители переписных и писцовых книг имели ввиду ясачных татар, в отличие от служилых⁸³. Р. Н. Степанов высказал другое, на наш взгляд, более вероятное предположение о постепенном (к концу XVII в.) отатаривании этой группы населения, генетически связанной, по его мнению, с болгарскими племенами. Он называет их «луговыми чувашами»⁸⁴. Однако, если сопоставить упоминания летописей о «чюваше арской» и встречающиеся в актах XVI в. сведения о «чюваше» в населенных пунктах с явно удмуртскими названиями («чюваша д. Люги», д. Малая Вошторма Кукмора Чувашская и т. д.)⁸⁵, то можно высказать еще одну гипотезу о том, что

⁸¹ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, л. 5809/к 23, л. 549—613.

⁸² Степанов Р. Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах.— В кн.: Сборник аспирантских работ. Право, история, филология. Изд-во КГУ, 1964, с. 53.

⁸³ Чернышов Е. И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г. Рига, 1963, с. 176.

⁸⁴ Степанов Р. Н. Указ. соч., с. 54, 67.

⁸⁵ Выпись из дела, выданная Казанским воеводой М. Л. Плещеевым Трифоновскому архимандриту Александру на вотчинную землю в Казанском уезде по Арской дороге, на устье реч. Вошторы 7188 (1580) г.— ТВУАК, 1908, вып. 1, с. 26, 27. Как известно, Вятско-Полянская вотчина Вятского Успенского Трифопова монастыря располагалась в самой гуще марийских и удмуртских селений, но в отводной выписи постоянно говорится о необходимости межевания «от татар и черемис и от чувашских земель». В 1602 г. при проверке владений монастыря, закрепленных за ним в 1595 г., межи были

под «чувашой» Арской дороги имеются в виду какие-то группы южноудмуртского населения, в определенной мере тюркизированные уже в составе Волжской Булгарии. Если же поставить в один ряд и факты постоянного употребления термина «чуваша», наряду с «отяками» и «бесермянами» для обозначения определенной этнической категории населения на севере Удмуртии, то это предположение становится довольно вероятным. Оно приобретает особый интерес в связи с гипотезой, согласно которой бесермяне — это часть южноудмуртского населения, испытавшего в условиях Булгарского государства длительное и сильное тюркское воздействие и перешедшего в государственную религию ислам (отсюда этноним «бесермянин», генетически скорее всего восходящий к «мусульманин») ⁸⁶. В этническом оформлении бесермян не исключено участие и какой-то тюркской группы, родственной позднейшим чувашам (не отсюда ли столь многочисленные параллели в костюмных комплексах бесермян и чувашей, а также факт смешения в источниках этнонимов «чуваша», «бесермяне»); после разгрома Волжской Булгарии часть «чуваша арской» оказалась на Вятке и здесь окончательно сформировалась та этническая группа удмуртов, которая впоследствии стала называться бесермянами.

Что касается «чуваша арской», оставшейся в Прикамье, в окружении тюркского населения, то, очевидно, татаризация ее продолжалась ускоренными темпами и завершилась уже в составе Русского государства, в результате эта группа населения, как справедливо полагает Р. Н. Степанов, пополнила собой ряды ясачных татар.

Таковы предварительные наши предположения. Дальнейшие поиски в этом направлении, думается, могли бы пролить свет на генетическую связь, очевидно, существующую между чувашами, «бесермянами», «арскими людьми» и «арскими князьями». Едва ли случайным является постоянное сплетение этих этнонимов в единый клубок. Не последнюю роль в решении этих вопросов должна сыграть археология. К сожалению, ни

повторно описаны, и писцы «досталную землю... смети, отказали Чюваше и Черемисе, которые владели наперед того...» (с. 20). При дозоре, произведенном в 1604 г. Беяницыным и Зюзиным, было выяснено, что по смежности с монастырскими владениями находятся... д. Вошторма Кукмор (17 дворов), д. Малая Вошторма Кукмора Чювашская (4 двора), д. Люга на р. Ошторме (10 дворов), д. Бюрь (5 дворов), д. Бертюшь (8 дворов), д. Кинюм (8 дворов), д. Бакларлар (16 дворов), с. 20—24.

⁸⁶ Владыкин В. Е. Происхождение бесермян. — В кн.: Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований. Тезисы. Тбилиси, 1971, с. 56—57.

на территории Арской земли, ни в Қарино до настоящего времени сколько-нибудь значительные археологические изыскания не проводились. Не известны нам и чисто бесермянские археологические памятники.

Факт присоединения к Русскому государству южной, прикамской части удмуртского населения также нашел отражение только в летописях. Актовые источники, свидетельствующие о вхождении удмуртов, как и других народов, в состав Русского государства, не сохранились. Летописи свидетельствуют, что после падения Казани арские люди направили к Ивану Грозному «казаков Шамая да Кубиша с грамотою, что бы государь велел ясаки имати, как и прежние цари». В октябре 1552 г. приехал «Никита Казаринов да Камай Мурза, а с ними многие арские люди, и царю-государю били челом: что бы им государь милость показал, а они всею землею государю бьют челом и ясаки дают». Наряду с луговыми марийцами, арские люди были «приведены к шерти», обязались платить ясаки, и царь приказал «управу на них чинити в Казани»⁸⁷.

В названных же летописных сводах нашел отражение и следующий за этим событием период 1552—1557 гг. — период смуты во вновь завоеванном Казанском крае. В этих сообщениях летописи южные удмурты продолжают именоваться «арскими людьми». Описание маршрута движения царских войск позволяет очертить географические рамки восстания марийцев и южных удмуртов. «И пришли воеводы на (Нурму и) Уржум от Казани десять дний ходу... А война их была от Казани по Каму, а от Волги за Ошит и за Уржум и на Илеть и по Вятцкие волости, от Казани вверх по Каме полтриста верст, а ходили от Казани четыре недели»...⁸⁸.

Одно из последних упоминаний общерусских летописных сводов об арских людях относится к 1557 г., когда «арские и побережные татары поставили на Каме в Лаишове город, и князь Петр устроил в нем новокрещенов и стрельцов»⁸⁹.

Таким образом, длительный процесс вхождения Удмуртии в состав Русского государства, охвативший период с 1489 по 1557 гг., обеспечен письменными источниками явно недостаточно. Сведения, отложившиеся в нарративных источниках, в большей мере затрагивают внешнюю сторону событий и дают очень мало материала для реконструкции социально-экономических отношений. Реконструкция исторических событий за-

⁸⁷ ТВУАК, 1905, вып. 1, с. 79—80; Шерть — присяга на верность, которую обычно давало мусульманское население.

⁸⁸ Там же, с. 82.

⁸⁹ Там же, с. 89.

трудняется еще и неопределенностью данных об этническом составе населения. Все это усиливает необходимость комплексного подхода к изучению истории этого периода с привлечением данных лингвистики, археологии, этнографии и истории.

Значение летописей для следующего этапа истории Удмуртии (конец XVI—XVII вв.) сходит на нет. Для истории северной части края, входившей в состав Вятского (Хлыновского) уезда и тяготевшей к Поморью, возрастает количество и, что важнее, значение актовых источников.

На первое место по обилию сведений, которые можно подвергнуть статистической обработке, следует поставить писцовые и переписные книги XVII в. К сожалению, писцовые книги XVI в., несомненно существовавшие (в источниках имеются сведения о «хомяковской описи», проведенной ранее 1546 г. и о переписи всех уездов писцами Богданом Григорьевым и Саввой Ишени в 1590 г.)⁹⁰, не дошли до нас. Самой ранней сохранившейся в списках писцовой книгой является «Дозорная книга» воеводы Ф. А. Звенигородского и дьяка М. Одинцова. Отмеченная книга — единственный источник, в котором нашло отражение не только число удмуртских селений и дворов в них, но и земельная их обеспеченность (указывается размер пахотной и сенокосной земли каждого селения в четвертях)⁹¹. В итоговой части писцовой книги приводятся и сведения о размерах обложения Каринской волости.

Писцовая книга 1615 г. свидетельствует о значительно более широком расселении удмуртов по сравнению с более поздним периодом. Кроме 37 погостов, деревень и починков в Каринском стане, они проживали в 6 деревнях и 3 починках Лужановского стана, расположенного в верховьях р. Вятки⁹². Следы былого расселения удмуртов за пределами Каринского стана зафиксировали и писцовые книги 1629 г. «письма и меры» Афанасия Толочанова и подьячего Андрея Иевлева. Деревни и пустоши с названием «Вотцкая», «Воцкая», «Отяцкая» отмечены в Спенцынском, Чепецком, Бобинском, Волковском, Великорецком станах и в Бьктрицкой волости Хлыновского уезда; в Холуницком, Сырьянском, Лужановском станах Слободского уезда, а также в Шестаковском уезде⁹³, в Кудинской, Истобенской и волости Чисть Орловского уезда, названия рек «Вотская» зафиксированы этой переписью и в Котельническом уезде⁹⁴.

⁹⁰ Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв., с. 191.

⁹¹ Там же, с. 179—190.

⁹² Там же, с. 192—194.

⁹³ Там же, с. 197—206.

⁹⁴ Там же, с. 206—207.

Непосредственно по Каринскому стану Хлыновского уезда писцовая книга 1629 г. не сохранилась. Итоговые ее данные сохранила выписка, сделанная в 1694 г. в Новгородском приказе, по которой в Каринском стане значится 10 татарских погостов, деревень и починков, 17 дворов татарских и 16 половничьих. За ними была закреплена 231 четверть с осьминой без получетверика пашенной и 93 четверти с полуосьминой без получетверика земли. Удмуртских и бесермянских погостов, деревень, починков и займищ было насчитано 53, в них дворов — 510, пашни — 710 четвертей доброй, 1001 четверть средней, перелога — 682 четвертей с осьминой без получетверика⁹⁵.

Подворные переписи 1646 и 1678 гг. дают сведения о количестве татарских, удмуртских и бесермянских селений, числе дворов в них, числе людей мужского пола и примерном возрастном составе мужского населения⁹⁶. Данные последней переписи о количестве дворов в удмуртских населенных пунктах и населенности дворов были обработаны П. Н. Лупповым⁹⁷.

О темпах возрастания населения в период между 1646 и 1678 гг. можно судить по переписи приставных дворов Каринской и Верхочепецкой волости 1662 г.⁹⁸ Данные этой переписи П. Н. Луппов не без оснований считал неполными⁹⁹. О дальнейшем освоении территории Удмуртии крестьянством свидетельствует перепись вновь расчистных починков, произведенная в 1697—1700 гг. московским сыщиком С. Г. Сандыревым¹⁰⁰.

Таким образом, переписные и писцовые книги XVII в. по северу Удмуртии следует считать относительно неплохо сохранившимися. Иначе обстоит дело с этой очень важной разновидностью источников по южной, прикамской части Удмуртии. Как мы уже отмечали, вплоть до конца XVII в. они не содержат почти никаких сведений, которые с полным основанием можно было бы отнести к удмуртам, хотя известно, что уже в 1552 г. после завоевания Казани население Казанского края было переписано. Цель переписи — выявление численности «черных людей» с тем, чтобы наложить на них «прямые яски». После подавления восстаний 1552—1557 гг., по свидетельству современника, «... мало же их живых остава во всей зем-

⁹⁵ Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв., с. 195.

⁹⁶ Там же, с. 207—246, 263—329.

⁹⁷ Луппов П. Н. Северные удмурты в конце XVII в. — В кн.: Труды Вятского НИИ краеведения, т. VII, вып. 1, Вятка, 1934.

⁹⁸ Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв., с. 246—263.

⁹⁹ Там же, с. 263.

¹⁰⁰ Там же, с. 331—337.

ли Казанской и разве простых черных людей и худых и немощных и убогих земледельцев»¹⁰¹. Удмурты принимали участие в восстании, развернувшемся в Поволжье в 1571—1572 гг. В 1572 г. движение луговых марийцев с Волги перекинулось на Каму. Отзвуки этого восстания, объединившего марийцев, башкир, удмуртов, хантов, нашли отражение в грамоте Ивана Грозного Якову и Григорию Строгановым от 6 августа 1572 г., в которой предписывалось «ходить и воевать наших изменников, на черемису, и на остяков, и на вотяков, и на ноган, которые нам изменили, от нас отложились»¹⁰².

Окончательное «устройство» Казанской земли было проведено в соответствии с положениями, изложенными в Уставной грамоте Ивана Грозного Казанской земле 1574 г.

Податное население было разделено на даруги (в русской транскрипции — дороги), как и во времена Казанского ханства. Сохранялось и деление на сотни. Центром тяготения для южных удмуртов по-прежнему оставался Арск. В завещании Ивана Грозного 1572 г. Арская сторона выделена наряду с другими центрами Казанской земли: «...город Казань с Арскою стороною и с Побережной стороною и с Луговой стороною... и со всеми волостями и с селы и с чювашею, и с черемисы, и с тарханы и с башкирдою, и с вотяки...»¹⁰³

Данные переписи 1716 г. сохранили сведения о 6 удмуртских сотнях, возглавляемых удмуртскими сотниками. Однако в первой четверти XVIII в. территория расселения южных удмуртов оказалась достаточно удаленной от Арска, который был к этому времени окружен татарскими ясачными и служилыми сотнями. По-видимому, это было следствием двух параллельно протекавших процессов: концентрации удмуртов по правым притокам р. Камы и отатаривания оставшихся островков удмуртского населения.

Уставная грамота Ивана Грозного 1574 г. Казанской земле, выявленная В. Д. Дмитриевым, дает возможность уяснить податное положение ясачного населения. Все категории ясачных крестьян, по данным грамоты, вносили в государеву казну медвяной оброк и пошлыны за бортные ухажай, куничный оброк и пошлыны за охотничьи угоды, исправляли «городовое дело, т.е. строили и поддерживали в надлежащем состоянии

¹⁰¹ Казанская история. М.-Л., 1954, с. 174.

¹⁰² Миллер Г. Ф. История Сибири. М.-Л., 1937, с. 338.

¹⁰³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.-Л., 1950, с. 439.

остроги и другие укрепления, несли ратную службу во время войны¹⁰⁴.

«Лутчие люди» (т.е. зажиточная прослойка местного населения) обязаны были давать в ратную службу с трех дворов по человеку летом и с двух дворов по человеку зимой для участия в дальних походах и по одному человеку с каждого двора — на ближнюю службу.

Царская администрация при управлении вновь присоединенным краем опиралась на представителей «лутчих людей». Из их среды выбирались сотники, исполнявшие как следует из уставной грамоты, функции советников при боярских головах: «... а вершить головам нашим детям боярским, которые у них будут, всякой суд меж их, докладывая бояр и воевод, приговаривая их с лутчими людьми, которые будут выбраны земле, вправду, без понаровки»¹⁰⁵.

Формы и методы управления конкретизировались в наказах воеводам, управляющим уездами и всей Казанской землей, из которых в научный оборот вовлечены указы казанским воеводам от 16 апреля 1613 г., 16 мая 1643 г., от 22 марта 1677 г., от 21 июля 1686 и от 31 марта 1697 г.¹⁰⁶

Следующая разновидность письменных источников, дающая возможность проследить податное положение северной группы удмуртов, татар, бесермян и чернососного крестьянства в целом в XVII в.— это так называемые «Сметные и пометные» списки городов и уездов Вятской земли, сохранившиеся за 1622, 1624, 1626, 1629, 1630, 1653—1663, 1671, 1691, 1692, 1695, 1696 и др. годы в ЦГАДА в фонде «Боярские и городовые книги» (137)¹⁰⁷. Они содержат детальные сведения о денежных и иных доходах, получаемых казной с вятских городов и их уездов, в том числе и с Каринского стана Хлыновского уезда.

В данном обзоре источников, имеющем предварительный характер, нельзя не коснуться еще одного весьма важного и значительного комплекса документов, материалы которого разбросаны по двум фондам ЦГАДА и значение которого для истории Удмуртии трудно переоценить. Это материалы двух сысков, проведенных на севере Удмуртии в конце XVII — начале XVIII веков.

Как известно, организация сысков была довольно распрост-

¹⁰⁴ *Дмитриев В. Д.* Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI — начала XVII века.— В кн.: Ученые записки Чувашского НИИЯЛИЗ, вып. XXII, Чебоксары, 1963, с. 131.

¹⁰⁵ Там же, соч., с. 131—135.

¹⁰⁶ *Дмитриев В. Д.* Царские указы казанским воеводам XVII века.— В кн.: История и культура Чувашской АССР, вып. 3, Чебоксары, 1974, с. 284—419.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 1-6а, 66, 76, 9, 12, 12а, 126, 13, 13а, 136.

раненным методом решения разного рода спорных вопросов в практике правительственных учреждений России, начиная с XV в. и вплоть до реформы 1864 г. Цели и назначение сысков были самыми различными. Но чаще всего таковыми являлись сыск беглых помещичьих крестьян и тяглых людей, решение всевозможных спорных дел по владению угодьями, а также ревизии сыщиками деятельности местной администрации, на злоупотребление которой шел непрекращающийся поток челобитных.

Сыски были весьма частым явлением и на Вятке. Только в XVII в. они производились неоднократно: в 1615, 1629, 1648, 1673, 1696, 1698 гг. Из всего многообразия вятских сысков выделяются два: С. Г. Сандырева (1699—1700) и А. И. Челищева (1701—1704), которые значительно превосходят как предшествующие, так и последующие мероприятия подобного рода по своим масштабам и по обилию вовлеченного актового материала ¹⁰⁸.

Делопроизводство Сандырева-Челищева представляет собой едва ли не самый интересный и богатый источник из всех существующих по феодальной истории удмуртов.

Нельзя сказать, что материалы сысков Сандырева-Челищева не были известны исследователям: «Владельческая выпись» А. И. Челищева была опубликована с краткими комментариями краеведом Стрельцовым в 1926 г.¹⁰⁹, П. Н. Луппов — крупнейший знаток архивных источников по истории Удмуртии — использовал данные сысков в своей статье, отдельные извлечения вошли также в его подборку документов по истории феодальной Удмуртии ¹¹⁰.

В. Л. Бушуева многие разделы своей работы строит на основе сысков Сандырева-Челищева ¹¹¹. И тем не менее, материа-

¹⁰⁸ Надо отметить, что наиболее интересные и значительные дела: д. 170 за 1700 г. «Переписные книги дьяка Саввы Сандырева о новопоселенных отяцких, бесермянских и татарских дворах после переписей 1678 г.» и д. 44а, 44б, 44в за 1702 г.: «Сыское дело, что искал стольник Артемий Челищев Хлыновской съезжей избы на подьячих в грабеже и обидах отякам, бесермянам и татарам Вятского уезду» хранятся в фонде «Приказные дела старых лет» ЦГАДА. Кроме того, отдельные документы имеются в рукописном фонде НИИ при СМ УАССР. Это подлинник «Владельческой выписи», данной А. И. Челищевым удмуртам Верхочепецкой V Пургинской доли, ранее находившейся в личном архиве удмуртского этнографа Г. Е. Верещагина. — РФ УдНИИ, д. 374.

¹⁰⁹ «Труды научного общества по изучению Вотского края», вып. 1. Ижевск, 1926, с. 1—29.

¹¹⁰ Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв... Ижевск, 1958, с. 148—174.

¹¹¹ Бушуева В. Л. Социально-экономические отношения удмуртской чепецкой деревни на рубеже XVII—XVIII вв. Автореф. канд. диссерт., М., 1951.

лы сысков — эта богатая совокупность разнородных материалов — в широкий научный оборот до сих пор еще не введена. Далека от своего завершения разработка этого источника. Почти не исследована и история проведения сысков Сандырева-Челищева, между тем она заслуживает самого пристального внимания, ибо проливает свет на происхождение тех или иных документов сысков, помогает их исторической интерпретации.

Материалы сысков содержат большое многообразие документов, не только взаимно дополняющих друг друга, но и, что важнее, делающих возможной сопоставление и проверку сообщаемых ими сведений. Кроме того, материалы сысков отмечаются широкими хронологическими рамками: по времени их непосредственного проведения сыски относятся к концу XVII — началу XVIII вв., однако они содержат довольно обширный материал и более раннего времени, начиная с конца XVI века.

По характеру, месту происхождения и содержанию этот комплекс разнообразных источников весьма условно можно подразделить на несколько групп:

1) Официальные документы, исходившие от верховной власти: царя, Новгородского и Поместного приказов, а также от представителей местной администрации (копии жалованных грамот удмуртам и каринским татарам, указы и их копии, памятки, наказы, отписки, отводные выписи, памяти и т. д.). Сюда же можно отнести и документы, в которых зафиксированы результаты сысков (переписные книги, владетельные выписи и т. д.). Эта группа документов дает возможность раскрыть политику царизма по отношению к северной группе удмуртов и бесермян. К началу XVIII столетия они были поставлены в одинаковое положение с русскими черносошными крестьянами и несли с ними равное податное бремя.

Землю, которую удмурты считали исконно своею: «...до писцов, также и по писцовым книгам искони вечно владели прадеды и деды и отцы их вотчинными своими... землями», правительство рассматривало как безраздельную собственность государства, пользование которой может быть дозволено только при условии тягла или оброка. В наказе сыщику С. Сандыреву настойчиво подчеркивается необходимость переписать вновь построенные после переписи 1678 г. удмуртские и бесермянские дворы «чтобы никто никакими землями безоброчно не владел».

Комплексное хозяйство, в котором значительный удельный вес сохраняли охота и рыболовство, и наличие таких форм земледелия, как подсека и перелог, требовало известного запаса свободной земли и было возможно лишь при определенном территориальном просторе. Между тем правительство в лице

местных вятских воевод и приказных людей совершенно не учитывало этой специфики хозяйства удмуртов и щедро раздавало на оброк удмуртские земли, хотя «пустых де порозжих мест... никаких у них нет, потому что де которые земли годны под пашню и под сенные покосы, и те земли у них роспаханы и росчищены и многие жильем заселены, а в лесах и по рекам и по речкам звериные и птичьи и рыбные ловли, и бобровые гоны, и бортные уголья и канежники, и колодники заведены...»¹¹²

Вместе с тем царизм был заинтересован в сохранении за удмуртами определенного минимума земель как средства обеспечения их платежеспособности. Именно этим объясняется тот факт, что большинство правительственных сысков на Вятке имели своей целью упорядочение земельных отношений между удмуртами, с одной стороны, и монастырями, каринскими татарами и русскими крестьянами-переселенцами, — с другой.

Это же стремление обеспечить исправное поступление податей в казну диктовало эпизодически проявляющиеся попытки оградить удмуртов и бесермян от чрезмерного произвола и грабежа вятской администрации и ее союзников, бывших каринских князей и мурз. Так, сыски Сандырева-Челищева были направлены в некоторой степени против подьячего Вятской приказной избы Ильи Шеина, вымогательства которого превзошли даже обычные, характерные для вятской администрации злоупотребления. Не был заинтересован в сыске и сам вятский воевода П. Бутурлин, опасавшийся вскрытия своих противозаконных действий.

2) Другая группа источников, которую мы выделяем, — это многочисленные акты частного-правового характера (купчие, закладные на землю, заемные кабалы, жилые, половничьи и кортомные записи).

В сочетании с другой условной категорией документов, возникших в ходе сыска и исходивших от истцов и ответчиков (многочисленные челобитные, мирские приговоры, записи допросных речей), — эта группа дает довольно богатый материал для характеристики социально-экономической жизни чепецкой деревни в XVII — начале XVIII вв. О количестве подобного рода актов, отложившихся в материалах сысков, свидетельствует хотя бы то, что по подсчетам В. Л. Бушуевой, А. И. Челищеву было предъявлено свыше 300 заемных кабал, представленных к оплате¹¹³.

¹¹² РФ УдНИИ, д. 37, лл. 5—5 об.

¹¹³ Бушуева В. Л. Социально-экономические отношения удмуртской чепецкой деревни на рубеже XVII—XVIII вв. Рукопись диссерт., с. 166.

Особенно отчетливо выявляются в этих документах взаимоотношения удмуртского крестьянства с каринскими татарами, с их верхушкой, экономическое могущество которой основывается как на кабальной эксплуатации своих сородичей — беднейшей части татарской деревни и соседей — удмуртов и бесермян, так и на приспособлении своего хозяйства к товарно-денежным отношениям, начавшим проникать в чепецкую деревню.

Документы характеризуют те формы и методы, посредством которых татарское землевладение закрепляется внутри самих удмуртских крестьянских общин.

Бывшие татарские мурзы и князья сосредоточили в своих руках значительное количество купчих и закладных кабал на земли удмуртов и бесермян, которые обрабатывались трудом самих же половников-удмуртов и крепостных наемных работников «по жилым записям». В результате сысков к удмуртам отошли только земли, захваченные явно незаконными путями после переписных книг 1678 года.

Не менее ярко вырисовываются в источниках и те методы, посредством которых татарская верхушка превращала своих сородичей, а чаще всего удмуртов и бесермян в своих «крепостных наемных работников» и половников, значительное число которых было зафиксировано еще первой Генеральной ревизией. Огромное количество заемных кабал, жилых и половничьих записей, обусловленных денежным долгом, свидетельствуют о недостаточном развитии в XVII в. в самой удмуртской деревне товарно-денежных отношений, в результате чего деньги, так необходимые «на расплату государственных податей», были редки, и ростовщики — татарская верхушка захватила монополию на кабальную эксплуатацию своих соседей. Но экономический гнет бывших татарских феодалов сочетался с внеэкономическим принуждением.

При поддержке администрации представители княжеских фамилий захватывали выборные должности старост и толмачей в удмуртских тяглых общинах-долях и, пользуясь своим положением, «чинили многие нападки и разорения». Как выяснилось в ходе сыска, значительная часть заемных кабал, жилых и половничьих записей были либо «намучены», либо сумма, указанная в кабале, была уже давно отработана или выплачена, однако «должники» продолжали эксплуатироваться в хозяйстве кредиторов.

Большинство половников и работников, эксплуатировавшихся в хозяйствах татар по кабальным, чаще всего «намученным» записям, получили свободу только в результате второго сыска.

Материалы сысков в то же время свидетельствуют о том, что удмуртская и бесермянская деревни уже не были однородными. Сыски застали их в тот момент, когда из среды удмуртского крестьянства стали выделяться «коштаны», «ябедники», «ушники», поддерживающие татарскую верхушку и предававшие интересы своих сородичей-удмуртов.

В то же время материалы сысков Сандырева-Челищева позволяют говорить о все усиливающемся этнокультурном сотрудничестве удмуртского, русского и татарского населения и проливают свет на формы этого сотрудничества. В качестве примера тесных связей удмуртской бедноты с русским податным населением мы можем указать на сотрудничество их в челобитных делах. В частности, удмурты неоднократно получали помощь со стороны грамотных русских людей. Известно, что одним из толмачей для удмуртов, который часто писал челобитные, несмотря на репрессии со стороны властей, был хлыновский площадной подьячий Андрей Харин; его дело продолжил русский крестьянин Данило Мошковцев¹¹⁴.

Сыски Сандырева-Челищева, конечно, не решили всех проблем, которые стояли перед удмуртской деревней на рубеже XVII—XVIII вв., они лишь в какой-то степени упорядочили взаимоотношения чепецких удмуртов с каринскими татарами и в известной мере на время сняли остроту противоречий.

Ничтожность практических результатов вятских сысков не умаляет их значения как исторического источника. В результате деятельности сыщиков историк располагает обширным комплексом документов, охватывающих почти все стороны жизни удмуртского общества конца XVII — начала XVIII вв.

Заканчивая обзор источников, необходимо сказать несколько слов о сочинениях иностранцев, которые занимают особое место среди источников по истории России XIV—XVII вв.

Матвей Меховский, профессор и ректор Краковского университета, пользовавшийся сведениями от случайных русских, сообщает в 1517 г. об областях и племенах «Скифии», находящихся к северо-востоку от Московии, «подвластных московскому князю и покоренных первоначально Иваном, князем московским, а именно: Пермь, Башкирия, Черемиссия, Югра, Корела. «В этих областях,— пишет М. Меховский,— не пашут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесной дичью, которая у них водится в изобилии и пьют только воду, живут в густых лесах, в шалашах из хвороста». Далее Меховский сообщает, что в каждой из отмеченных им областей свой язык, «и все они

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 131, 1699, д. 2, л. 2, 162.

платят дань московскому князю шкурами лесных животных, которых имеют в изобилии»¹¹⁵.

Значительно большей конкретностью отличаются представления тех европейских авторов, которые сами побывали в Русском государстве, имели возможность ознакомиться с подлинными документами. На страницах их книг появляются данные о Вятском крае, о его климатических условиях, природных богатствах. Так, польский дипломат Александр Гваньинус в своей книге, написанной в 1581 г., сообщает, что Вятский край... «весь почти... болотист и бесплоден, но изобилует медом, дикими зверями и рыбами»¹¹⁶.

Любопытны сведения, сообщаемые английским путешественником Антонием Дженкинсоном, совершившим путешествие через Русское государство в Среднюю Азию в 1558—1560 гг. «Я был в разных странах, лежащих поблизости от Каспийского моря, языческих и магометанских — в Казани, Крыму, Рязани, у черемисов, мордвы, у вятчан, у ногайцев и других народов с необыкновенными обычаями и верованиями», — пишет он. Как следует из контекста, «вятчанами» Дженкинсон, очевидно, называет удмуртов, упоминая о них наряду с марийцами и мордвой.

«Страна между Казанью и Камой, — отмечает он, — называется (Vachen), ее обитатели язычники и живут в диких местах без домов и других жилищ, страна же на той стороне Волги, против Камы называется землей черемисов, полуязычников, полутатар»¹¹⁷. Очевидно, в состав «Vachen» Дженкинсон включает и область расселения южных удмуртов, он располагает ее между Казанью и Камой и областью расселения горных марийцев и чуваш. На карте Дженкинсона Вятская земля доходит до Средней Камы, северная ее граница — до р. Юг, до Вычегды и Ижмы. На ее территории обозначен один город — Viatko¹¹⁸.

Еще более подробными сведениями располагает Сигизмунд Герберштейн, дважды (в 1517 и 1526 гг.) побывавший в Московском государстве. «Вятская область за рекою Камою отстоит почти на 150 миль от Москвы к летнему Востоку, до нее можно добраться, правда, более коротким, но зато более опасным путем через Кострому и Галичь... Стране дала имя

¹¹⁵ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. т. 1, XIII—XVII вв. Иркутск, 1932, с. 77.

¹¹⁶ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, 1911, № 1, с. 5.

¹¹⁷ Английские путешественники в Московском государстве XVI века. Перевод с английского Ю. В. Готье. М., 1937, с. 68, 69.

¹¹⁸ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVII века. М., 1974, с. 24—25, 44.

одноименная река, на берегу которой находится Хлынов, Орлов и Слободское... Страна болотиста и бесплодна и служит как бы неким неприкосновенным убежищем для беглых рабов, изобилует медом, зверями, рыбами и белками. Некогда она составляла владение татар, так что еще и поныне по ту и по сю сторону Вятки, в особенности при ее устье, где она впадает в реку Каму, властвуют татары»¹¹⁹.

Как можно убедиться, географические сведения, которыми располагал Герберштейн, достаточно точны. Примечательна фраза Герберштейна о том, что Вятка «служит... убежищем для беглых рабов...», очень напоминающая рассказ «Повести о стране Вятской» о заселении Вятки беглыми новгородскими рабами. Не является ли это свидетельством знакомства С. Герберштейна с этим источником, а следовательно, гораздо более раннего, чем в конце XVII — начале XVIII вв., как полагают новейшие исследователи¹²⁰, появления «Повести о стране Вятской?»

Что касается познаний С. Герберштейна об этническом составе жителей, то судя по всему, он полагает, что Вятская земля населена «черемисами». «Этот народ обитает на далеком и широком пространстве от Вятки до Вологды до р. Камы», — отмечает он, следовательно, все, что в его повествовании относится к «черемисам», распространяется и на удмуртов. В последнем убеждает и карта Герберштейна, вышедшая ранее его труда. На ней вятские города: Хлынов, Орлов, Котельнич, Слободской расположены на территории расселения «черемис»¹²¹.

Очень близко по содержанию в части, касающейся Вятки, к «Запискам» Герберштейна «Рассуждение о Московии» итальянского дипломата Франциско Тьеполо, написанное им на основе компиляции из различных исторических источников в 1560 г.

«Вяткан с ее городом того же имени, — сообщает он, — называется так по реке, пересекающей ее. Это — узкая и длинная область, в большей части бесплодная и болотистая... Это равнина, частью лесистая. Она представляет как бы пристанище для рабов, убегающих от татар, так как граничит с ними. С запада от нее Кассан, с юга — область — Сибирь, населенная ногаями, с востока — шибаны и козацки, с севера — тумены и Пермия».

Итак, у Тьеполо Вятка, как и у Герберштейна, является местом пребывания рабов, но он конкретизирует их происхож-

¹¹⁹ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Маленна. СПб., 1908, с. 134.

¹²⁰ Малеванов Н. А. Неизвестный список «Повести о стране Вятской». — В кн.: Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. XVIII, М., 1962, с. 370.

¹²¹ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 82—83.

дение — «убегающих от татар». Как и Герберштейн, Тьеполо говорит о том, что Вятка была подвластна Казанскому царству, а во времена правления Ивана III, «после того, как он овладел областью Пермией», отошла к Москве. В дополнение к Герберштейну Тьеполо сообщает, что «как ближайшая к татарам (Вяткан) особенно хорошо охраняется да и при том и сама по себе защищена множеством лесов и болот, со всех сторон ее окружающих»¹²².

Экономико-географические сведения о Вятской земле первой четверти XVIII в. можно почерпнуть из труда шведского историка и дипломата Петра Петрея де Ерлезунда, несколько раз посетившего Русское государство и написавшего сочинение о Великом княжестве Московском, опубликованное в 1615 г. и 1620 г. «Княжество Вятка,— сообщает он,— большая страна, очень изобильная медом, дичью и рыбою; можно поставить ее наряду с самыми лучшими краями. Но там не очень хлебородная земля, потому что она лесиста и болотиста, орошается множеством рек и речек и поросла густым кустарником и лесом. По этой области текут две большие реки: одна называется Вятка, от которой страна и город получили свое имя: близ этой же реки построены четыре других города: Хлынов, Орлов, Котельнич и Слобода. Другая река называется Кама и граничит с Сибирью. Жители области платят великому князю дань, большей частью — мехами»¹²³.

Петр Петрей де Ерлезунд, как явствует из этого отрывка, был весьма информирован в тех вопросах, которые его интересовали. Характеристика природных богатств Вятской земли, данная им, во многом совпадает с экономико-географическими описаниями нашего края последней четверти XVIII в.

Голландский ученый и дипломат Николаус Витсен в составе посольства побывал в России в 1664—1667 гг. и составил обширный труд «Северная и восточная Татария», впервые увидевший свет в Амстердаме в 1692 г. Здесь содержатся интересные сведения и о народах Поволжья. Однако удмуртов по тогдашней традиции Витсен не выделяет среди «вятских язычников» или причисляет их к «черемисам». Так, он пишет о главном городе Вятского края Хлынове и г. Слободском, около которых живут «черемисы», — из географического контекста ясно, что речь идет скорее всего об удмуртах. Витсен, кажется,

¹²² Аннинский С. А. «Рассуждение о Московии» Франциско Тьеполо. — Исторический архив, т. III. М.-Л., 1940, с. 334.

¹²³ Хрестоматия по истории Удмуртии. Ижевск, 1973, с. 21.

одним из первых западноевропейских авторов упоминает о каринских татарах, живущих в Карино ¹²⁴.

Итак, известия иностранцев в какой-то степени дополняют материалы русских источников XVI—XVII вв. и свидетельствуют о проникновении данных преимущественно о географическом расположении, климатических условиях и природных богатствах нашего края в западноевропейскую историографию. Однако эти сведения еще крайне фрагментарны, порой даже фантастичны, так как материал поступал к авторам через множество посредников. Западноевропейская историография, как впрочем и наша отечественная того периода, часто еще не дифференцирует удмуртов среди народов Поволжско-Приуральского региона, причисляя их то к «пермянам», то «черемисам», что, очевидно, свидетельствует еще о недостаточной налаженности информированности об удмуртах, в отличие от зырян, мари, мордвы, башкир, которые представлены в исторических источниках с гораздо большей полнотой.

Такова в общем плане та источниковедческая база, которой располагает историк при рассмотрении истории Удмуртии IX—XVII вв. Необходимо еще раз отметить, что источники этого периода крайне пестры, разнородны, противоречивы, следовательно, далеко не равноценны. Они очень неравномерно располагаются в этом историческом пространстве, фактически первые письменные источники, которые в той или иной степени могут быть спроецированы на удмуртскую историю, датируются рубежом I—II тыс. н. э. Здесь мы оставили без внимания возможности античной исторической традиции в прочтении ранних страниц истории Вятско-Камского края ¹²⁵, поскольку они нуждаются не только в специальном филигранном источниковедческом анализе, но и сами по себе, видимо, могут быть лишь своего рода историческими символами, сложный смысл которых может быть расшифрован лишь при синтезе данных всех дочерних исторических наук (особенно велика роль в реконструкции ранней этнической истории археологической науки, пока же наша региональная археология во многом носит констатирующий характер, не затрагивая сущности этносоциальных процессов), а также с привлечением исторической лингвистики (в частности, при определении стратиграфии взаимодействия языков), топонимики, этнонимики, фольклористики, палеоэко-

¹²⁴ *N. Witsen. Noord en Oost Tartaryen. Te Amsterdam. MDCLXXXV, s. 48, 84, 464—467, 497.*

¹²⁵ См. подробнее об этом: *Сысоева М. В.* Первые письменные сведения об удмуртах.— В кн.: *Вопросы финно-угорского языкознания, вып. IV.* Ижевск, 1967, с. 295—297.

номики и т. д. Впрочем, настоятельная необходимость синтеза данных смежных наук совершенно очевидна при анализе всех видов источников, но это требование особенно остро ощущается при работе над источниками, относящимися к ранним периодам истории.

В удмуртском источниковедении неотложными задачами являются концентрация усилий по эвристике (выявлению) источников, их герменевтике (истолкованию) и, конечно же, их публикации, последнее приобретает особую актуальность.

За пределами данной статьи остались многие аспекты источниковедческих проблем истории Удмуртии (в частности, только приводятся, но не анализируются сведения средневековых западноевропейских авторов — многие из них еще ждут своего выявления, то же самое можно сказать о данных арабских источников, они все еще остаются для нас во многом (*terra incognita*), многие сюжеты в статье намечены лишь ориентировочно и пока в общем плане. И все-таки, думается, данная работа была проведена не бесполезно, она может послужить подспорьем при создании целостного свода источников по истории Удмуртии.

В. А. Семенов

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ БАСЕЙНА р. ЧЕПЦЫ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Одной из сложных проблем в истории удмуртов остается проблема выяснения этнокультурной принадлежности отдельных групп населения, участвовавших в освоении территории бассейна р. Чепцы и сложении здесь впоследствии северной группы удмуртского народа.

Впервые вопрос о происхождении чепецкого населения был поднят еще в XIX в. В обзорном докладе о древностях Вятского края, подготовленном для VIII археологического съезда России, А. А. Спицын указал на типологическое единство вещевого материала верховьев Камы, Чепцы и Пижмы. По его мнению, заселение Чепцы произошло с Верхней Камы, с ее притоков — Обвы и Иньвы, а затем, как считал А. А. Спицын, выходцы с Чепцы освоили и бассейн р. Вятки. Заселение Чепцы верхнекамским населением, считал А. А. Спицын, произошло в булгарскую эпоху (V—XIII вв. по его датировке), а расцвет культуры чепецкого населения он относил к VII—X вв.¹

В конце 20-х — начале 30-х годов на Чепце провели большую работу археологи С. Г. Матвеев и А. П. Смирнов. Исследованные ими могильники и поселения дали обильный вещевой материал, позволивший реконструировать некоторые экономические, социальные и этнические стороны жизни местного населения в эпоху средневековья. Рассматривая вопрос о происхождении чепецкого населения, А. П. Смирнов обращает внимание прежде всего на сходство форм чепецкой керамики и ее орнаментации с керамикой ананьинской эпохи. Продолжение ананьинских традиций он видит в местных украшениях, особенно зооморфных, в некоторых элементах погребального обряда, в

¹ Спицын А. А. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Вятка, 1889, с. 18.

характере возводимых здесь укрепленных поселений и др. На этом основании он делает вывод о том, что чепецкое население — это прямые потомки ананьинско-пьяноборских племен, и что заселение Чепцы произошло не с Верхней Камы, а с Вятки². При чем А. П. Смирнов считал, что освоение чепецкого района произошло лишь в IX в.³

В конце 50-х, начале 60-х годов к вопросу о происхождении чепецкого населения обратился В. Ф. Генинг. На основе типологического сходства некоторых вещей I Поломского могильника с вещевым материалом харинских памятников Верхнего Прикамья он делает вывод о заселении Чепцы в III—IV вв. верхнекамскими племенами⁴. Позднее, после исследований, проведенных на ряде памятников Чепцы и особенно на могильнике Мыдлань-шай, В. Ф. Генинг склоняется к мысли об освоении Чепцы среднекамскими, осинскими племенами. Основным аргументом в пользу этой гипотезы он выдвигает относительно близкое сходство элементов орнаментации бытовой керамики Осинского городища и поселений Чепцы. Определенное сходство между памятниками этих районов В. Ф. Генинг прослеживает и в устройстве жилища. Вместе с тем он считает, что в формировании чепецких удмуртов принимали некоторое участие также азелинско-мазунинские и угро-самодийские племена⁵. В это же время В. Ф. Генингом была высказана мысль о том, что чепецкий район был основной территорией формирования удмуртского этноса⁶.

Большую работу по изучению истории формирования антропологического облика приуральских народов в 50—60-х годах провела М. С. Акимова. Изучив материалы десятков ранних и поздних памятников края, она, в частности, пришла к выводу, что в формировании северных удмуртов принимали участие как верхнекамские, так и вятские (азелинские) племена. Сравнительные материалы, приведенные М. С. Акимовой по ранним (VIII—IX вв.) и поздним (XVI—XVIII вв.) могильникам, поз-

² Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 28, 1952; с. 230—232.

³ Смирнов А. П. Финские феодальные города.— В сб.: На удмуртские темы. М., 1931, с. 41—42.

⁴ Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, с. 97; его же. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа.— Труды КФАН, серия гуманитарных наук, вып. 2, Казань, 1959, с. 197.

⁵ Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии.— ВФУЯ, вып. IV. Ижевск, 1967, с. 274, 275.

⁶ Генинг В. Ф. Указ. соч., с. 278.

волили ей сделать вывод о прямой преемственности чепецкого населения от эпохи I тыс. н. э. до настоящего времени⁷.

В 60—70-х годах к вопросу этнической истории удмуртов обратился этнограф В. Е. Владыкин. Рассматривая вопрос о судьбе ананьинско-пьяноборского населения, он соглашается с выводами А. П. Смирнова и В. А. Оборина о том, это эти племена были той основой, на которой формировался удмуртский этнос⁸. Остановившись на вопросе о заселении бассейна р. Чепцы, В. Е. Владыкин склоняется к мысли о приходе сюда населения как с Верхней Камы, так и с территории Волго-Вятского района. В то же время В. Е. Владыкин считает, что не Чепца, как полагает В. Ф. Генинг, а Вятка явилась тем районом, где в пер. пол. I тыс. н. э. шло формирование основного ядра удмуртского народа⁹.

В конце 70-х годов на основе материалов, полученных за последние годы, нами было высказано мнение об одновременном (середина VI в.) заселении Чепцы как верхнекамским (Варнинский могильник), так и Волго-Вятским и азелинским (Концовский могильник) населением¹⁰.

Таким образом, в вопросе о времени освоения среднечепецкого района и истоках его населения к настоящему времени существует несколько точек зрения. Но вместе с тем все перечисленные авторы едины в основном своем выводе — заселение Чепцы произошло прикамскими пермоязычными племенами.

Иная точка зрения на происхождение этой группы населения была высказана в начале 70-х годов Е. А. Халиковой, поставившей под сомнение пермскую принадлежность как чепецкого, так и верхнекамского населения, жившего здесь на рубеже I—II тыс. н. э. По ее мнению, это были какие-то другие по этнической принадлежности племена, которые впоследствии участвовали в сложении населения Волжской Булгарии¹¹. Эта точка зрения поддерживается А. Х. Халиковым в его последней работе, в которой он предлагает искать предков пермоязычных

⁷ Акимова М. С. Антропологические материалы из могильника Мыдланьшай.— ВАН, вып. 3, Свердловск, 1962, с. 122; *её же*. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968, с. 51—52.

⁸ Wladikin W. Die frühen perioden der Ethnogenese der Udmurten (Wotjaken).— Akta Ethnographica, t. 21 (3—4). Budapest, 1972, pp. 237, 238, 247, 249.

⁹ Там же, с. 251, 252.

¹⁰ Семенов В. А. К вопросу о времени появления пермского населения в бассейне р. Чепцы.— ВФУ, ч. II, Сыктывкар, 1979, с. 85.

¹¹ Халикова Е. А. К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских и раннеродановских памятников Верхнего Прикамья.— ВФУ, вып. V, Йошкар-Ола, 1970, с. 301.

народов, в том числе и удмуртов, на территории не южнее верховьев Вятки, Камы, Вычегды¹².

Выводы об этнической принадлежности чепецкого населения, сделанные в 50 и 60-х годах В. Ф. Генингом, строились на материалах, полученных более 20 лет назад. За прошедшее время в регионе выявлены и исследованы десятки новых поселений и могильников, материалы которых не только существенно дополнили наши сведения о материальной и духовной культуре местного населения, но и в определенной степени позволили по-новому подойти к вопросу выяснения времени заселения рассматриваемого района и этнической принадлежности населения, участвовавшего в его освоении.

В начале 70-х годов близ устья р. Чепцы, на берегу Вятки Кировским археологом И. И. Стефановой был открыт и в течение нескольких лет исследовался могильник у д. Конец. Находка в комплексах этого памятника эпохотобразных застёжек азелинского типа, характерных ажурных нагрудных украшений, застёжек, перстней с ромбическими и спиралевидными щитками, оригинальных уточек-подвесок, поясов с геральдической гарнитурой и т.д.— все это дает основание датировать могильник VI—VII вв. и связывать его происхождение с позднеазелинским населением¹³.

Обнаружение таких памятников, как Концовский могильник, археологами ожидалось давно, поскольку в более поздних памятниках Вятки, Чепцы и Верхней Камы чувствовалось культурное наследие азелинских племен, но между собственно азелинскими памятниками III—V вв. и памятниками IX—XII вв. не было связующего звена. Наличие позднеазелинского памятника в районе расселения слободских удмуртов и поныне живущих там компактной группой служит одним из свидетельств раннего проникновения потомков пьяноборского населения в приустьевую часть Чепцы, где оно, по-видимому, участвовало в формировании этой части северных удмуртов.

Более неожиданной для специалистов оказалась находка на Чепце другого памятника — Городищенского могильника, обнаруженного в районе расселения косинско-унинских удмуртов. Несмотря на то, что на могильнике вскрыто только два погребения, материалов оказалось достаточно для определения времени его функционирования и этнокультурной принадлежности. Судя по застёжкам с неподвижными крючками, скульгаме, орна-

¹² Халиков А. Х. Об археологических основах этногенеза пермских финнов.— ВФУ, ч. II, Сыктывкар, 1979, с. 70.

¹³ Стефанова И. И. Концовский могильник.— В сб.: Средневековые памятники бассейна реки Чепцы. Ижевск, 1982, рис. 3—5, 7, 8; с. 99.

ментированной пластине, отдельным элементам погребального обряда, обнаруженный памятник убедительно связывается с поздним чегандинским (пьяноборским) населением и относится к рубежу III—IV вв.¹⁴ Находка этого памятника свидетельствует о проникновении части чегандинского населения с Камы не только на Вятку, но и на Чепцу еще в первой половине I тыс. н. э. Это население, очевидно, приняло определенное участие в формировании косинско-униинской группы северных удмуртов. Небезынтересно отметить, что у этой части северных удмуртов, в отличие от других групп удмуртского населения, вплоть до XX в. сохранялась своеобразная манера ношения женской национальной одежды с напуском на пояс¹⁵, совершенно такая же как у мордвы¹⁶. Находка значительного числа пьяноборских элементов в материальной культуре мордовских памятников и существующее мнение об участии пьяноборского населения в формировании мордвы¹⁷, дают основание предполагать не только о единстве происхождения этого элемента в манере ношения одежды, но и единстве этнической принадлежности населения, участвовавшего в формировании как мордвы, так и части косинско-униинских удмуртов.

В 1970—1973 гг. автором статьи проводились раскопки на Варнинском могильнике, расположенном в Дебесском районе Удмуртии. За эти годы на памятнике вскрыто 312 погребений, относящихся к концу V—X вв. Материалы этого памятника позволили в определенной степени уточнить время появления первых поселенцев в указанном районе Чепцы и их этнокультурную принадлежность.

Судя по вещевым комплексам ряда погребений, заселение Дебесско-Поломского района произошло не позднее конца V в. Поясная гарнитура (пряжки, накладки, наконечники), некоторые нагрудные украшения, особенно зооморфные, височные подвески, кинжалы, ножны, форма и орнаментация керамики, многие элементы погребального обряда могильника¹⁸ находят бли-

¹⁴ Наговицын Л. А., Семенов В. А. Городищенский могильник III—IV вв. — В сб.: Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978, с. 118—123.

¹⁵ Виноградов С. Н. Удмуртская одежда. Ижевск, 1974, с. 13; рис. XIII, IX.

¹⁶ Крюкова Т. А. Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск, 1968, рис. 10—12.

¹⁷ Циркин А. В. Культурные связи мордвы с прикамскими племенами Мордвы. Саранск, 1975, с. 47—48.

¹⁸ Семенов В. А. Варнинский могильник. — В сб.: Новый памятник полумской культуры. Ижевск, 1980, рис. 10, с. 56—57, погр. 28, 55, 70, 74 и др.

жайшие и наиболее полные аналогии в верхнекамских могильниках харинского типа¹⁹.

В настоящее время еще пока трудно сказать с какой группой верхнекамских племен можно достоверно увязать ранних чепецких поселенцев, но, очевидно, при этом надо учитывать прежде всего те районы Верхней Камы, где к V в. бытовая керамика чаще всего украшалась гребенчатым и шнуровым орнаментом. Если учесть, что на наиболее ранних чепецких поселениях — Гыркешурском и Варнинском 1 городищах — гребенчатый штамп составлял около 70 %, а шнуровой более 20 % всех используемых элементов в орнаментике посуды²⁰, то, по видимому, наиболее близким чепецкому было население, обитавшее в районе Зародятского селища на Верхней Каме, где на бытовой керамике отмечено 67 % гребенчатого и 23 % шнурового орнамента²¹.

В связи с этим необходимо отметить, что сходство орнаментации бытовой посуды Осинского и поломских городищ, отмеченное в свое время В. Ф. Генингом²² и поддержанное автором данной публикации²³, основывалось лишь на сходстве орнаментальных построений, выполненных гребенчатым штампом и шнуром. Но при этом не учитывался другой существенный фактор — количественное соотношение орнаментированных сосудов. Если же учесть, что на поломских поселениях украшено более 75 % всех сосудов, а на Осинском городище всего 7 %²⁴, то генетическая связь поломских памятников с Осинским городищем и всей осинской культурой становится более чем сомнительной.

Сомнительность этой связи вызывается еще и тем, что кроме общности в оформлении некоторых элементов орнамента керамики и отдельных деталей жилища, к тому же имеющих довольно широкое распространение в верхнекамском регионе, никаких иных общих элементов в материальной культуре чепецких памятников и Осинского городища не выявлено. Кроме того, и датировка осинского комплекса, как нам кажется, нужда-

¹⁹ Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье. — ВАУ, вып. 12. Свердловск, 1973.

²⁰ Семенов В. А. Из истории удмуртского народного орнамента. — ВФУЯ, вып. IV. Ижевск, 1967, с. 287.

²¹ Голдина Р. Д. К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р. Сылвы. — УЗ ПГУ, № 191. Пермь, 1968, с. 97.

²² Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии. — ВФУЯ, вып. IV. Ижевск, 1967, с. 274.

²³ Семенов В. А. Указ. соч., с. 292.

²⁴ Генинг В. Ф. Осинское городище. — ОКВАЭ, вып. 1, М., 1959, с. 187.

ется еще в проверке более объемным и представительным материалом.

Исходя из большого сходства вещевого материала раннеоломоватовских и поломских комплексов, ряда элементов погребального обряда, форм керамики, соотношения числа орнаментированной и не орнаментированной керамики, элементов орнамента и орнаментальных построений, мы склонны связывать основную часть поломских первопоселенцев с верхнекамским населением.

Вместе с тем, самые ранние поселенцы на Чепце были, по-видимому, уже неоднородны по своему этническому составу. Погребения 28 и 74, в которых найдены ножны характерного азелинского и мазунинского облика²⁵, можно, вероятно, связывать с выходцами с территории Камско-Вятского региона. Весьма возможно, что они принесли на Чепцу обычай устройства оградок вокруг могил и надмогильных столбов-памятников, в которых прослеживаются ананьинские традиции. От ананьинских времен здесь сохраняются и оградки, и установка столбов-памятников, но в те давние времена ограждали все кладбище, а над могилами ставили каменную стелу с изображением погребенного²⁶. Весьма вероятно, что на Варнинском могильнике центральные столбы были с изображениями не людей, а родового божества — покровителя (воршуда).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает Шатрищенский могильник древней мордвы. На нем зафиксированы оградки вокруг могил, столбы-памятники, ниши в боковых стенках могил, следы жертвенно-поминальных кострищ и др.²⁷ Именно эти своеобразные детали обряда позволяют предполагать, что в формировании как древнемордовского, так и древнеудмуртского населения принимали участие какие-то близкие по происхождению племенные группы, весьма вероятно, связанные с чегандинским (пьяноборским) населением.

На Варнинском могильнике в числе погребений раннего гырекшурского этапа (конец V — первая половина VII вв.) имеется вторая подгруппа погребений (81, 206, 210, 222, 232, 236, 278, 279, 281, 291 и др.), датируемых второй половиной VI — первой половиной VII вв. Для этой подгруппы характер-

²⁵ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. — ВАНУ, вып. 5, Свердловск, 1963, табл. XIX, рис. 4—6; *его же*. Ижевский могильник IV—V вв. — ВАНУ, вып. 7. Свердловск, 1967, табл. IV, рис. 7.

²⁶ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—XI вв. до н. э.). М., 1977, с. 92—94.

²⁷ Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник. — В кн.: Археология рязанской земли. М., 1974, с. 122—123.

на геральдическая поясная гарнитура, многорядные и многосоставные шумящие украшения с ажурными щитками-основами, височные подвески с привеской в виде колбочек на витом стержне, подвески-тюлени, первые шумящие подвески, которые находят аналоги в ряде памятников Приуралья VI—VII вв.²⁸

В среде этой хронологической группы погребений отмечены не только западная, как у ранних, но и восточная ориентировка погребенных. Причем основная часть из них (7 из 11) сосредоточена в одном, по-видимому, семейном ряду. Кроме того, если ранняя группа погребений (конец V — первая половина VI вв.) расположена в северной части центральных участков раскопа, то поздняя (вторая половина VI — первая половина VII вв.) — в западных. У поздней подгруппы погребений оказались более длинные могилы, в среднем на 48,9 см длиннее, чем у ранних. Здесь же, у погребения 236 отмечено устройство ниши в длинной стенке могилы. Кроме того, погребения этой хронологической группы не встречаются в рядах с более ранними захоронениями. Некоторые из этих своеобразий в погребальном обряде, также как и в вещевом материале, обнаруживают аналогии прежде всего в среде азелинских и мазунинских племен. Так, например, длинные и узкие могилы длиной 200 см и выше были характерны для мазунинского населения²⁹, устройство ниш-подбоев в боковых стенках — для азелинского³⁰. С этим же кругом населения можно, по-видимому, связать распространение многорядных составных украшений и двусоставных восьмерковидных подвесок, находящихся аналогии на Петропавловском и Концовском могильниках³¹. Кроме того, в захоронениях, расположенных в западных участках раскопа как в ранних, так

²⁸ *Голдина Р. Д.* Агафоновский могильник на Верхней Каме.— УЗ ПГУ, № 191, Пермь, 1968; *ее же.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье.— КСИА, № 158, 1979; *Семенов В. А.* Петропавловский могильник.— В кн.: Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976; *Старостин П. Н.* Маклашевское II городище именьевской культуры.— УЗ ПГУ, № 191, Пермь, 1968; *Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых.— МАР, 26, СПб., 1902, табл. XXXVIII, рис. 3, 5, 7, 13, 18; *Ахмеров Р. Б.* Уфимские погребения, IV—VII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии.— В кн.: Древности Башкирии. М., 1970; *Мажитов Т. А.* Южный Урал в VII—XIV вв., табл. 1 «Б»; *Стефанова И. И.* Указ. соч.

²⁹ *Останина Т. И.* Нивский могильник III—V вв.— В кн.: Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978, с. 96, табл. «А».

³⁰ *Халиков А. Х.* Очерки истории населения марийского края в эпоху желез.— В кн.: Железный век Марийского края. Труды МАЭ, Йошкар-Ола, 1962, с. 173, рис. 67.

³¹ *Семенов В. А.* Петропавловский могильник.— В кн.: Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976, табл. II, рис. 1, табл. IV, рис. 2—4; *Стефанова И. И.* Указ. соч., рис. 3—6, 11—14, 23, 24, 27; рис. 4—1, 2, 6, 13.

и более поздних, относящихся к VIII—X вв., сосредоточена основная масса жертвенных комплексов в берестяных сосудах, помещенных в могилу или в ее засыпку. Они отмечены в погр. 222, 232, 236, 264 и др. Аналогичный элемент в погребальном обряде широко бытовал в среде азелинских³² и мазунинских³³ племен. Обращает на себя внимание и расположение погребений в этих участках раскопа. Именно здесь отмечено очень плотное, накладываются друг на друга расположение могил, своеобразные семейные склепы (уч. Аа/05—06; В, Г, Д/06—07). Устройство подобных склепов отмечено В. Ф. Генингом на азелинских могильниках³⁴. Необходимо отметить, что, по-видимому, этим же населением принесен на Чепцу обряд кремации. Во всяком случае, среди погребений поздней подгруппы гыркесшурского этапа (погр. 291) зафиксирован именно такой обряд погребения. Кроме того, все остальные случаи кремации, как и находки кальцинированных костей в засыпках могил, встречены только в западных участках раскопа.

Отмеченные различия в какой-то своей части могли быть чисто хронологическими. Однако увеличение длины могил, появление у могил ниш в боковых стенках, изменение ориентировки погребенных с сохранением у части прежней, появление случаев кремации, характерное групповое расположение могил — все это вместе с появлением своеобразных украшений дает основание предполагать, что в середине VI в. на Чепцу пришла какая-то группа поселенцев, весьма вероятно, связанная с азелинскими и мазунинскими племенами. Именно этим, по-видимому, и можно объяснить двухкомпонентность в антропологическом облике чепецкого населения, которая была в свое время отмечена М. С. Акимовой³⁵.

Особое место в этнической истории чепецкого района занимает вопрос об угро-самодийском пласте населения, появившегося здесь, как считал В. Ф. Генинг, где-то на рубеже середины VIII в.³⁶, и с которыми он связывал появление костяных ло-

³² Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв.—ВАУ, вып. 5. Свердловск, 1963, с. 88; Халиков А. К. Указ. соч., рис. 67; Ошибкина С. В. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм.—КСИА, № 158, 1979, с. 76.

³³ Генинг В. Ф., Мырсина Е. М. Мазунинский могильник.—В кн.: Памятники мазунинской культуры.—ВАУ, вып. 7. Свердловск, 1967, с. 90; Останина Т. И. Указ. соч., с. 96.

³⁴ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. ..., с. 82, 83.

³⁵ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968, с. 51—52.

³⁶ Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии.—ВФУЯ, вып. IV. Ижевск, 1967, с. 275.

жек и лопаток-гладилок, решетчато-шнуровой орнаментации на керамике, помещение в могилу умершего головы и ног коня³⁷.

Материалы, полученные в 70-х годах на ранних поселениях полемской культуры и особенно на Варнинском могильнике, позволили уточнить некоторые детали этого положения.

Как известно, шнуровая орнаментация керамики, широко бытовавшая в среде местных племен в ананьинскую эпоху, в последующем почти повсеместно исчезает или остается в качестве орнаментального мотива в виде очень небольшой примеси к иным — ямочным или резным-элементам. Однако в среде верхнекамских племен шнуровая орнаментика оставалась на керамике гляденовского времени, что достаточно хорошо видно на материалах Гляденовского костыща, Осинского городища³⁸. Позднее у верхнекамского, харинского населения шнуровой орнамент получил более значительное распространение и использовался для украшения как бытовой, так и погребальной посуды³⁹. Вероятным толчком к увеличению использования шнуровой орнаментации для украшения керамики послужило проникновение в Прикамье угорского населения, участвовавшего здесь в этногенетических процессах в первой половине I тыс. н. э. Отсюда, с Верхней Камы, в V в. шнуровая орнаментация была принесена на Чепцу. Причем, судя по керамике поселений и могильника, она занимала второе место по частоте использования вслед за гребенчатой.

Решетчато-шнуровая орнаментация, исходя из материалов Варнинского могильника, появилась на Чепце уже на самом раннем этапе ее освоения, где-то в первой половине VI в. (погр. 82). Во второй половине VI — первой половине VII вв. начинается ее медленное распространение (погр. 276, 279), которое заметно усиливается на каравалесском этапе (вторая половина VII — первая половина VIII вв.). В это время, судя по погребениям с хорошо датированными комплексами, решетчато-шнуровой орнаментацией украшается почти 1/3 всех сосудов⁴⁰. Но особенно широкое распространение она получает на мыдланьшайском этапе (вторая половина VIII — первая половина IX вв.). На могильниках этого времени (Красная Горка, Мыд-

³⁷ Там же, с. 275.

³⁸ Генинг В. Ф. Осинское городище..., с. 194.

³⁹ Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганные могильники..., табл. 10, рис. 1, 3—6, 14; Голдина Р. Д. К вопросу о своеобразии Неволинских памятников бассейна р. Сылвы..., с. 97.

⁴⁰ Семенов В. А. Варнинский могильник.— В кн.: Новый памятник полемской культуры. Ижевск, 1980, приложение 2, рис. 11.

лань-шай) решетчато-шнуровой орнаментацией украшено от 82 до 92 % всех орнаментированных сосудов ⁴¹.

Первоначально этот тип орнамента, по-видимому, использовался для украшения только погребальной керамики. Во всяком случае на ранних поселениях (Варнинском I и Гыркесшурском) не найдено ни одного фрагмента с подобным орнаментом. Но уже на Каравалесском городище прямоугольный и круглый решетчатый штамп обнаружен на 6 сосудах ⁴². Постепенное увеличение бытовой керамики, украшенной фигурными штампами, особенно хорошо прослежено на материалах городища Весья-кар (VIII—XII вв.), где ими орнаментировано уже 11 % всех сосудов ⁴³.

Таким образом, материалы Варнинского могильника позволили установить более раннюю дату появления на Чепце решетчато-фигурной орнаментации. Не отрицая ее возможные угро-самодийские истоки, необходимо, видимо, считать этот орнамент заимствованным лишь на раннем этапе (VI в.). Причем это произошло без прихода на Чепцу каких-либо значительных групп угро-самодийского населения. Об этом свидетельствует постепенное освоение и распространение орнамента в местной среде и, кроме того, отсутствие на могильниках каких-то обособленных групп погребений, в которых находились бы сосуды только с таким орнаментом, особым, выделяющимся вещевым материалом и элементами в погребальном обряде. Сомнительна также прямая связь, проводимая В. Ф. Генингом между приходом на Чепцу угро-самодийцев и появлением здесь обряда погребения головы и ног коня в могилу умершего. Дело в том, что обряд снабжения умерших мясом жертвенных животных существовал у прикамских племен уже в ананьинскую эпоху ⁴⁴. Был он известен в определенной степени и населению Верхнего Прикамья ⁴⁵ и ранним поселенцам на Чепце ⁴⁶. Здесь этот обряд постепенно, вместе с экономическим укреплением общин, получает все более широкое распространение. Так, если на раннем этапе полумской культуры отмечены единичные случаи помещения мясной пищи в могилу, то на Каравалесском — эти остатки

⁴¹ Семенов В. А. Из истории удмуртского народного орнамента, с. 288—289.

⁴² Семенов В. А. Отчет о раскопках на городище Каравалесе. Отчет УАЭ, рукописный фонд УдНИИ, дело № 10 и 11.

⁴³ Семенов В. А. Из истории удмуртского народного орнамента, с. 289.

⁴⁴ Збруева А. В. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху.— МИА, № 30, 1952, с. 113, 125; Халиков А. Х. Волго-Камье..., с. 101.

⁴⁵ Голдина Р. Д. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме.— ВАН, вып. 9, Свердловск, 1970, с. 66.

⁴⁶ Семенов В. А. Варнинский могильник, погр. 55.

встречены уже более чем в 1/3 могил, содержащих хорошо датированные комплексы⁴⁷, а в погребениях мыдланьшайского этапа они отмечены уже более чем у половины⁴⁸.

Наряду с обрядом сопровождения умершего мясной пищей, у поломского населения постепенно развивается и другой — помещение в могилу или в ее засыпку символической части животного, которое, по верованию древнего населения, должно было сопровождать погребенного в потусторонней жизни. Этот обряд также не был каким-то «изобретением» поломского поселения. Его следы отмечены на памятниках пьяноборской культуры⁴⁹, на могильниках Верхнего Прикамья, у раннеломоватовских племен⁵⁰. Весьма возможно, что именно отсюда он и был занесен на Чепцу. На Варнинском могильнике такие символы жертвенных животных представлены черепами, нижними челюстями, костями ног, позвонками лошадей, крупного и мелкого рогатого скота⁵¹. Причем обнаружены они как в могиле, ее засыпке, так и в жертвенных комплексах вне могил. В той форме, в какой этот обряд зафиксирован В. Ф. Генингом на могильнике Мыдлань-шай, т. е. погребение в могилу головы и ног коня — явление позднее и на Чепце не столь уж распространенное. На Варнинском могильнике, например, таких случаев не отмечено. Весьма вероятно, такая форма могла вырасти и на основе обряда, существующего у местного населения, поскольку он, мало чем отличается от существовавших здесь форм. Мог такой элемент обряда появиться здесь и под влиянием южных соседей, среди которых культ коня был особенно развит. Пример такого культурного влияния прослежен у позднеазелинского населения⁵².

Отмеченные формы жертвоприношений, бытовавшие на Чепце со времени ее освоения, свидетельствуют об их местном прикамском происхождении, связанных с религиозными верованиями коренного населения. Их трансформация на протяжении веков обуславливалась социально-экономическими изменениями и, безусловно, культурным влиянием соседних племен.

⁴⁷ Семенов В. А. Указ. соч., погр. №№ 39, 41, 72, 174, 191, 209, 230, 284, 288, 293; табл. 15.

⁴⁸ Семенов В. А. Указ. соч., погр. №№ 47, 64а, 136, 144, 146, 169, 197, 257; табл. 15.

⁴⁹ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в Пьяноборскую эпоху. — ВАУ, вып. 10. Свердловск — Ижевск, 1970, с. 29.

⁵⁰ Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье. — ВАУ, вып. 12. Свердловск, 1973, с. 61, 62.

⁵¹ Семенов В. А. Указ. соч., табл. 15.

⁵² Старостин П. Н. Об этнокультурных компонентах азелинской культуры. — ВФУ, Сыктывкар, 1979, с. 11, с. 71.

Поэтому считать их принесенными на Чепцу в готовом виде в столь поздний период было бы, по-видимому, неверно. Позднее, со становлением многоамной семьи, в целях более рационального использования поголовья скота, эти два обряда слились в один — жертвенно-поминальный (йыр-пыд куштон — т. е. бросание головы и ног), который в той или иной трансформации доживает у всех групп удмуртского народа вплоть до XX века.

На мыдланьшайском этапе ломоской культуры (вторая половина VIII — первая половина IX вв.) у местного населения получают широкое распространение ложки и лопаточки-гладилки, изготовленные из кости и рога. Характерные стилистические и художественные особенности этих изделий находят наиболее близкие и полные аналогии в среде угро-самодийских племен⁵³, что и послужило одним из аргументов для вывода о проникновении на Чепцу каких-то групп зауральского населения⁵⁴. Веским доказательством этого вывода является быстрое, практически мгновенное распространение этих изделий среди ломосцев, а также отсутствие каких-либо следов их первоначального местного производства. Вместе с тем эти пришлые группы переселенцев принесли на Чепцу не только готовые изделия, но и высокоразвитое костерезное искусство, которое значительно обогатило местные традиции.

По-видимому, под воздействием этих пришлых групп часть ломоского населения была сдвинута к западу и юго-западу. Так, вероятно, появилась решетчато-геометрическая орнаментация на керамике Вятских (Пижемских) городищ⁵⁵, в материалах Танкеевского могильника на Волге⁵⁶, на городище Каргурезь у д. Старая Игра в Граховском районе, т. е. в южной Удмуртии⁵⁷.

Угро-самодийский пласт населения оставил на Чепце свидетельство о своем приходе не только в виде изделий из кости и рога, но и топонимы, а также, по-видимому, и названия своих

⁵³ Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя — МИА, № 35, М., 1953, табл. XII, XIII.

⁵⁴ Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии. — ВФУЯ, вып. IV. Ижевск, 1967, с. 275.

⁵⁵ Архипов Г. А. Ижевское городище. — Труды МарНИИ, вып. XVII. Йошкар-Ола, 1962, с. 141—159; *его же*. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола, 1976, с. 143—145.

⁵⁶ Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, табл. III, рис. 12, с. 129.

⁵⁷ Останина Т. И. Отчет о раскопках городища у д. Старая Игра. Отчет археологической экспедиции республиканского музея за 1981г.

родовых объединений, таких как Пор (Порга) и Эгра⁵⁸. Причем, какая-то часть пришлого угро-самодийского населения ушла в низовья Камы и Волги вместе с поломскими племенами. Этим можно, по-видимому, объяснить факт расселения членов рода Эгра (Игра) в южных районах Удмуртии, где в настоящее время обнаружена керамика с фигурным решетчатым штампом⁵⁹. Однако численность этих групп была все же небольшой. Они не смогли оказать сколько-нибудь заметного влияния на антропологический облик местного населения, его язык, жилище, костюм, обряды.

Освоение Чепцы верхнекамско-мазунинско-азелинскими племенами в I тыс. н. э., приход сюда группы угро-самодийского населения были только частью этногенетического процесса, протекавшего в среднем течении р. Чепцы, в период формирования основной группы северных удмуртов. Не менее сложно проходил здесь процесс слияния поломского (чепецкого) населения с потомками мазунинских и азелинских племен, которые вышли к Чепце по ее левым притокам со стороны р. Кильмези. Именно здесь, в среднем течении Чепцы, ярко прослеживаются отдельные страницы процесса формирования единого удмуртского этноса.

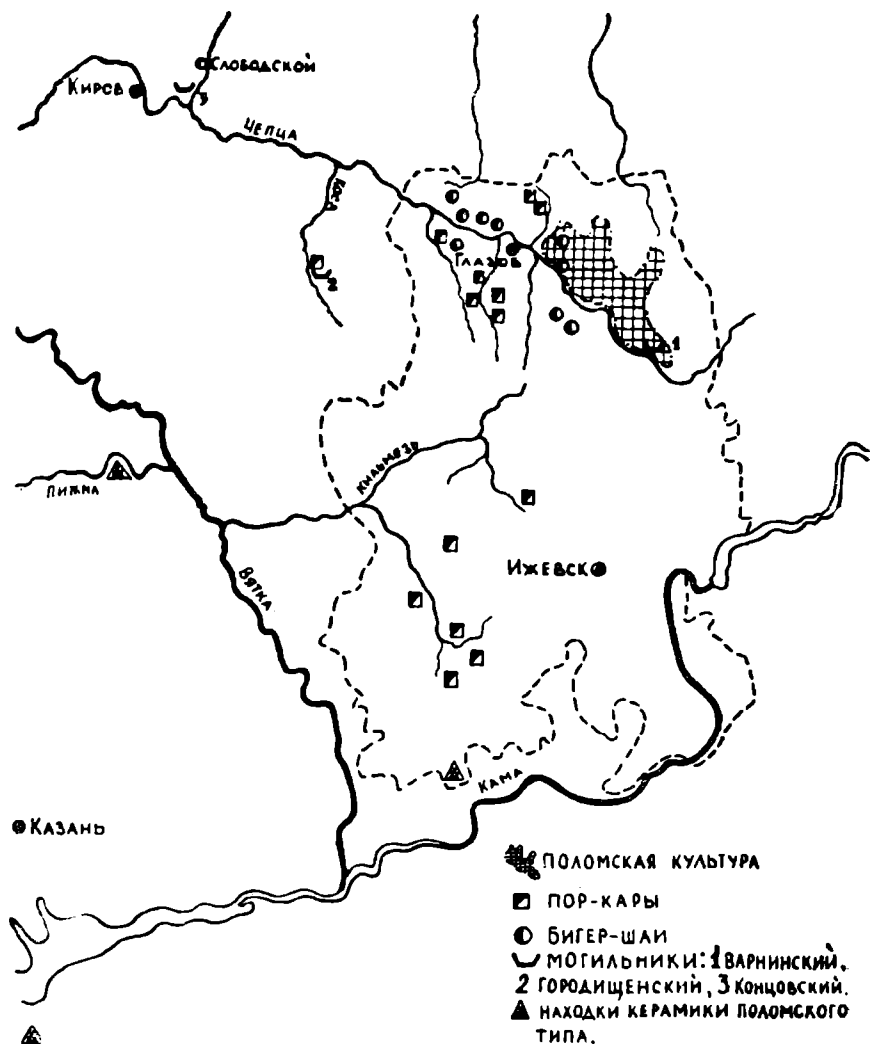
В 50-х годах, когда еще только ставился вопрос о периодизации памятников Чепцы, к числу памятников поломской культуры В. Ф. Генингом были отнесены поселения, содержащие в своем названии термин «пор». Эти памятники расположены преимущественно на левобережье Чепцы, хотя два городища и ряд селищ с керамикой, содержащей растительную примесь, отличительная черта левобережных поселений на раннем этапе, имеются и на правом берегу, где они сосредоточены близ устья р. Пызеп⁶⁰.

В то же время все памятники, относящиеся к поломской культуре, содержащие керамику с раковиной, украшенные шнуровым, гребенчатым или геометрическим решетчатым штампом, сосредоточены только на правом берегу р. Чепцы от с. Дебесс

⁵⁸ *Теллоухов А. Ф.* «О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце». — УЗ ПГУ, т. XII, вып. 1. Пермь, 1960, с. 270—274; *Атаманов М. Г.* Микроэтнонимы удмуртов. — В кн.: Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск, 1980, с. 23, 24, 36—40.

⁵⁹ *Останина Т. И.* Указанный отчет о раскопках.

⁶⁰ *Генинг В. Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, №№ 68, 81, 85, 87, 106, 107; *Семенов В. А.* Новые памятники VI—XVIII веков в среднем течении р. Чепцы. (Материалы к археологической карте Удмуртии). — В сб.: Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976, №№ 43, 46, 48—50, 55, 59, 61, 62.

на востоке, до с. Адам (Мыдлань-шай) на западе. Поэтому собственно поломские памятники мы называем «правобережными», а памятники с термином «пор» и селища, содержащие керамику с растительной примесью — «левобережными».

В 1970—1972 гг. в целях выяснения специфики городищ, содержащих термин «пор», было проведено обследование всех

этих поселений и предприняты раскопки на городище у д. Малый Вениж. Кроме того, вскрыто два целых и одно разрушенное погребение на могильнике у городища, шесть погребений на Кыпкинском могильнике.

Раскопки на М-Венижском городище дали небольшой, но выразительный материал. Уже в самом начале было обращено внимание на своеобразие керамики этого поселения. В отличие от правобережных, синхронных, таких городищ, как Весьякар, Идна-кар, Донды-кар и др., в керамическом материале М-Венижского городища нет ни одного сосуда, украшенного орнаментом, за исключением нескольких случаев насечки по внешнему краю венчика. Почти совершенно неорнаментированными оказались здесь и изделия из кости. Отсутствовал орнамент и на сосудах из М-Венижского и Кыпкинского могильников⁶¹. Богатый орнамент на вещах с правобережных памятников и полное его отсутствие на вещах с памятников левобережья отличают их настолько контрастно, что невольно возникает мысль об их принадлежности различным этническим группам. Кроме того, наличие на левобережье городища Селта-кар, содержащего в своем названии родовое имя (Селта), группы удмуртов и поныне живущих в бассейне р. Кильмези⁶², существующие легенды о столкновениях на левобережье Чепцы представителей двух древнеудмуртских территориально-племенных объединений — «Ватка» и «Калмез» — все это дает основание считать население левобережья принадлежащим к иному этническому образованию, нежели население правобережья.

Этническое объединение «Калмез» В. Ф. Генинг связывает с азелинской и мазунинской культурами, ведущими свое происхождение от пьяноборского (чегандинского) населения⁶³. Для азелинской и мазунинской культур характерно почти полное отсутствие орнаментации на керамике⁶⁴.

Эта особенность керамического материала фиксируется и на левобережных памятниках, расположенных по рр. Лекме, Убыти, Сепычу, что позволяет, в определенной степени, связывать левобережное население с потомками азелинских и мазунинских племен.

⁶¹ Семенов В. А. Кыпкинский могильник X—XI вв. — В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979, с. 82, 84, табл. III, рис. 6—8.

⁶² Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. — ВАУ, вып. 10. Свердловск — Ижевск, 1970, с. 202—203; Атаманов М. Г. Этнонимы удмуртов в топонимии. Канд. дисс. Тарту, 1978, с. 70.

⁶³ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья... с. 196—200.

⁶⁴ Генинг В. Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье. — ВАУ, вып. 7, Свердловск — Ижевск, 1967, с. 32.

Рассматривая этническую принадлежность памятников левобережья Чепцы, необходимо остановиться еще на одном вопросе. Дело в том, что памятники, несущие в своем названии термин «пор», некоторые исследователи увязывают с марийцами, которые, якобы, глубоко вклинивались на территорию современного расселения удмуртов⁶⁵. Действительно, языковеды рассматривают этимологию термина «пор» как «марийский», «хантыйский», т. е. чужой⁶⁶. Поскольку удмурты называют марийцев порами, то именно на этом преимущественно основании и возникло мнение о марийской принадлежности указанных памятников. Однако все поселения, несущие в своем названии термин «пор», за исключением городища у д. Малый Вениж, исследователи датируют I тыс. н. э.⁶⁷, в то время как марийские племена в сложившемся виде, т. е. впитавшими уже в себе элементы культуры азелинских, городецких, сарматских племен⁶⁸, вышли на правый берег р. Вятки лишь IX—X вв.⁶⁹. Следовательно, они не могли быть основателями указанных укрепленных пунктов. Городища с этим термином известны не только в бассейне р. Чепцы. Имеются они в центральных районах Удмуртии (Каровайское, Пек-Жикьинское, Косихинское) и в южных (Каменноключевское, Минчегуртское, Больше-Утчанское). Как видно из этого перечня городищ, в их размещении прослеживается определенная направленность — с юга, из Удмуртского Прикамья в бассейн р. Кильмези и далее к Чепце — отражающая, очевидно, один из путей ухода части позднepyноборского (чегандинского) населения.

В связи с таким размещением городищ уместно, как нам кажется, поставить вопрос, а не было ли среди чегандинского объединения племени с именем пор? Что если основная масса этого племени ушла за Вятку, где принимала самое активное участие в формировании марийского народа, названного удмур-

⁶⁵ Смирнов А. П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Космодемьянск, 1949, с. 105, 114; его же. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, № 28, М., 1952, с. 170—171.

⁶⁶ Тепляшина Т. И. К вопросу об этнониме пор. — В сб.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967, с. 263—264.

⁶⁷ Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, № 68, 81, 85, 87, 106, 107; Голдина Р. Д. Поселение у д. Пек-Жикья в верховьях р. Увы. — В кн.: Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979, с. 112.

⁶⁸ Архипов Г. А. Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.) — В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967, с. 40—50.

⁶⁹ Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов..., с. 276.

тами впоследствии по имени этого племени, а меньшая его часть, расселившись отдельными патриархальными семьями в верховьях малых рек Камско-Вятского междуречья влилась в территориально-этнические группы древних удмуртов. Эти группы позднepyаноборского (чегандинского) населения оставили свидетельства своей племенной принадлежности в названиях поселков. О том, что эти городища принадлежат потомкам пyаноборского (чегандинского) населения, свидетельствуют материалы Пек-Жикьинского Пор-кара, исследованного Р. Д. Голдиной, и давшего типично мазунинский материал⁷⁰. Позднepyаноборский материал получен и на могильнике у Городищенского городища, кстати, также носящего название Пор-кар⁷¹.

Рассматривая вопрос об этнических группах населения, участвовавших в формировании северной группы удмуртов, нельзя без внимания обойти и вопрос об этнической принадлежности могильников, несущих в своем названии термин «бигер», что в переводе с удмуртского означает — татарин. Такие бигер-шан — «татарские кладбища» известны как на левобережье (Тымпальский, Ягошурский), так и на правобережье Чепцы (Тумский, Коповский, Жабинский, Печешурский, Люмский, Адамовский, Весьякарский). Все они датируются IX—XII—XIV вв.⁷² и расположены к западу от основной территории расселения поломских племен.

А. П. Смирнов после раскопок на Адамовском Бигер-шане пришел к выводу об их марийской принадлежности. Основывался он при этом в основном лишь на находках здесь подвесок Волго-Окского облика⁷³. Вместе с тем находка здесь керамики характерных прикамских типов, ее решетчато-шнуровая орнаментация, элементы погребального обряда⁷⁴ — все говорит о местной принадлежности этого памятника.

Раскопки другого могильника Бигер-шай у д. Весьякар выявили также типично местный материал⁷⁵, что еще раз подтвердило их принадлежность древнеудмуртскому населению.

Но тогда возникает естественный вопрос о происхождении этого названия у памятников. Для его выяснения необходимо

⁷⁰ Голдина Р. Д. Указ. соч., с. 112, 118.

⁷¹ Наговицын Л. А., Семенов В. А., Указ. соч., с. 123.

⁷² Иванова М. Г. Памятники чепецкой культуры (материалы к археологической карте). — В кн.: Северные удмурты в начале II тыс. н. э. Ижевск, 1979, с. 124—143, №№ 1, 14, 19, 24, 27, 28, 78, 85, 97.

⁷³ Смирнов А. П. Могильник Бигер-шай. — СА, № 4, 1937, с. 243—245.

⁷⁴ Там же, с. 246—247.

⁷⁵ Генинг В. Ф. Могильник чепецкой культуры у д. Весьякар (IX—XII вв.). — В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979, с. 98.

обратиться к некоторым историческим процессам, протекавшим в бассейне Чепцы на рубеже I—II тыс. и в самом начале II тыс. н. э.

Как уже указывалось выше, помоское население, заселявшее правобережье Чепцы где-то на рубеже середины VIII века, частично смешавшись с пришлыми группами угро-самодийцев, ушло на Волгу, Каму и Вятку, где оно приняло участие в формировании населения Волжской Булгарии⁷⁶.

Между ушедшими группами и чепецким населением с самого начала поддерживались прочные родственные и экономические связи, следы которых прослеживаются уже в мыдланьшайское время, т. е. во второй половине VIII—первой половине IX вв. Именно к этому времени относятся, например, находка замка булгарского облика в погр. 77 могильника Мыдланьшай⁷⁷ и появление новых элементов в погребальном обряде — погребение головы и ног коня⁷⁸. Постепенно эти контакты развиваются, и в IX—XIII вв. из ремесленных центров Волжской Булгарии на Чепцу проникают самые различные изделия⁷⁹. В период чепецкой культуры, т. е. в IX—XIV вв., потомки помоского населения продолжают осваивать земли на Чепце дальше на запад. В это время сооружаются Идна-кар, Донды-кар, Богатырское, Кушманское и др. городища. Появляются здесь и открытые поселения и могильники⁸⁰. В это же время, судя по материалам Качкашурского селища⁸¹ и Омутницкого могильника⁸², правобережное население начинает проникать и на левый берег Чепцы. Этот процесс вторжения потомков помосков на территорию, ранее занятую «калмезами», приводит к столкновениям, которые, по-видимому, и находят свое отражение в преданиях и легендах⁸³.

⁷⁶ Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 92; Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. Там же, с. 153—154.

⁷⁷ Генинг В. Ф. Мыдланьшай — удмуртский могильник VIII—IX вв. — ВАУ, вып. 3. Свердловск — Ижевск, 1962, табл. VIII, рис. 12.

⁷⁸ Генинг В. Ф. Указ. соч., с. 82.

⁷⁹ Иванова М. Г. Культурные и торговые связи северных удмуртов в X—начале XIII вв. — СА, № 4, 1974, с. 129—130.

⁸⁰ Иванова М. Г. Памятники чепецкой культуры..., № 14—24, 27—31, 43—58 и др.

⁸¹ Корепанов К. И. Отчет о разведке. Отчет УАЭ за 1971. Рукописный фонд УдНИИ, д. 8, с. 31; Иванова М. Г. Качкашурское селище. — В ст. Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982, с. 85—89.

⁸² Иванова М. Г., Семенов В. А. Исследования в бассейне р. Чепцы. — АО — 1978, М., 1979, с.

⁸³ Кралина Н. П., Поздеев П. К. Ватка но Калмез (Сб. легенд и преданий). Ижевск, 1971, с. 90—92.

Правобережное население, имевшее не только тесные контакты с Волжской Булгарией, но и участвовавшее в формировании ее населения, левобережными «калмезами», вероятно, отождествлялось со всем народом этого раннефеодального государства, которое в местной среде называли «булгар», «бияр». Отсюда могло возникнуть название «бигер», которым подчеркивалось родство части населения Волжской Булгарии и правобережного населения Чепцы.

Однако это подчеркивание различия в происхождении между правобережным и левобережным населением фиксировалось ими лишь до их слияния и сложения на Чепце единого этнического массива. Постепенно, со все большей нивелировкой культуры у обеих групп северных удмуртов, это бывшее этническое различие забылось, и позднее уже после прихода на Чепцу татарского и бесермянского населения, памятники с термином «бигер» стали приписывать этим этническим группам. Но ни татары, ни бесермяне к этим памятникам отношения не имеют, так как в период функционирования этих могильников их на Чепце еще не было. Татары появились в устье Чепцы лишь в конце XIV века⁸⁴, а бесермяне в это время, судя по Типографской летописи, жили еще в Нижнем Прикамье⁸⁵.

Таким образом, «бигер-шай» — это могильники правобережного населения, прямых потомков поморских племен. Не случайно материалы этих памятников содержат керамику с характерным решетчато-шнуровым орнаментом, да и весь остальной материал, равно как и погребальный обряд, ничем не отличается от других, синхронных могильников IX—XII вв., но расположенных за пределами контактной зоны между левобережным и правобережным населением Чепцы.

Необходимо также отметить, что проникновение североудмуртского, поморского населения на Вятку, Нижнюю Каму и Волгу, сыграло большую роль в консолидации различных групп удмуртов в единую народность. Именно с этого времени, т. е. с рубежа середины VIII в. устанавливаются прочные семейные, экономические и культурные связи между всеми территориально-этническими группами предков удмуртов, проживающих на обширной территории от Волги и Нижней Камы до Чепцы.

⁸⁴ Луппов П. Н. Документы по истории Удмуртии XV—XVIII вв. Ижевск, 1958, с. 21, 28.

⁸⁵ Трефилов Г. Н. Бесермяне по письменным источникам.— ВФУЯ, вып. IV. Ижевск, 1967, с. 314.

Г. А. Архипов

МАРИЙСКО-УДМУРТСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

(к вопросу об азелинском компоненте в марийском и удмуртском этносе)

В решении вопросов этногенеза немалое значение имеет выявление этнокультурных контактов, позволяющее выделить этнические и культурные компоненты, вошедшие в состав этноса в процессе его формирования. Теоретически понятие «этнокультурные связи (контакты)» не нашли еще своей окончательной формулировки¹. Многообразные аспекты этой проблемы можно решить лишь при использовании данных различных отраслей науки: филологии, этнографии, археологии и др.

Вопросы взаимосвязи удмуртов с другими народами уже освещались в археологической литературе. Так, еще в 1956 г. В. А. Оборин опубликовал статью об удмуртско-пермских связях²; культурные и торговые связи северных удмуртов рассмотрены в статье М. Г. Ивановой³; удмуртско-русские отношения нашли отражение в статье Г. В. Фотеева⁴. Более общие вопросы этнокультурных контактов в Среднем Поволжье рассматриваются К. И. Козловой⁵. Но не было еще специального анализа характера связей удмуртов и марийцев. Попытка восполнить этот пробел на археологическом материале предпринята в предлагаемой статье.

В последние годы марийские и удмуртские археологи до-

¹ Фотеев Г. В. К истории становления удмуртско-русских отношений.— В кн.: Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978.

² Оборин В. А. К вопросу об удмуртско-пермских связях в X—XV вв.— В кн.: Уч. зап. ПГУ, XI, вып. 3. Пермь, 1956.

³ Иванова М. Г. Культурные и торговые связи северных удмуртов в X—начале XIII вв.— СА, 1974, 4.

⁴ Фотеев Г. В. Указ. соч.

⁵ Козлова К. И. Проблемы изучения этнокультурных контактных зон Среднего Поволжья.— В кн.: Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976.

стигли значительных успехов в изучении памятников I — начала II тысячелетий н. э. Историческое осмысление всего материала по этнокультурному развитию марийцев и удмуртов проведено в 60—70 годах. Вопросы этногенеза и этнической истории удмуртов на археологическом материале в обобщенном виде изложены В. Ф. Генингом⁶. Вопросы ранней этнической истории исследует Владыкин В. Е.⁷ Он же выделил этнические группы удмуртов⁸. По древней истории марийцев можно отметить работы А. Х. Халикова⁹ и Г. А. Архипова¹⁰. Однако многие археологические материалы, полученные в 70-е годы, не нашли отражения в историко-культурных и этнокультурных исследованиях и степень изученности различных этапов этнической истории удмуртов и марийцев неодинакова. Этническая история удмуртов по археологическим материалам предстает довольно сложной. На территории, занятой в настоящее время удмуртами, в I тысячелетии н. э. не было единой культуры и этноса. В основе формирования отдельных этнографических и этнических групп удмуртов лежали разные племена не только в культурном, но и этническом отношении¹¹. Северные удмурты (чепецкие), по исследованиям В. Ф. Генинга и других, формировались на базе полоумской культуры, носители которой пришли со средней и верхней Камы. Их культура существенно отличается от западной, средневатской культуры азелинцев. История южных удмуртов связана с большими передвижениями местных племен, неоднократными появлениями западносибирских и взаимоассимиляцией этих племен.

⁶ Генинг В. Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа.— В кн.: Труды КФ АН СССР. Серия гуманитарных наук, вып. 2. Казань, 1959; *его же*. Этногенез удмуртов по данным археологии.— В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания, вып. IV. Ижевск, 1967; *его же*. История населения Удмуртского Прикамья в пьаноборскую эпоху. Часть I.— ВАУ, вып. 10. Свердловск, 1970, с. 195—209.

⁷ Wladikin W. Die frühen perioden der Ethnogenese der Udmurten (Wotjaken).— Akta Ethnographica, t. 21 (3—4), Budapest, 1972.

⁸ Владыкин В. Е. К вопросу об этнических группах удмуртов.— СЭ, 1970, 3.

⁹ Халиков А. Х. Очерк истории населения Марийского края в эпоху железа.— В кн.: Железный век Марийского края. Труды МарАЭ, т. II. Йошкар-Ола, 1962; *его же*. Об этнических основах марийского народа.— В кн.: Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. АЭМК, вып. 1. Йошкар-Ола, 1976.

¹⁰ Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. (к вопросу происхождения народа). Йошкар-Ола, 1973; *его же*. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола, 1976; *его же*. К вопросу о городище-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийцев.— В кн.: Древние и современные этнокультурные процессы...

¹¹ Владыкин В. Е. К вопросу об этнических группах..., с. 39.

По археологическим материалам В. Ф. Генинг выделил четыре района формирования удмуртского населения: чепецкий, малмыжско-кильмезский, елабужско-можгинский и ижевско-шарканский. Консолидация этих групп населения в единую удмуртскую народность, как предполагает автор, произошла в рамках Русского государства в XV—XVII вв.¹² При этническом районировании территории современной Удмуртии В. Е. Владыкин выделил также четыре группы, но, в отличие от В. Ф. Генинга, чепецкую группу он делит на нижних и верхних Ватка, малмыжско-кильмезская группа им определена как Калмез, а елабужско-можгинскую и ижевско-шарканскую группы объединил под понятием «остальные удмурты»¹³. И далее он отмечает, что «...с давних времен удмурты имели два основных этнонима» и «...название «ар» было связано с южными удмуртами, а «вотяк» — с северными. Впоследствии «вотяками» стали называть всех удмуртов, что не совпадало с их самоназванием»¹⁴. Два этнических имени соответствовали двум большим этническим объединениям: северным и южным, включающим еще более мелкие этнические подразделения¹⁵.

В этническом отношении древние марийцы имеют мало общего с южными удмуртами. В поисках общих элементов в материальной и духовной культуре марийцев и удмуртов необходимо прежде всего обратиться к северным и западным удмуртам, происхождение которых связано с азелинскими племенами, прежде всего с средневатскими¹⁶.

Почти все памятники азелинцев на Вятке, известные до недавнего времени, были расположены в ее правобережье. Разведки, проведенные в последние годы в левобережье средней Вятки, в том числе и по р. Кильмези, где был известен единственный азелинский могильник Вичмарский, выявили несколько новых памятников этой культуры.

Обобщая материалы археологических исследований, Р. Д. Голдина пишет: «По последним данным, азелинское население на левобережье Средней Вятки было довольно значительным и было расселено на р. Вое (Ботыли IV), р. Лобани (Лобань II), р. Кильмези (Вичмарский могильник), низовья р. Валы (Моторки II). В среднем и верхнем (в тексте «нижнем», очевидно, опечатка — Г. А.) течении р. Валы, где зафиксирова-

¹² Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии, с. 278. . .

¹³ Владыкин В. Е. Указ. соч., с. 38.

¹⁴ Там же, с. 39.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв., с. 105; его же. Марийский край..., с. 96; Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья..., с. 195 и след.

ны памятники мазунинского облика, азелинских объектов пока не обнаружено. Очевидно, во II половине I тысячелетия н. э. на этой территории идет взаимопроникновение культурных влияний и азелинцев и оформление единства населения, известного позднее под именем группы «калмез»¹⁷.

Следует еще отметить, что на этой территории в азелинскую эпоху нет ни одного памятника другой культуры. Следовательно, среднее течение Вятки в середине I тысячелетия н. э. мы можем считать заселенным только азелинцами. В. Е. Владыкин пишет, что «по всей вероятности, именно бассейн Вятки с его очень удобными для земледельческо-охотничьего хозяйства землями становится основным районом, где к концу I тысячелетия н. э. группируется большая часть удмуртского населения и начинает оформляться древнеудмуртская этническая общность»¹⁸. В подтверждение этого вывода автор приводит свидетельства фольклора и топонимики.

Племя Ватка часто фигурирует в удмуртских легендах. В них всегда подчеркивается связь племени Ватка с р. Вяткой. Вслед за А. А. Сдицыным В. Ф. Генинг локализует это племя в среднем течении р. Вятки и приходит к выводу, что «...Ватка была лишь одним из племен, принявших участие в формировании удмуртского народа»¹⁹. Ватку В. Ф. Генинг связывает с средневятскими городищами VIII—IX вв. с решетчато-шнуровой керамикой угорско-самодийского происхождения²⁰. А в заключении он пишет: «Надо полагать, что этноним Ватка связан с кругом северных племен, и это не противоречит, а, наоборот, подтверждается археологическими материалами, которые обнаруживают аналогии именно с нижеобскими памятниками»²¹.

Племена Калмез и Ватка территориально соответствуют малмыжско-кильмезской группе по В. Ф. Генингу или же ареалу азелинской культуры средней Вятки. Говоря об азелинцах, необходимо обратить внимание на вновь открытые азелинские могильники на нижней Каме (Нармонский, Рождественский V, Усть-Брынский и др.) и изученные в последние годы П. Н. Старостиным²². Существенное отличие их от средне-

¹⁷ Голдина Р. Д., Гусенцова Т. М. Поселение Моторки II в нижнем течении р. Валы.— В кн.: Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979, с. 101.

¹⁸ Владыкин В. Е. Указ. соч., с. 41.

¹⁹ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья..., с. 201.

²⁰ Там же, с. 201—204.

²¹ Там же, с. 204.

²² Старостин П. Н. Изучение азелинских могильников в Нижнем Прикамье.— АО — 74, М., 1975, с. 177—178.

вятских проявляется в погребальном обряде: в нижекамских появляются захоронения с костями коня (череп и ноги). Число их в некоторых могильниках составляет почти половину общего количества захоронений²³. Этого мы не наблюдаем на средней Вятке. Широко изученный в последние годы Тюм-тюмский могильник (более 60 погребений) на средней Вятке не имеет ни одного захоронения с конем²⁴, как и ранее изученные здесь могильники. Исходя из этого, есть все основания делить азелинскую культуру на две группы, назвав их нижекамская и средневятская.

В связи с проблемой марийско-удмуртских контактов, для нас интерес представляет локализация городищ, известных под названием «одо-илем» (одо-лем, од-ылем) — «удмуртское, вотское жилье». Эти городища расположены в правобережье Вятки в б. Уржумском уезде. Они были известны еще А. А. Спицыну и описаны им. Используя письменные источники, данные топонимики, легенд и преданий, а также свои археологические изыскания, А. А. Спицын писал, что «вотское племя жило ниже по течению р. Вятки, по Пижме и в нынешних Яранском и Уржумском уездах...»²⁵. Одно из городищ, Кузнецовское, связывается с именем вотского царя Ядыгара. Здесь же располагается еще одно городище, изученное Марийской археологической экспедицией — Верхнерегежское²⁶. Около д. Мари-Ернур А. А. Спицын указал на наличие еще двух городищ «одо-лемов»²⁷, одно из них Кормановское, но они нам неизвестны. Всего же А. А. Спицын считал, что имеется 5—7 городищ «одо-илемов», сюда же включив и Кубашевское (Шуйское) городище IV—VI вв., исследованное Марийской археологической экспедицией в 1957 г.²⁸

Что из себя представляют эти городища в археологическом отношении? Все три вышеуказанных городища были подвергнуты небольшим раскопкам Марийской археологической экспедицией в конце 50-х годов²⁹. К сожалению, они не имеют куль-

²³ Старостин П. Н. О некоторых особенностях азелинских могильников Нижней Камы. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Киев, 1975, ч. 3, с. 102—103.

²⁴ Ошибкина С. В. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам Тюм-Тюм. — В кн.: Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. КСИА, 158. М., 1979.

²⁵ Спицын А. А. Приуральский край. — МАВГР, т. I, 1893, с. 96.

²⁶ Архипов Г. А. Городища первой половины I тыс. н. э. в Марийской АССР. — В кн.: Железный век Марийского края, с. 227.

²⁷ Спицын А. А. Указ. соч., с. 96, 151—157.

²⁸ Архипов Г. А. Указ. соч., с. 215—224.

²⁹ Архипов Г. А. Указ. соч., с. 226—230.

турного слоя и отнесены к типу городищ-убежищ. Найденные в небольшом количестве фрагменты керамики маловыразительны и имеют в глине примесь шамота и дресвы.

В 1978 году Марийская экспедиция исследовала открытое в 1977 году городище «Большая гора» (местное название «Одо карман») в Сернурском районе Марийской АССР на высоком правом берегу р. Немды, правого притока Пижмы³⁰. Культурный слой очень незначительный. Содержал всего несколько фрагментов керамики, аналогичной керамике из других «одо-илемов». Отсутствие материала затрудняет определение как этнической принадлежности, так и хронологии этих городищ.

Такой же характер носят и другие городища в этом ареале: Юшковское, Старосельское в бассейне р. Малая Кокшага³¹, недалеко от Ернурского городища; Больше-Танаковское в бассейне р. Немды на ее левом притоке р. Толмани, и городища по рр. Уржумке и Бую — Чапаевское (Микина гора), Шевнинское, Сабуяльское, Куш-Билиморское³². С последним, Билиморским городищем, связана легенда о соперничестве за землю между марийцами и удмуртами. Очевидно, эти городища можно отнести к категории «одо-илемов».

Следует отметить, что в районе расположения «одо-илемов» нет ни одного азелинского могильника (можно, правда, допустить, что они еще не открыты). Отсутствие могильников и керамики прикамского типа на этих городищах в археологическом отношении оставляют пока открытым вопрос о связи их с удмуртским этносом.

Несколько другое положение с памятниками на р. Пижме, которые А. А. Спицын назвал «чудскими пижемскими городищами», «каким-то образом вклинившихся в эту часть губернии, ... оказавших несомненное влияние на культуру вотяков»³³. К ним он отнес Бурыгинское, Ижевское и Еманаевское городища. Еще до революции эти городища неоднократно раскапывались. Дополнительные раскопки Марийской экспедиции на Ижевском городище в 1961 году обнаружили два типа керамики: плоскодонная (преобладающая) и круглодонная или с уплощенным дном (незначительно). Аналогии последней группы керамики имеются в материалах поломской и чепецкой культур³⁴. Городище датируется VIII—IX вв. н. э. Этим же време-

³⁰ Архипов Г. А. Работы Марийской экспедиции. — АО-78. М., 1979, с. 154.

³¹ Архипов Г. А., Халиков А. Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола. 1960, №№ 115, 125.

³² Там же, №№ 303, 329; 334, 335, 342.

³³ Спицын А. А. Указ. соч., с. 143.

³⁴ Архипов Г. А. Ижевское городище. — В кн.: Вопросы истории и археологии Марийской АССР. Труды МарНИИ, вып. XVII. Йошкар-Ола, 1962.

нем датируется Еманаевское городище, дополнительно исследованное в 1976 и 1977 годах Камско-Вятской экспедицией³⁵. Здесь также наряду с решетчато-шнуровой керамикой поломского типа найдены фрагменты плоскодонной керамики древнемарийского типа. Очевидно, А. А. Спицын имел в виду керамику с решетчато-шнуровой орнаментацией, по В. Ф. Генингу, как уже указывалось, угорско-самодийского происхождения.

Интересно отметить — в ареале пижемских городищ обнаружены и погребальные памятники. Еще до революции были известны находки украшений в б. Яранском уезде («Безводновский клад»). К сожалению, наши расспросы о кладах и находках в нескольких деревнях под таким названием оказались безуспешными.

В 1975 году Камско-Вятская экспедиция открыла Худяковский могильник в бассейне р. Пижмы, который исследователи отнесли к азелинской культуре. Изучался он и в следующие годы сотрудниками этой же экспедиции. В результате открыто и изучено более 100 захоронений³⁶. Самым существенным отличием Худяковского могильника от азелинских является наличие двух обрядов захоронения: трупосожжения (преобладающий) и трупоположения, что приближает его к захоронениям на Чортовом городище³⁷ на Ветлуге и древнемарийскому Младшему Ахмыловскому могильнику на Волге недалеко от устья Ветлуги.

Археологические материалы азелинской эпохи VIII—IX вв. в Ветлужско-Вятском междуречье свидетельствуют об этнических процессах, связанных с историей марийцев и удмуртов.

Формирование древнемарийского этноса рассмотрено нами в нескольких публикациях. Главный вывод: начало этого процесса можно отнести к первым векам нашей эры. Основными компонентами явились городецкие и азелинские племена³⁸. Городецко-азелинские контакты в процессе этнического формирования марийцев рассмотрены в специальной статье³⁹. Выводы,

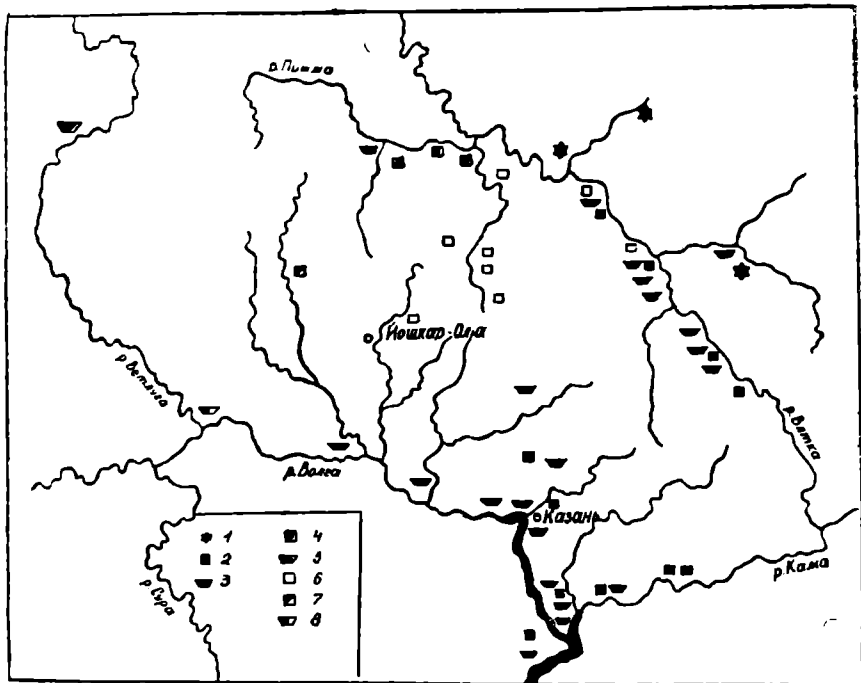
³⁵ Корепанов А. Л., Королев В. М., Леконцева Н. И., Макаров Л. Д., Ютина Т. К. Разведочные работы Камско-Вятской экспедиции в Кировской области.— АО-76. М., 1977, с. 157; Макаров Л. Д. Отчет об исследованиях в Подосиновском и Тужинском районах Кировской области, проведенных летом 1977 года.— Архив ИА, Р-1, № 6575.

³⁶ Корепанов А. Л., Королев В. М. и др. Разведочные работы Камско-Вятской экспедиции в Кировской области, с. 157; Макаров Л. Д. Исследования в Кировской области.— АО-78. М., 1979, с. 185.

³⁷ Халиков А. Х. и Безухова Е. А. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960, с. 7—17.

³⁸ Архипов Г. А. Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.).— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967; его же. Марийцы IX—XI вв.

³⁹ Архипов Г. А. К вопросу о городецко-азелинских контактах...

1 — селища азелинского типа; 2 — городища азелинского типа; 3 — могильники азелинского типа; 4, 5 — нижежские городища и могильники; 6 — «одо-племь»; 7, 8 — городища и могильники со смешанным городищно-азелинским материалом.

сделанные нами, поддержаны В. Ф. Генингом⁴⁰. Не отрицает роль азелинцев в этногенезе марийцев и А. Х. Халиков. Однако, он считает, что азелинцы участвовали в формировании только луговых марийцев, выдвигая тезис о различной этнической основе горных (городищские племена) и луговых (азелинские племена) марийцев⁴¹.

В. Ф. Генинг, анализируя этимологию этнонима Одо-Удо, пришел к выводу, что этот этноним восходит к азелинским племенам, жителям, среднего течения р. Вятки, а предки азелинцев — чегандинские племена — носили собирательное имя Калмез⁴². Племена Калмез и Одо, продвигаясь на запад, постепен-

⁴⁰ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья..., с. 197.

⁴¹ Халиков А. Х. Об этнических основах марийского народа.

⁴² Генинг В. Ф. Указ. соч., с. 208.

но отрывались от основной массы сородичей, в лесных районах Волго-Вятского междуречья расселились отдельными островками, опорными пунктами их могли быть городища «одо-илемы», хотя чисто археологически это пока не доказуемо. Возможно, что первоначально они не встретили сопротивления со стороны немногочисленного местного населения. Но уже с V—VI вв. н. э. начинается интенсивное освоение этого региона городецкими племенами и начинается взаимоассимиляция городецких и азе-линских племен, что нашло отражение в легендах и преданиях.

Начало взаимоассимиляции этих племен относится к IV—VI вв. (Мари-Луговской могильник IV—VI вв., Кубашевское городище этого же времени, Младший Ахмыловский могильник V—VII вв.). Очевидно, этот же процесс отражает и Худяковский могильник, сочетающий обряды кремации и ингумации, характерные для Младшего Ахмыловского могильника.

Дальнейшее этническое развитие марийцев нашло отражение в материалах пижемских городищ VIII—IX вв. (Еманаевское, Ижевское и др.), сочетающих также два компонента: наличие плоскодонной и круглодонной керамики и некоторых типов металлических изделий. Однако, здесь для этого времени наблюдается проникновение нового племени, носителя решетчато-ребенчатой керамики. Вероятно, это племя, как считает В. Ф. Генинг, носило имя Ватка. И с VIII—IX вв. в этнической характеристике марийцев можно отметить общие элементы с чепецкими удмуртами. Рубеж VIII и IX вв. для марийцев и удмуртов является началом нового этапа в их этнической истории. С этого момента, очевидно, можно отметить появление элементов материальной культуры западного происхождения в чепецких древностях, что, возможно, связано с появлением племени с этнонимом Пор. Но это уже другой этап в истории мари и удмуртов, и он выходит за рамки данной статьи.

Р. М. Фаттахов

О СОСТОЯНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УДМУРТСКОГО НАРОДА

Антропологическое изучение Удмуртского края начинается во второй половине прошлого столетия. Летом 1873 года во время специальной экспедиции в Вятскую губернию Н. М. Малиевым было проведено первое профессиональное антропологическое исследование среди удмуртского народа¹. Однако отдельные описания внешнего вида удмуртов встречались значительно раньше. В работах С. Г. Гмелина, П. С. Палласа, И. Г. Георги и других путешественников приводятся заметки об антропологических особенностях коренного населения Вятского края². Описания очень противоречивы, наряду с морфологической характеристикой приводятся черты характера. Н. М. Малиев критически отнесся к этим данным. Причину разногласий он видел в отсутствии единой методики: «...все дело сводится на личную опытность, зависит от чисто субъективного взгляда наблюдателя»³. Во время поездки 1873 года Н. М. Малиевым было изучено сто удмуртов разных деревень Глазовского и Сарапульского уездов. По мнению исследователя, большинство удмуртов принадлежит к брюнетам с господствующим русым цветом волос. Глаза у 50 % голубые, ширина глаз средняя, нос приплюснутый, голова брахикефальная⁴.

¹ Малиев Н. М. Краткий отчет об экскурсии в Вятскую губернию для исследования вотяков в антропологическом отношении.— «Протоколы заседания Общества естествоиспытателей при Казанском университете за 1873—1874 годы». Протокол 52 заседания от 2 ноября 1873 г. Казань, 1875.

² Малиев Н. М. Антропологический очерк вотяков.— К учению о строении черепа и сравнительной анатомии рас.— «Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете», т. 4, № 2. Казань, 1974, с. 3—11.

³ Там же, с. 9.

⁴ Малиев Н. М. Антропологический очерк..., с. 11—13.

Краниологические материалы с территории Удмуртии впервые были собраны так же Н. М. Малиевым⁵. В 1871 году им были проведены раскопки в селе Ошторма Мамадышского уезда Казанской губернии. Серия из 15 черепов характеризуется Н. М. Малиевым следующим образом: продольный диаметр короткий, поперечный широкий, по указателю черепа брахи-краниые. Лоб узкий, довольно прямой, лицо широкое, скулы выдающиеся. Клыковая ямка глубокая. Сильно выраженный альвеолярный прогнатизм. Переносье широкое, низкое, сосцевидные отростки крупные⁶. В другой работе Н. М. Малиев по очень краткой программе (6 признаков) приводит данные о 10 черепах из села Цыпья Мамадышского уезда. Какие-либо выводы отсутствуют⁷. Изученный Н. М. Малиевым краниологический материал невелик. По этому поводу автор пишет: «Я не могу не видеть, что представленных мною цифровых данных далеко недостаточно для точного разграничения форм и установления типических моделей нормальных черепов того или другого племени»⁸. Тем не менее благодаря работам Н. М. Малиева мы имеем первое квалифицированное описание краниологии и соматологии удмуртского народа, которое явилось основой для дальнейшего изучения населения края.

После работ Н. М. Малиева антропологическое изучение удмуртского народа становится эпизодическим. У Н. В. Гильченко приводятся данные о весе головного мозга восьми удмуртов⁹, В. С. Снегирев публикует материалы о росте и окружности груди двадцати семи человек¹⁰. В 1910 году была опубликована диссертация М. М. Хомякова «О краниологическом типе

⁵ Малиев Н. М. Об антропологической экскурсии летом 1871 года.—«Протоколы заседания Общества естествоиспытателей при Казанском университете за 1871—1872 годы». Протокол 27 заседания от 27 октября 1871 года. Казань, 1872.

⁶ Малиев Н. М. Материалы для антропологии восточного края России. К учению о строении черепа и сравнительной анатомии рас.—«Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете», т. 4, № 2. Казань, 1874, с. 42—43, табл. XIII.

⁷ Малиев Н. М. Каталог краниологических коллекций Казанского университета.—«Труды Об-ва естествоисп. при Казанском университете», т. 19, вып. 2. Казань, 1888, с. 22—24.

⁸ Малиев Н. М. Материалы для антропологии восточного края России, с. 42.

⁹ Гильченко Н. В. Вес мозга и некоторых его частей у различных племен, населяющих Россию.—«Труды антропологического отдела», т. 19, 1899.

¹⁰ Снегирев В. С. Материалы для медицинской статистики и географии России. О результатах освидетельствования и измерения груди и роста лиц, призванных к военной службе в 1875 г.—«Военно-медицинский журнал», кн. 1, 1883.

чепецких вотяков...»¹¹. Название работы не соответствует действительности, так как, во-первых, в ней рассматривается соматологический материал, а во-вторых, большая часть исследования посвящена критическому разбору историко-этнографических данных. Позднее выходит другая его работа — «Вотяки». В ней приводятся данные обмера призывных солдат: удмуртов, русских, мари, татар, чувашей¹². Обе работы выполнены на низком профессиональном уровне. В измерительную программу включено небольшое число признаков, а сама она составлена по личному усмотрению автора. Имеется большое число арифметических ошибок, много места уделяется описанию материалов и практически нет выводов¹³.

Систематическое изучение антропологии удмуртского народа начинается лишь в советское время. В середине 20-х годов предпринимается попытка серологического исследования. По системе АВО было изучено более 100 удмуртов. Однако материал остался необработанным¹⁴. В 1929 году на страницах Русского антропологического журнала П. П. Зам приводит данные об уроженцах Глазовского уезда Вотской области. Группа очень пестрая: молодые люди призывного возраста, учащиеся, женщины¹⁵. Автор характеризует удмуртов как одну из народностей с низким ростом. По головному указателю в среднем они мезоцефальны, но процент брахицефалов достаточно велик (62). По пигментации волос и глаз они относятся к смешанному типу с преобладанием смешанных оттенков. В заключении П. П. Зам считает возможным предложить, что в основе удмуртов Глазовского уезда лежат два антропологических типа «...один более длинноголовый, темный, другой более широкоголовый, светлый»¹⁶. Несмотря на то, что изученный материал велик, имеющаяся характеристика недостаточна. В то же время предположение о неоднородности удмуртов заслуживает внимания.

Обширные исследования среди финно-угорских народов Вол-

¹¹ Хомяков М. М. О краниологическом типе чепецких вотяков в связи с общим развитием вотской народности. Антропологическое исследование. Казань, 1910.

¹² Хомяков М. М. Вотяки, ч. 1. Казань, 1923.

¹³ Вишневский Б. А. Арифметические ошибки в работах доктора М. М. Хомякова. — «Журнал Казанского Медико-Антропологического общества», вып. 1. Казань, 1929, с. 268—269.

¹⁴ Петров Г. Несколько слов по поводу антропологического обследования Вотобласти. — «Труды Научного Общества по изучению Вотского края», вып. 2. Ижевск, 1926.

¹⁵ Зам П. П. Материалы к антропологии вотяков (удмуртов) Глазовского уезда. — «Русский антропологический журнал», вып. 3—4, 1929, с. 7—9.

¹⁶ Зам П. П. Там же, с. 20.

го-Камья проведены в двадцатые-тридцатые годы Научно-исследовательским Институтом и Музеем антропологии Московского Государственного университета. Под руководством П. И. Зенкевича на территории Удмуртии были исследованы три удмуртские (кильмезская, чепецкая, ижевская) и одна бесермянская (чепецкая) группа¹⁷.

В целом исследованные удмурты характеризуются невысоким ростом, среднелинейной, среднеширокой или широкой, низкой головой, брахицефальной или мезоцефальной по указателю. Лицо средней высоты и довольно широкое. Нос невысокий, широковатый. Преобладает средней высоты переносье и прямая спинка носа. Складка верхнего века в различных группах выражена по-разному. Волосы на лице выражены средне. Пигментация волос и глаз не слишком интенсивная. Каждая из территориальных групп имеет свои особенности. Чепецкие удмурты обладают наиболее высоким переносьем, чаще чем в других группах выпуклой спинкой носа, более темной пигментацией. Ижевские удмурты отличаются от других наиболее слабой пигментацией и менее сильно развитой складкой верхнего века. Жители р. Кильмези имеют наиболее низкое лицо и переносье. Бесермяне обнаруживают значительную близость с удмуртами и отличаются от привлеченной для сравнения группы татар¹⁸. В результате исследования П. И. Зенкевич приходит к выводу о том, что в антропологическом отношении удмурты неоднородны¹⁹. Этот вывод подтверждается работами других антропологов. Н. Н. Чебоксаров как среди коми, так и среди удмуртов выделяет северопонтийский компонент, относящийся к кругу средиземноморских форм²⁰. Наличием среди удмуртов и татар светлого европеоидного, сублапоноидного²¹ и темного европеоидного компонентов обнаруживается сходство в антропологическом составе этих народов.

Наиболее обширные исследования по соматологии удмуртского народа были проведены К. Ю. Марк. Ему изучено 14 уд-

¹⁷ Зенкевич П. И. Характеристика восточных финнов.— «Ученые записки» МГУ, вып. 63, 1941, с. 21—81. *его же*. Антропологические исследования в Удмуртской АССР.— «Краткие сообщения о научных работах НИИ и Музея антропологии при МГУ за 1938—1839 гг.» М., 1941.

¹⁸ Зенкевич П. И. Антропологические исследования..., с. 23.

¹⁹ Зенкевич П. И. Физический тип горных и луговых мари.— «Марийская автономная область», вып. 8—9. Йошкар-Ола, 1934, с. 56, 59, 62.

²⁰ Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии.— «Советская этнография», 1946, № 2, с. 58.

²¹ Трофимова Т. И. Этногенез татар в свете данных антропологии.— «Труды Института этнографии АН СССР», т. 7, М.-Л., 1949, с. 234, 235, 237.

муртских групп²². На основе полученных данных она приходит к выводу о том, что среди удмуртов и мари главным образом распространен сублапоноидный антропологический тип, являющийся вариантом уральской расы²³. Однако имеются и другие точки зрения. В. В. Бунак среди населения Среднего Поволжья и Приуралья выделяет два основных антропологических типа: волго-вятский (сублапоноидный), представленный в основном у удмуртов, и средневожжский (субуральский), преобладающий у мари²⁴. В. П. Алексеев считает, что «...многообразные типологических вариаций в антропологическом типе финноязычных народов Поволжья не группируется в два резко различных комплекса признаков»²⁵. Он предлагает удмуртов и мари относить к одному антропологическому типу и называть его субуральским²⁶.

Новые данные по краниологии удмуртского народа были получены спустя почти 80 лет после исследований Н. М. Малиева. Под руководством М. С. Акимовой экспедицией Института антропологии при МГУ были раскопаны поздние могильники на территории Удмуртии²⁷. Материал по северным удмуртам получен из Буринского могильника, по южным — из Аксакшурского и Можгинского могильников. Северные и южные удмурты характеризуются брахикранией, малым продольным, средним поперечным и высотным диаметрами. Лоб прямой, среднеширокий. Надпереносье, надбровные дуги как и весь рельеф черепа выражены довольно слабо. Размеры ширины и высоты лица средние. В горизонтальной плоскости лицо профилировано умеренно. По вертикальному углу лицо ортогнатное, однако альвеолярная часть обнаруживает тенденцию к мезогнатии. Нос средней ширины и высоты. Переносье характеризуется средними или малыми величинами широтных размеров, большими или средними величинами высотных размеров. Угол выступания носа средний²⁸. Между сериями северных и южных

²² Mark K. Zur Herkunft der finnisch-ugrischen völker vom standpunkt der Anthropologie. Tallinn, 1970.

²³ Марк К. Ю. Указ. соч., с. 74. *ее же*. Соматологические материалы к проблеме этногенеза финно-угорских народов. — В кн. Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974.

²⁴ Bunak V. Neus Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas. Zeischerif für Morphologie und Anthropologie. Bd. XXX, 1932, H. 3.

²⁵ Алексеев В. П. Антропологические материалы к этногенезу марийского народа. — «Труды МарНИИ», вып. 19. Йошкар-Ола, 1964, с. 250.

²⁶ Там же, с. 250.

²⁷ Акимова М. С. Краниологический очерк удмуртов. — «Вопросы антропологии», вып. 10, 1962.

²⁸ Там же, с. 110—111.

удмуртов имеются небольшие различия. Мужские черепа северных удмуртов характеризуются большим продольным и поперечным диаметром, лицо у них выше и шире, лоб более наклонный, рельеф развит сильнее. В женских сериях различия проявляются в большей ширине лица и выраженности рельефа у северных удмуртов²⁹. Две серии, принадлежащие северным и южным удмуртам, приводятся в работе В. П. Алексеева, посвященной краниологии народов Восточной Европы³⁰. Материал М. С. Акимовой дополнен данным об удмуртских черепах, измеренных В. П. Алексеевым в Ленинграде и Казани³¹. В результате увеличения серии их характеристика не изменилась.

Проведенное М. С. Акимовой сравнение черепов северных и южных удмуртов с черепами соседних народов показывает, что по краниологическим данным эти народы довольно близки. Характерными особенностями удмуртских черепов являются малый продольный диаметр, более высокий черепной указатель, более узкий, прямой лоб, менее сильно выраженный рельеф. По ширине и углу наклона лба, ширине лица, значительному проценту сглаженных форм нижнего края грушевидного отверстия удмурты сближаются с луговыми марийцами, а по углу выступления носа, зигомаксиллярному углу и высоте орбит тяготеют к горным марийцам и мордве³².

В решении проблем происхождения и формирования антропологического состава удмуртского народа значительная роль отводится данным палеоантропологии. С территории Удмуртии наиболее ранние антропологические материалы происходят из могильников пьяноборской культуры и датируются рубежом н.э. Серия из Чегандинского и Ныргындинского могильников, изученная М. С. Акимовой, характеризуется длинной, узкой, средневысокой, долихокранной по указателю черепной коробкой, средневысоким, нешироким, профилированным в горизонтальной плоскости лицом, умеренно выступающим носом³³. Истоки населения пьяноборской культуры М. С. Акимова видит в населении Среднего Поволжья и Приуралья эпохи бронзы, которое характеризовалось подобным антропологическим комплексом, но отличалось большей гиперморф-

²⁹ Там же, с. 111—114.

³⁰ Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. Краниологическое исследование. М., 1969, табл. 31, 32.

³¹ Там же, с. 41.

³² Акимова М. С. Указ. соч., с. 112.

³³ Акимова М. С. Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья. — «Вопросы антропологии», вып. 8, 1961, с. 130—132.

ностью³⁴. Антропологический тип населения пьяноборской культуры, по мнению М. С. Акимовой, лежит в основе современных народов Волго-Камья³⁵. Проникновение в ананьинскую эпоху монголоидных групп существенно не изменило антропологического состава населения Прикамья³⁶. Однако за две тысячи лет, прошедшие после пьяноборской эпохи, в результате смещения и вследствие эпохальных процессов все-таки произошли некоторые изменения антропологического типа³⁷.

За последние 10 лет с территории Удмуртии получены новые палеоантропологические материалы середины I тыс. н. э. Серия черепов из Ижевского могильника после продолжения раскопок увеличилась с 5 до 42³⁸. Получены палеоантропологические материалы из Покровского и Чепанихинского могильников³⁹.

Краниологическая серия из Ижевского могильника характеризуется длинной, среднеширокой, средневысокой, долихокранной по указателю черепной коробкой, средними размерами лицевого скелета, умеренной его профилированностью в горизонтальной плоскости, средним выступанием переносья и носовых костей. Черепа из Покровского могильника отличаются от ижевских более длинной, узкой, высокой черепной коробкой, более широким лицом и сильнее выступающим носом. Однако эти различия невелики⁴⁰. Гораздо значительнее от ижевских и покровских отличаются черепа из Чепанихинского могильника. Ширина лба и размеры лицевого скелета в чепанихинской серии очень велики⁴¹. Внутригрупповой анализ приведенных серий позволил установить их некоторую неоднородность⁴². При анализе индивидуальных данных в ижевской и чепанихинской сериях выделяются группы, различающиеся размерами черепной коробки и лицевого скелета, а также степенью профилированности лица⁴³.

³⁴ Акимова М. С. Указ. соч., с. 132—135. *ее же*. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968, с. 34—37.

³⁵ Там же, с. 93.

³⁶ Там же, с. 34—37.

³⁷ Там же, с. 93.

³⁸ Фаттахов Р. М. Антропологическая характеристика населения Удмуртского Прикамья середины I тыс. н. э.— В кн.: Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978.

³⁹ Фаттахов Р. М. Указ. соч. *его же*. Новые антропологические материалы с территории Средней и Нижней Камы. Сборник Музея Антропологии и Этнографии, в. 36. Л., 1980.

⁴⁰ Фаттахов Р. М. Антропологическая характеристика населения..., с. 207.

⁴¹ Фаттахов Р. М. Новые антропологические материалы...

⁴² Фаттахов Р. М. Антропологическая характеристика населения...

⁴³ Фаттахов Р. М. Там же, с. 209. *его же*. Новые антропологические материалы...

Сравнение Прикамских серий рубежа и середины I тыс. н. э. позволяет установить, что формирование населения Нижнего и Среднего Прикамья середины I тыс. н. э. проходило на основе предшествующего ананьинско-пьяноборского. Однако по сравнению с пьяноборским оно имело более широкую голову, более широкое и уплощенное лицо, сильнее выступающий нос. Эти изменения являются следствием проникновения и смещения с населением Среднего Прикамья пришлых групп. Приток нового населения был более значительным, чем это предполагала М. С. Акимов⁴⁴, так как серии середины I тыс. н. э. (ижевская, покровская, чепанихинская) отличается от пьяноборских в одном направлении — увеличивается ширина черепной коробки, лицо становится шире и плосче, носовые кости выступают сильнее⁴⁵. Тем не менее, основным населением эпохи раннего средневековья территории Прикамья являлось местное население, уходящее своими корнями в пьяноборскую эпоху и более раннее время.

Следующий хронологический этап представлен краниологическими сериями эпохи средневековья. Среди населения бассейна р. Чепцы конца I тыс. н. э. М. С. Акимов выделяет два антропологических типа. Первый выявлен в могильнике Мыдлань-шай. Он характеризуется долихокранией, узким, сильно профилированным лицом, умеренно выступающим носом. Второй представлен в серии из Поломского могильника. По сравнению с первым, он характеризуется более короткой, широкой черепной коробкой, более широким, низким, плоским лицом. Поломские черепа имеют сходство с черепами из Деменковского могильника с территории Верхней Камы⁴⁶. Происхождение первого типа М. С. Акимов связывает с предшествующим населением, а второго — влиянием пришлых групп⁴⁷. С территории Удмуртии получен новый краниологический материал из Варнинского могильника V—X вв.⁴⁸. Серия черепов из этого могильника имеет большее сходство с Мыдланьшайской. Аналогии Поломским черепам имеются на территории Татарии — в

⁴⁴ Акимов М. С. Антропологические материалы мазунинской культуры Прикамья. — «Отчет Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР», вып. 2, 1961, с. 308—309.

⁴⁵ Фаттахов Р. М. Антропологический состав и происхождение населения Волго-Камья середины I тыс. н. э. VII Уральское археологическое совещание. Ижевск, 1980.

⁴⁶ Акимов М. С. Антропологические материалы из могильника Мыдлань-шай. — «Вопросы археологии Урала», вып. 3. Свердловск, 1962, с. 122.

⁴⁷ Акимов М. С. Антропологические материалы из Танкеевского могильника. — «Вопросы антропологии», вып. 45, 1973, с. 22.

⁴⁸ Семенов В. А. Варнинский могильник. — В кн.: Новый памятник полумской культуры. Ижевск, 1980.

Больше-Тиганском могильнике⁴⁹. Однако серия из Мыдланьшайского могильника, с одной стороны, и Поломского, Деменковского,— с другой, вероятно, являются не самостоятельными антропологическими типами, как это полагает М. С. Акимов, а вариантами одного антропологического типа. Во-первых, перечисленные серии по ряду признаков обнаруживают сходство (верхняя высота лица, ширина, высота носа, переносья и орбит), во-вторых, выделенные М. С. Акимовой типы не разграничиваются территориально⁵⁰.

Сравнивая серии конца I тыс. с серией современных северных удмуртов, М. С. Акимов полагает, что «... население бассейна р. Чепцы конца I тыс. вполне может считаться древними предками современных удмуртов. По одним признакам удмуртские черепа ближе к черепам из Мыдланьшай, по другим — к полемским, по третьим они занимают промежуточное положение. Правильнее полагать, что оба типа полемской культуры вошли в состав современных удмуртов»⁵¹. Кроме того, по мнению М. С. Акимовой, на протяжении II тыс. н. э. на этой территории имели место процессы брахицефализации и грацилизации⁵². К сожалению, с территории Удмуртии пока отсутствуют палеоантропологические материалы первой половины и середины II тыс. Этот пробел в настоящее время не позволяет изучить заключительный период формирования антропологического состава удмуртского народа.

* * *

Начало антропологического изучения удмуртского народа было положено работами Н. М. Малиева.

В результате исследований П. И. Зенкевича, К. Ю. Марк, М. С. Акимовой известен антропологический состав современного населения Удмуртии и краниологическая характеристика северных и южных удмуртов. Однако для выяснения заключительного периода формирования антропологического состава удмуртского народа необходимы дополнительные палеоантропологические и краниологические материалы II тыс. н. э.

⁴⁹ Фаттахов Р. М. Краниологические материалы из могильника Большие Тиганы. Кр. содерж. докл. годичн. научн. сессии Ин-та этнографии АН СССР 1974—1976 гг. Л., 1977, с. 104—106.

⁵⁰ Фаттахов Р. М. Антропологический состав населения Волго-Камья конца I — начала II тыс. н. э. VII Уральское археологическое совещание. Ижевск, 1980.

⁵¹ Акимов М. С. Антропологические материалы из могильника Мыдланьшай..., с. 121—122.

⁵² Там же, с. 121.

М. Г. Атаманов

ИЗ ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ ВОРШУДНО-РОДОВЫХ ГРУПП УДМУРТОВ

Среди населения России в XIX — начале XX вв. встречались сравнительно крупные по численности этносы, достаточно развитые в социально-экономическом отношении, но вместе с тем включавшие в свой состав наряду с типично феодальными областными, «земляческими» группами и родо-племенные подразделения. Они сохранялись в составе многих уже вполне сформировавшихся, этнически сплоченных народностей, не нарушая их этнического единства¹. Такой своеобразной чертой в развитии удмуртского народа в вышеуказанный период являлись сохранившиеся воршудно-родовые подразделения, ведущие свое начало от материнско-родовой организации. К настоящему времени среди удмуртов удалось выявить следы 70 родовых групп².

О воршудах — родовых божествах, хранителях семейно-родового счастья и связанных с ними обрядах, имеется обширная литература, начиная уже с конца XVIII в. Практически каждый исследователь удмуртов в той или иной степени касается и проблемы воршудов. Наибольшее количество публикаций приходится на конец XIX и начало XX вв. (Н. Г. Первухин, П. М. Богаевский, Б. Г. Гаврилов, Г. Е. Верещагин, И. Н. Смирнов, М. Г. Худяков, П. Н. Луппов, М. О. Косвен и др.)³. «То

¹ Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, с. 52—53.

² Атаманов М. Г. Этнонимы удмуртов в топонимии. КД, Тарту, 1978.

³ Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888; Богаевский П. М. Очерки религиозных представлений вотяков. — Этнографическое обозрение, книга IV, М., 1890, с. 116—163; его же. Очерк быта сарапульских вотяков. — Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее, вып. 3. М., с. 14—64; Гаврилов Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880; Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края, СПб, 1885; его же. Вотяки Сарапульского уезда. Вятской губер-

обстоятельство, что вотяки хорошо сохранили сознание своей принадлежности к тому или иному роду, т. е. сознание своего происхождения, а также сохранили много преданий о переселениях родов — дает науке счастливую возможность приподнять завесу над прошлым вотской народности, — писал известный исследователь воршудно-родовой организации удмуртов М. Худяков. — История народности складывается из истории отдельных родов, и изучение последних дает возможность проследить судьбы вотского народа, восходящие к отдаленным временам дорусской и добулгарской эпохи». Он призывал исследователей тщательно собрать и зарегистрировать все удмуртские этнонимы. «Составление точного списка всех вотских родов и подробной карты их современного расселения является ближайшей задачей исследователей»⁴. Но, к сожалению, в последующий период мало что изменилось. Лишь в самом конце 60-х годов вновь начали появляться отдельные статьи, посвященные происхождению воршудно-родовых имен удмуртов⁵.

Предлагаемая работа посвящена вопросам расселения воршудно-родовых групп, выявлению следов былых их объединений — родовых центров, а также некоторым вопросам формирования этнолингвистических групп удмуртов.

В основу исследования легли материалы, полученные из работ наших предшественников, а также полевые материалы фольклорно-диалектологических, этнографических экспедиций 1970—1980 гг. За это время мы смогли побывать во многих районах, населенных удмуртами, в частности, в Татарской, Марийской АССР, в Кировской, Пермской, Томской областях и в Красноярском крае. За годы экспедиционных работ собран значительный материал по истории расселения удмуртов, записаны родовые имена жителей обследованных селений, исторические легенды и предания, повествования о переселениях или возникновении тех или иных деревень и др. В научный оборот

нии. СПб., 1889; *Смирнов И. Н.* Вотяки. — ИОАИЭ, т. VIII, вып. II. Казань, 1890; *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков со времен первых исторических известий о них до XIX в. СПб., 1899; *Худяков М. Г.* Вотские родовые деления. — ИОАИЭ, т. XXX, вып. 3, Казань, 1920, с. 339—356; т. XXXI, вып. 1, Казань, 1920, с. 1—18; *Косвен М. О.* Распад родового строя у удмуртов. — На удмуртские темы, вып. II. М., 1931, с. 5—35.

⁴ *Худяков М. Г.* Вотские родовые деления. — ИОАИЭ, т. XXXI, вып. 1, Казань, 1920, с. 13.

⁵ *Бушмакин С. К.* Воршудные имена и удмуртская топонимия. — Ономастика Поволжья, 1. Ульяновск, 1969, с. 166—176; *Архипов Г. А.* Удмуртские этнонимы. — Ономастика Поволжья, 1. Ульяновск, 1969, с. 239—243; *Владыкин В. Е.* Очерки этнической и социально-этнической истории удмуртов (до начала XX в.). — АКД, М., 1969.

введен значительный материал, хранящийся в Государственном архиве Кировской области (ГАКО), рукописных фондах Научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР (УдНИИ) и Удмуртского государственного университета (УдГУ).

Как отмечали исследователи, еще в XIX в. культ семейно-родовых святынь у удмуртов был весьма развит. Каждая семья в честь своего покровителя-воршуда устраивала до 70 молений в год, которые проводились в семейном святилище — покчи куала, и непременно один раз в год устраивалось моление в родовом святилище — быдзым куала. Каждое родовое святилище имело свое название, например: Затча куала, Можга куала, Салья куала, совпадающее с воршудным именем, а сами члены данной воршудно-родовой группы именовались Затча пиос (пиос «дети, сыновья, потомки»), Можга пиос, Салья пиос.

В 30-х годах будучи в экспедиции у удмуртов, М. О. Косвен обратил внимание на то, что большинство удмуртов старшего поколения на севере Удмуртии сохраняло еще представление о своей принадлежности к определенному роду, но, как он подметил, такое представление имело лишь номинальный характер, в него не вкладывалось никакого социального содержания (разрядка наша — М. А.). Однако, идея культового значения такой принадлежности к определенному роду преимущественно хорошо сохранялась⁶.

В настоящее время культ воршудов уже изжил себя, реликты его сохраняются лишь в нескольких деревнях на юге Удмуртии и среди слободских удмуртов Кировской области.

Термины «род», «родовой», «племенной» в работе употребляются не в классическом их значении. Опираясь этими понятиями, мы имеем в виду не социально-экономические функции этих организаций, а внешнюю форму их строения.

По мнению историков, уже в эпоху существования чепецкой культуры (вторая половина IX—XV вв.) имелись налицо ярко выраженные признаки распада патриархально-родовых отношений⁷. Как считает этнограф В. Е. Владыкин, «период XIII—XVI вв. в этническом отношении для удмуртов был очень важен. В результате соприкосновения удмуртов на Вятке вначале с марийцами, а затем с русскими они стали отходить в глубинные районы края. Происходит смешение и разрушение старых, исторически сложившихся этнических объе-

⁶ Косвен М. О. Указ. соч., с. 8.

⁷ Живаева Г. Т. История северных удмуртов в IX—XV вв.— КД, М., 1971, с. 148.

динений, существовавших на прежних местах. С переходом на новые земли многие этнические группы перемешались меж собой, традиционные связи в какой-то степени утрачивались и возникали новые. По-видимому, именно в этот период была разрушена воршудная организация удмуртов, когда многие воршуды оказались раздробленными и широко расселившимися друг от друга»⁸.

В результате полевых исследований с 1970 по 1980 гг. нам удалось выявить следующую картину: ни одна из 70 родовых групп, за исключением весьма малочисленного рода Чунча, не проживает компактно на территории одного определенного региона. Они раскиданы по всей территории расселения удмуртов, нередко в сотнях и тысячах километров друг от друга. Так, следы рода Пельга найдены на территории 16 районов, родов Зумья, Какся, Уча — 17, а следы рода Чабья обнаружены в 19 районах. Несмотря на это, в удмуртском языке для обозначения родовых гнезд сохранился специальный термин — «выл». Выходцы из одной деревни, принадлежащие одному роду, создавшие вокруг нее новые селения, образуют *выл* — родовое гнездо, родовую территорию. Центры таких родовых гнезд носят название *вужгурт* «старая, родовая деревня». В официальных названиях обычно они передаются с помощью определений «старая»: Старая Салья, Старая Игра, Старая Юмья или «большая»: Большая Пурга, Большая Уча, Большая Докья и др.

В определенную историческую эпоху у каждого рода было свое укрепленное поселение (городище) — *кар*. Об этом говорят микротопонимы, сохранившиеся до наших дней: *Узякар* «городище рода Узя», *Эбгакар* «городище рода Эбга», *Сьёлтакар* «городище рода Сьёлта» и др. Вокруг кара и вужгурта образовались дочерние поселения — *выльгурт* (*выль* «новый», *гурт* «деревня»), если вокруг них была свободная, не занятая другими родами, территория. В микротопонимии северных районов сохранилось несколько десятков названий *каров* и *вужгуртов*⁹, хотя такой яркой картины расселения по родовым гнездам, как в южных и центральных районах республики, мы здесь не наблюдаем. Более того, в причепецких районах, кроме Игринского района, нам не известен ни один *выл*. В этой части республики лишь единицы деревень носят воршудное имя. Одну из причин этого явления мы видим в том, что на

⁸ Владыкин В. Е. Указ. соч., с. 11—12.

⁹ Первухин Н. Г. Местности Глазовского уезда замечательные в археологическом отношении.— Вятские Губернские Ведомости, № 85. Вятка, 1889, с. 3, 4.

данную территорию в течение продолжительного времени шло массовое переселение удмуртов с других территорий, в результате которой произошло перемещение многих родовых групп. Этот процесс, видимо, еще более усилился после появления русских на Вятке. «На территории Вятской земли XV—XVII века являются временем дальнейшего упрочения русской колонизации»¹⁰. После появления русских городов Хлынова, Слободского, Котельнича, Шестакова, Орлова с окружающими их погостами по Вятке и ее притокам, отступление удмуртов на восток по Чепце еще более ускорилося¹¹. Так, только в течение 5 лет (1695—1699 гг.) каринские (слободские или нижнечепецкие) удмурты переселились в 8 починок, расположенных на территории современной Удмуртии¹². Но Чепца и некоторые ее притоки, уже начиная с раннего средневековья, были заселены древнеудмуртскими родами. За неимением свободных мест для заселения, переселенцы обосновывались на землях и селениях до них проживающих родов. В этой части республики трудно найти населенный пункт, где бы проживала только одна родственная группа. Немало переселенцев шло с юга Удмуртии и с Закамья¹³. Согласно данным переписи Саввы Сандырева, в течение 9 лет (1691—1699 гг.) в районе верхней Чепцы в 3 починок поселились выходцы из Казанского уезда¹⁴.

Другую картину мы наблюдаем на юге Удмуртии. Современная часть этой территории, опустевшая, как считают некоторые археологи, в раннем средневековье¹⁵, начала заселяться постепенно выходцами с нижнего течения Вятки, с Кильмези и в меньшей степени — с Чепцы. С юга теснили татары, с запада — марийские племена, позднее — татары и русские. Особенно бурным, видимо, был процесс заселения правобережья Камы после падения Казанского ханства. Именно к периоду XVI—XVII вв. относится возникновение большинства старин-

¹⁰ Луппов П. Н. Удмурты в XV—XVII вв. Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв. Ижевск, 1958, с. 21.

¹¹ Спицын А. А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. Москва, 1893, с. 95; Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности.— *Международный язык науки и культурных сношений*. М., 1901, с. 96—108; Луппов П. Н. Северные удмурты в XVI—XVII вв. (очерк из истории колонизации бассейна р. Чепцы).— *На удмуртские темы*, вып. II, Москва, 1931, с. 143.

¹² Луппов П. Н. Удмурты в XV—XVII вв. ..., с. 332.

¹³ Гришкина М. В. Численность и расселение удмуртов в XVIII в.— *Вопросы этнографии Удмуртии*, Ижевск, 1976, с. 123.

¹⁴ Луппов П. Н. Указ. соч., 337.

¹⁵ Семенов В. А. Южные удмурты в XVI веке.— *Вопросы этнографии Удмуртии*, Ижевск, 1976, с. 69.

ных сел юга Удмуртии. При постепенном заселении малообжитого района (подобно археологам, мы не исключаем полного отсутствия населения на юге Удмуртии) создались условия для образования вторичных родовых гнезд — групп родственных деревень, объединенных единством происхождения и совершением религиозных обрядов в честь родового божества — воршуда.

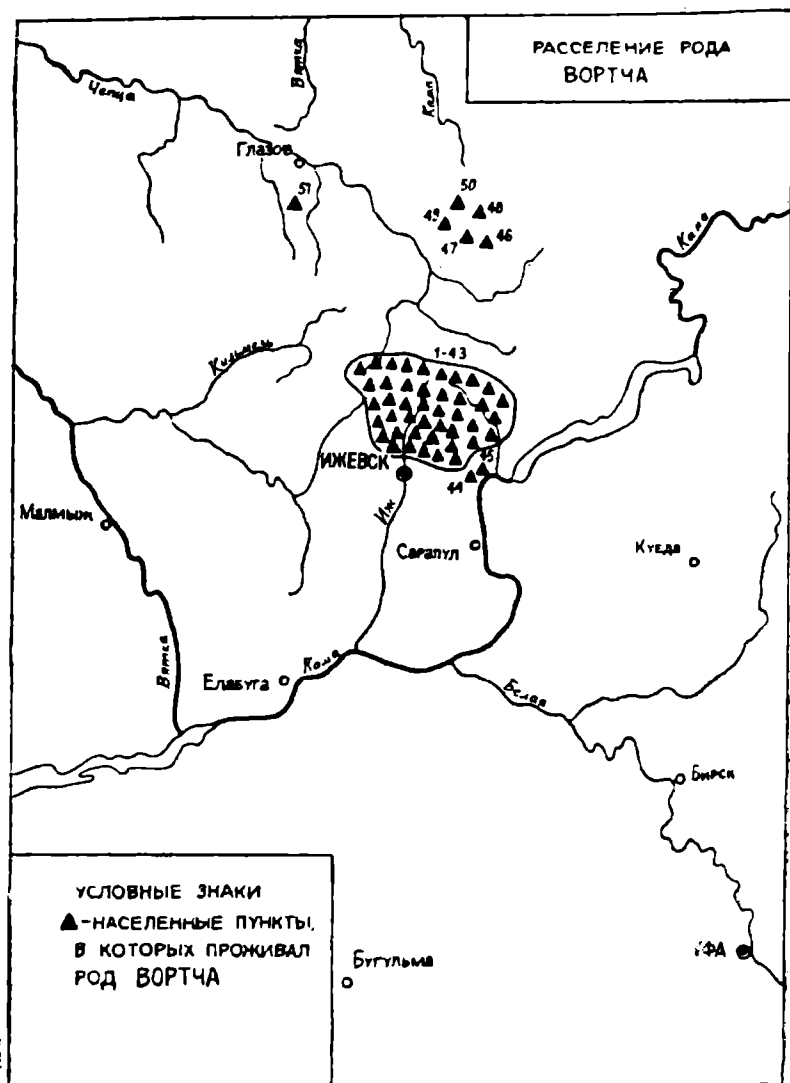
На основе анализа названий населенных пунктов Удмуртии и сопредельных с ней территорий других республик и областей с удмуртским населением мы можем заметить повторяемость одних и тех же ойконимов, отражающих воршудно-родовое имя жителей данного селения. Так, например, в Можгинском районе в 9 названиях деревень встречается микроэтноним *Какся*, в 5 — *Уча*, в 3 — *Можга* и т. д. Еще исследователи конца прошлого столетия заметили такое интересное своеобразие удмуртской топонимии¹⁶. В одной из своих работ П. Богаевский писал: «...стоит взглянуть на карту Сарапульского уезда, чтобы увидеть, как вокруг какого-либо селения с основным именем (именем родового божества) группируются деревни с тем же названием, лишь несколько измененным... Так, вокруг села Норя, носящего имя крайне обширного рода, расположились Вишур-Норя, Лудзи-Норя, Каравай-Норя, Кулай-Норя, Сизяшур-Норя; в селе Буранове, лежащем за 50 верст от Нории, один из родовых шалашей (святилищ — М. А.) носит имя Нория»¹⁷. Археолог А. Спицын отметил, что удмурты, создавая бессилие отдельной личности, отличаются замечательным единодушием. В силу этой характерной особенности они держатся друг друга и при переселениях, — где появляется один удмурт, там вскоре их появляется несколько. Селились по губерниям родами и племенами и всегда старались заселить избранную местность сплошь своим народом¹⁸.

В результате полевых исследований нам удалось выявить следы следующих родовых центров: Затча-выл, Эгра-выл, Уча-выл в Граховском районе; Шудья-выл, Омга-выл, Зумья-выл в Алнашском районе; Бёдя-выл, Пельга-выл, Омга-выл, Чабья-выл в Кизнерском районе; Салья-выл в Киясовском районе; Какся-выл, Можга-выл, Уча-выл, Жикья-выл, Кибья-выл в Можгинском районе; Дёкья-выл, Какся-выл, Бия-выл, Пельга-выл в Вавожском районе; Тукля-выл, Зумья-выл, Чунча-выл,

¹⁶ Потанин Г. Н. У вотяков Елабужского уезда. — ИОАИЭ, т. 3, Казань, 1882, с. 190—191.

¹⁷ Богаевский П. М. Очерк быта сарапульских вотяков..., с. 43.

¹⁸ Спицын А. А. Из истории вятских инородцев. — Календарь Вятской губернии на 1889 год. Вятка, 1888, с. 224—225.

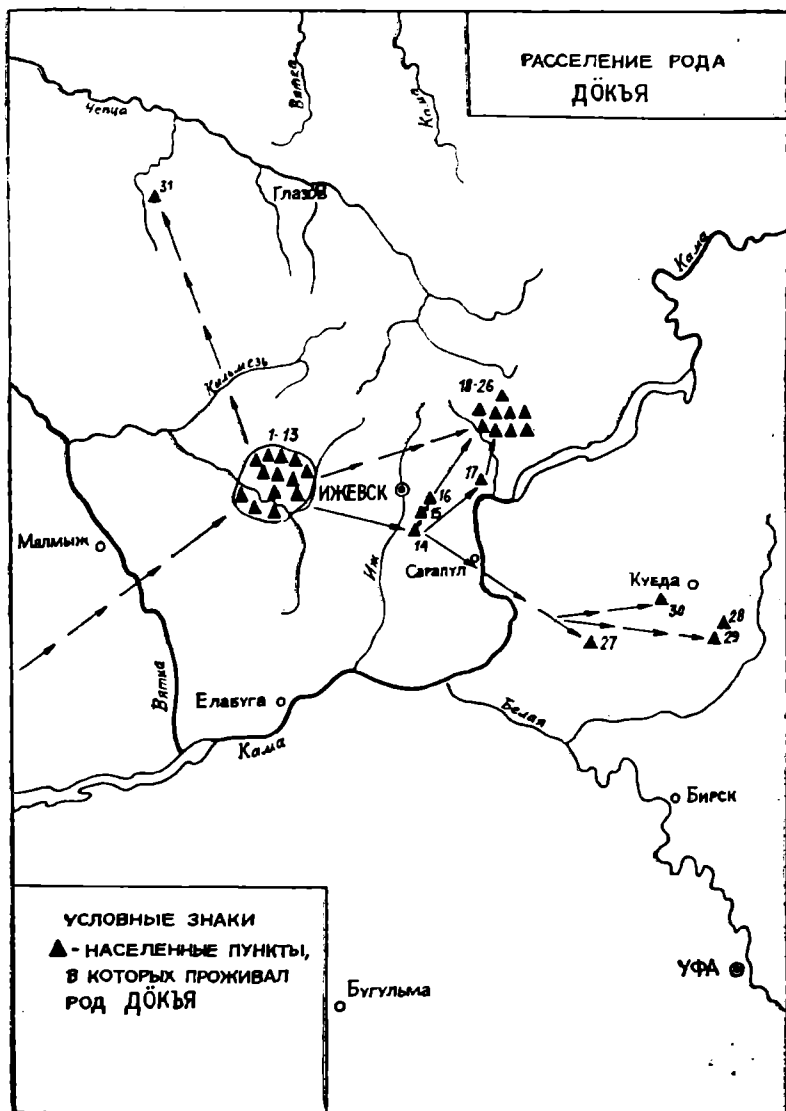
Вамъя-выл в Увинском районе; Кõпка-выл, Мõнья-выл, Жикъя-выл, Сьõлта-выл, Бия-выл в Селтинском районе; Шудья-выл, Можга-выл, Юбера-выл, Какся-выл в Сюмсинском районе; Уча-выл, Жикъя-выл, Пурга-выл, Нõръя-выл, Пельга-выл в Малопургинском районе; Венья-выл, Чудьза-выл в Завьялов-

ском районе; Пурга-выл, Вортча-выл, Эгра-выл в Игринском районе Удмуртской АССР; Зумъя-выл, Уча-выл в Кукморском районе Татарской АССР. Ниже мы рассматриваем некоторые бывшие родовые центры в связи с расселением того или иного рода. В скобках после названия каждого населенного пункта даны цифры, указывающие местоположение данного селения на схематической карте (схематические карты составлены лишь по наиболее крупным и широко расселившимся родам).

ВОРТЧА-ВЫЛ (1—43) охватывал южную часть Игринского района, а также часть соседних с ним Якшур-Бодьинского и Шарканского районов. Главные селения располагались по р. Нязь и в верховьях р. Иж. В этот выл входили следующие селения: Чутырь, Вукогурт, Ляльшур, Нязь-Ворцы, Пазяли, Шыкмет, Итчи, Кураш, Деревозь, Чимошур-Вортча, Лозо, Малые Мазьги, Лонки-Ворцы Игринского района; Кенеровай, Луна, Большие Ошворцы, Малые Ошворцы, Кечшур, Гожмувыр, Лудошур, Рудинский, Кыква, Сяmpi, Кионгоп, Кадилово, Лозо-Ворцы, Кутоншур, Кекоран, Ивановцы, Мукши Якшур-Бодьинского района; Нырошур, Сосновка, Табанево, Мувыр, Старый Пашур, Малый Казесс, Вортчино, Кечшур, Заречный Вишур, Кушто-Ключ, Верхнее Ягино, Старый Байбек, Гондырвай Шарканского района. Кроме этих деревень, следы рода Вортча зафиксированы в следующих населенных пунктах: Черный Ключ (44), Филипповский (45) Воткинского района; Юски (46), Вортчино (47), Вортчамувыр (48), Олыб (49), Старая Гыя (50) Кезского района; Ключи (51) Глазовского района.

По сравнению с другими родами, род Вортча имел весьма ограниченную территорию распространения: встречался только в районах севернее современного г. Ижевска, в основном в вышеназванных 3-х районах сплошным массивом, и частично в смешении с родами Эгра, Пурга, Бодья, Пупъя, Боня. Никаких следов данного рода не обнаружено на юге республики, в центральных прикильмезских районах, а также за пределами республики, кроме д. Камышовки Бирилюсского района Красноярского края, куда переселились в 10-е годы XX в. из деревень Малые Мазьги, Чимошур-Вортча, Лонки-Ворцы. Самым старым селением Вортча-выла считают Нязь-Ворцы — Вужгурт, откуда переселились в 20 селений¹⁹, а также Ошворцы, Лонки-Ворцы, которые уже по переписи 1648 г. бытовали как крупные селения по масштабам того времени.

¹⁹ Статьи об обычаях, привычках вотяков, их языческих религиозных воззрениях, говоре и пословицах. Государственный архив Кировской области. Фонд 170, оп. 1, ед. хр. 126 (ГАКО, ф. 170).

ДӨКҖЯ-ВЫЛ (1—13) располагался по р. Вале и ее притокам. В его состав входили 13 деревень Вавожского района: Большая Докья, Четкер, Большое Волково, Среднее Волково, Верхнее Волково, Чемошур-Докья, Большая Гурезь-Пудга, Ма-

лая Гурезь-Пудга, Кайшур, Малиновка, Яголуд, Валодор, Новая Докья. По преданиям, род Дѡкѡя в древности проживал южнее г. Казани. Под напором булгар они оставили то место и перебрались на р. Вала. Но, видимо, и после переселения они сохраняли определенные связи с оставшимися в Заказанье родственниками: выборные лица из вавожского Дѡкѡя-выла ездили на общественные моления в город Арск²⁰. Ойконим Докья зафиксирован на марийской территории — к северу от г. Санчурска на реке Мамокше²¹.

Выходцы из Старой Докьи образовали вокруг своей родовой деревни (которой не менее 650—700 лет) Дѡкѡя-выл. В 13 деревнях Дѡкѡя-выла проживает около 7500 человек²².

Немалое количество докйинцев живет за пределами родового центра — в Шарканском районе (18—26): Тыловыл, Шаркан, Титово, Шонер, Бакино, Порозово, Луговая, Липовка, Кивары; в Завьяловском районе: Старая Докья (15), Малая Докья (16); в Воткинском районе: Катыши (17); в Малопургинском районе: Яган-Докья (14); в Янаульском районе БАССР: Каймашабаш (27); в Татышлинском районе БАССР: Старокальмиярово (28), Арибашево (29); в Куединском районе Пермской области: Позырес (30); в Зуевском районе Кировской области: Березняк (31); в Чаинском районе Томской области: Тига II.

Село Яган-Докья Малопургинского района основано выходцами из вавожского Дѡкѡя-выла более 600 лет тому назад²³, откуда часть переселилась в д. Катыши Воткинского района (около 370 лет тому назад²⁴) и в Старую Докью Завьяловского района, из последней — в Малую Докью, а также в Шарканский район в XVIII — XIX вв. В Томскую область докйинцы переселились в 10-е годы XX в. из деревень Шарканского прихода Сарапульского уезда²⁵.

ЗУМЪЯ-ВЫЛ. Зумъя — одна из крупных родовых групп удмуртов. Ее следы обнаружены в 73 населенных пунктах на тер-

²⁰ Материалы фольклорной экспедиции 1978 года. РФ УдГУ, кафедра удмуртского языка и литературы (МФЭ УдГУ — 78); Ватка но Калмез. Удмурт калык легендаос но преданийос. Ижевск, 1971, с. 100.

²¹ Худяков М. Г. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области. М., 1935, с. 124.

²² Ватка но Калмез..., с. 100.

²³ Богаевский П. М. Очерк быта..., с. 44.

²⁴ Материалы по статистике Вятской губернии, т. VII, Сарапульский уезд, ч. II. Подворная опись. Вятка, 1892 (ПОВГ — 1892).

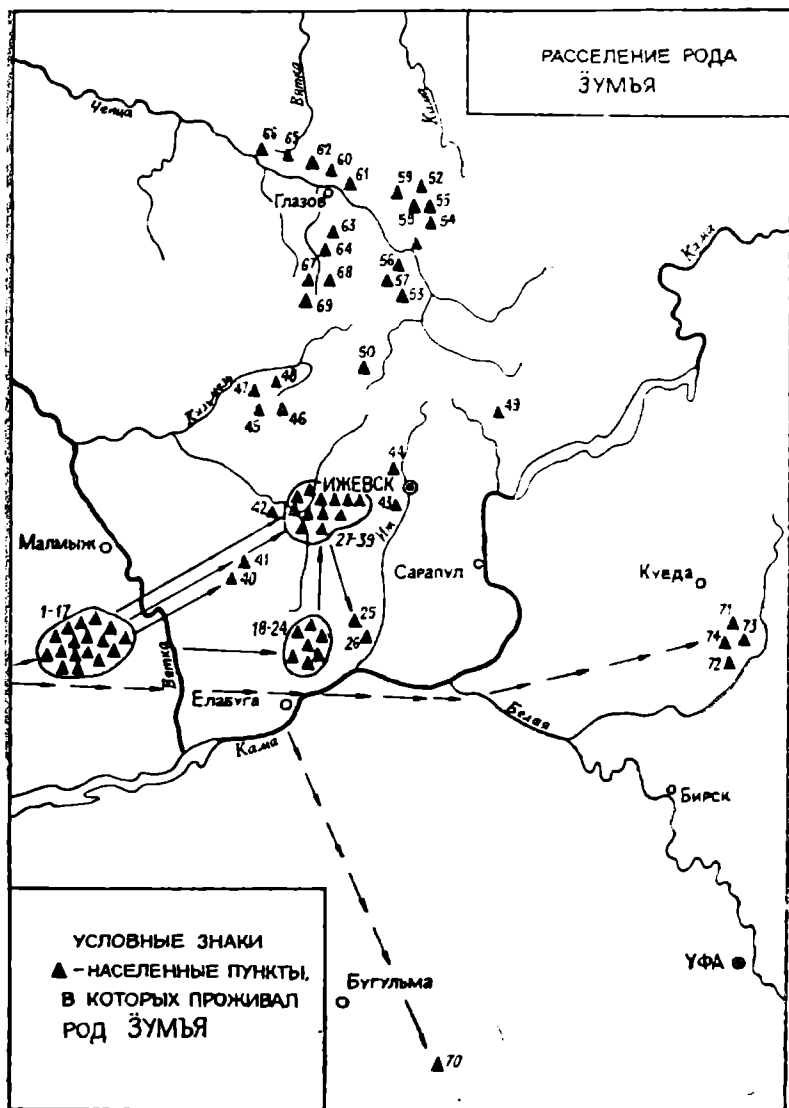
²⁵ Материалы этнографической экспедиции за 1974.— РФ УдГУ, кафедра всеобщей истории.

ритории 12 районов республики и в 5 районах за ее пределами. Можно выделить 3 родовых центра — в Кукморском районе Татарской АССР, в Алнашском и Увинском районах Удмуртской АССР. *Кукморский Зумъя-выл* (1—17) располагался в северной части Татарской АССР, по р. Ошторма. В его состав входили следующие селения Кукморского района: Старая Юмья (Вужгурт), Ошторма-Юмья, Старая Кня-Юмья, Верхний Кумор, Средний Кумор, Нижний Кумор, Филипповка, Новый Кумор, Вильмон, Куркино, Верхний Кузьмес, Балды-Кня, Красный Цветок, Иштуган, Студеный Ключ, Верхняя Юмья. Данный выл — древний центр рода Зумъя. Другие родовые центры образованы выходцами из этого выла. Самыми старыми селениями Кукморского Зумъя-выла считаются Старая Юмья и Ошторма-Юмья. Последний населенный пункт существовал уже в XV в. в составе Казанского ханства²⁶. Территория Кукморского района разделялась между двумя родовыми группами: Уча и Зумъя. По рассказам информаторов, представители рода Зумъя прибыли из-под г. Арска не менее 500 лет тому назад (ЭЭ УдНИИ—УдГУ-73). Лишь деревня Студеный Ключ основана выходцами из Увинского Зумъя-выла (из д. Булай) (ЭЭ УдНИИ—УдГУ-73).

Алнашский Зумъя-выл (18—24) располагался по р. Тойме, на границе с Елабужским районом ТАССР. В этот выл входили: Старая Юмья, Нижнее Котнырево, Дружки, Новотроицкое; сюда же примыкали деревни Енабердино и Монашево из соседнего Елабужского района ТАССР. Старая Юмья — самое старое селение Алнашского Зумъя-выла, основана переселенцами из Казанской губернии (Кукморский Зумъя-выл). Время основания неизвестно. Из Старой Юмьи отделились Нижнее Котнырево, Верхнее Котнырево, Енабердино (время неизвестно), Монашево (в конце XVII в.), Дружки (конец XIX в.). Деревни Ляли (25) и Юмьяшур (26) этого же района в данный выл не входили, они отделены друг от друга довольно большим расстоянием. В д. Ляли прибыли из Увинского Зумъя-выла, из Сияг-Зюмьи (ПОВГ—1889, ГАКО, ф. 170).

Увинский Зумъя-выл (27—39) включал деревни: Булай, Пунем, Родники, Сухая Видзя, Бинвирь, Лучег, Сяртчигурт, Каравай, Пытцам, Павлово, Каменное, Гай, Кылуд. Булай — самое старое селение этого выла. Другие деревни основаны выходцами из Булая в XVII—XIX вв. Увинский Зумъя-выл осно-

²⁶ Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства.— Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 287.

ван переселенцами из Казанской губернии ²⁷. В деревню Сяртчигурт переселились из Алнашского Зумья-выла — из д. Енабердино Елабужского уезда (ПОВГ—1889, ГАКО, ф. 170). Весьма интересно заметить, что несмотря на довольно большие расстояния, видимо, между тремя родственными вылами в течение продолжительного времени поддерживались какие-то связи. Так, если основатели Увинского Зумья-выла прибыли в д. Булай из Кукморского Зумья-выла, то позднее часть жителей из Булая вновь уехала на старую родину и основала деревню Студеный Ключ внутри Кукморского Зумья-выла. Есть случаи, когда из Алнашского Зумья-выла переселялись в Увинский (д. Сяртчигурт) и, наоборот, из Увинского — в Алнашский (д. Ляли).

Немалое количество представителей рода Зумья жило за пределами своих родовых центров в следующих селениях: Сюлонер-Юмья (40), Трык (41) Кизнерского района; Старый Сентег (43), Новый Сентег (44) Завьяловского района; Пазял-Зюмья (42) Можгинского района; Юмга-Омга (45), Юмга-Омгинский (46), Чибирь-Зюнья (47), Кейлуд-Зюнья (48) Селтинского района; Бадьярово (49) Шарканского района; Кушья (50) Игринского района; Балезино (51), Долгоево (52), Андрейшур (53), Еронпи (54), Куатьгурт (55), Нурузово (56), Исаково (57), Близ-Варыж (58), Омутница (59) Балезинского района; Шудзя (60), Коблагурт (61), Песколуд (62), Педоново (63), Тугбулатово (64) Глазовского района; Исаково (66), Кузьмино (65) Ярского района; Мурза (67), Чебаково (68), Тура (69) Красногорского района; Купченеево (70) Ермакеевского района БАССР; Старокальмярово (71), Нижнебалтачево (72), Верхнебалтачево (73), Бигинеево (74) Татышлинского района БАССР.

Удмурты Татышлинского района Башкирии, причисляющие себя к роду Зумья, переселились сюда в XVI в. из-под г. Арска после падения Казанского ханства. Татышлинский и кукморский вместе с шошминским, бавлинским и красноуфимским диалектами составляют периферийно-южное наречие, или так называемые диалекты арского типа.

О времени появления рода Зумья в чепецком бассейне (Игринский, Балезинский, Глазовский, Красногорский, Ярский районы) пока мало что известно. Судя по могильнику Зумья-шай (д. Кушья, Игринский район), функционировавшему в XIII—XV вв. ²⁸, данная родовая группа появилась на севере

²⁷ Петропавловский. Этнографическая экспедиция в д. Пунем.— Труды научного общества по изучению Вотского края, № 2, Ижевск, 1926, с. 96.

²⁸ Живаева Г. Т. История северных удмуртов..., с. 42.

Удмуртии где-то в пределах указанного времени. Отступление приказанских (арских) удмуртов на северо-восток может быть связано с бурными событиями в Поволжье в связи с появлением там татаро-монгол и с разгромом ими Волжской Булгарии.

МОЖГА-ВЫЛ располагался по рр. Вала и Кильмезь. Следы рода Можга обнаруживаются в 50 населенных пунктах республики и за ее пределами. Можно выделить 3 более или менее крупных родовых центра — в Можгинском, Вавожском, Сюмсинском районах УАССР.

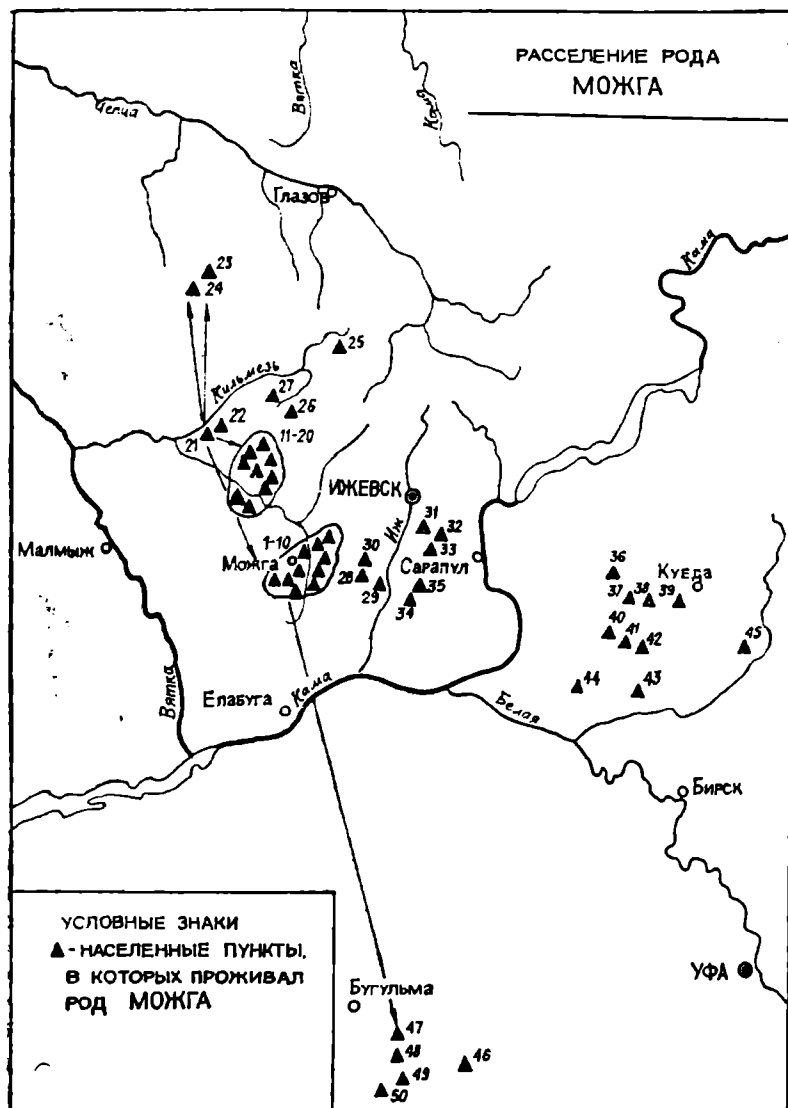
Можгинский Можга-выл (1—10) располагался в верховьях р. Вала. К этому вылу относились следующие селения: село Можга, Верхние Кватчи, Нижние Кватчи, Валадор-Можга, Чебершур, Удмуртский Сюгаил, Нижний Вишур, Верхний Вишур, Чумойтло, Кинягил. По преданиям, у рода Можга был легендарный предводитель Мардан-батыр, который погиб в бою с марийцами. В честь него каждые три года на горе возле д. Нижнее Мельниково совершали крупное моление, куда собирались жители 24 деревень, принадлежащие роду Можга²⁹. Мы же пока выявили лишь 10 населенных пунктов из 24. Коренной, родовой деревней считается с. Можга (в ранних переписях Басурман-Можга). Время основания села неизвестно, только известно, что в этот выл можгинцы прибыли из с. Сюмси очень давно. Все дочерние поселения возникали в XVII—XVIII вв., а д. Нижние Кватчи — в самом конце XVI в. (ПОВГ—1889).

Вавожский Можга-выл (11—20) располагался в среднем течении р. Вала и по ее притокам. Сюда входили: Вавож, Косая-Можга, Ягул-Можга, Жуе-Можга, Большая Можга, Малая Можга, Лыстем, Аблыстем, Силкино. Вавож и Большая Можга — наиболее старинные селения, время возникновения их неизвестно. Предположительно, этот центр также основан выходцами из сюмсинского Можга-выла.

Сюмсинский Можга-выл располагался недалеко от устья реки Валы. В состав данного выла входили: Сюмси (21), Малые Сюмси (22) Сюмсинского района. Сюмси считается коренной деревней, возможно, она является одним из древних селений рода Можга. Время ее возникновения неизвестно. Отсюда же отделились Удмуртский Сурвай (23) и Большой Кочиж (24) Унинского района Кировской области (ГАКО, ф. 170).

Кроме трех выше перечисленных вылов, часть можгинцев проживала в следующих населенных пунктах: Лыстем (25) Селтинского района; Сям-Можга (26), Кильцем (27) Увинско-

²⁹ Ватка но Калмез..., с. 127—128.

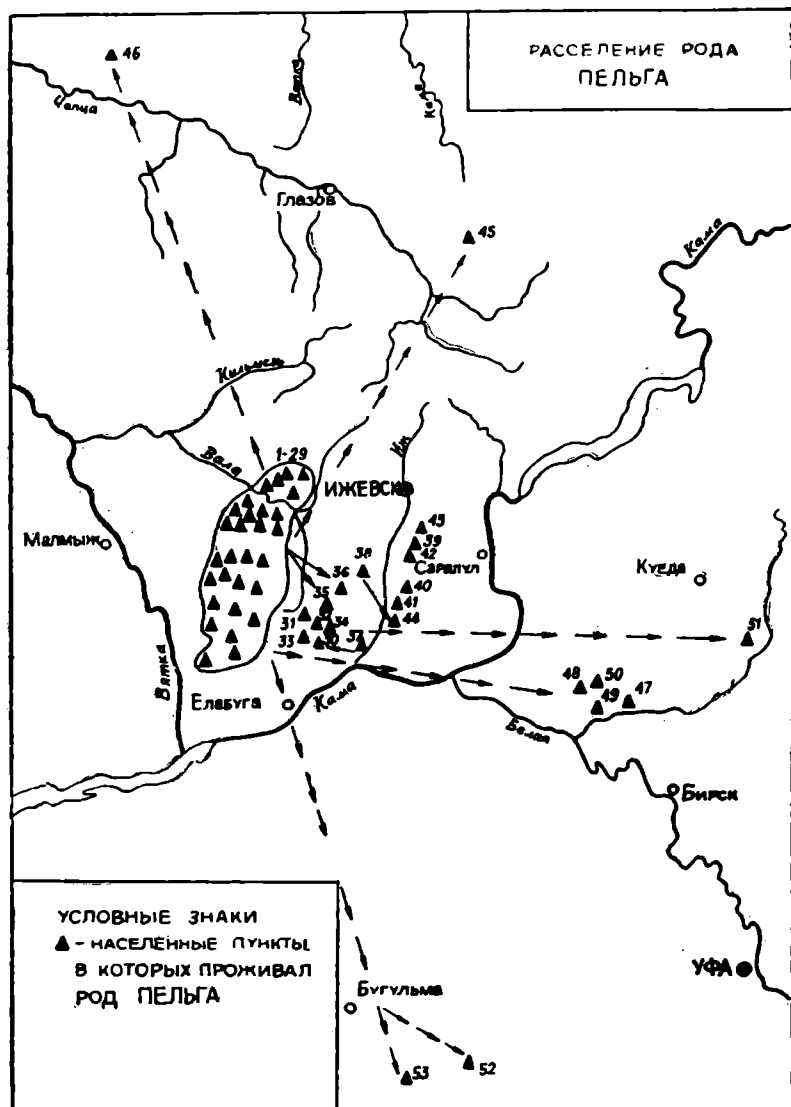
го района; Нижние Юри (28), Старая Монья (29), Миндерово (30), Пуру-Можга (31), Егорово (32), Сундуково (33) Малопургинского района; Колошур (34), Дубровск (35) Киясовского района; Старая Кирга (36), Большой Гондыр (37), Позырес

(38), Кипчак (39) Куединского района Пермской области; Можга (40), Барабановка (41), Четырман (42) Янаульского района БАССР; Давлеканово (43) Бураевского района БАССР; Качкентурай (44) Калтасинского района БАССР; Кызыл-Яр (45) Татышлинского района БАССР; Купченеево (46) Ермаковского района БАССР; Покрово-Урустамак (47), Удмурт-Ташлы (48), Потапово-Тумбарла (49), Николашкино (50) Бавлинского района ТАССР.

Некоторые исследователи склонны считать можгинцев южным родом и относить их к племенному объединению Калмез (ГАКО, ф. 170). Действительно, как показывает наш материал, селения рода Можга полностью вмещаются в территорию племени Калмез. Никаких следов рода Можга не обнаружено в чепецком бассейне — на территории племени Ватка.

ПЕЛЬГА ВЫЛ (1—29) занимал очень большую территорию — восточную часть современного Кизнерского, западную часть Граховского, Можгинского, Увинского и всю южную часть Вавожского районов. В состав этого выла входили: Арвазь-Пельга, Васильево, Нижний Ишек, Верхний Бемыж, Старый Кармыж, Макан-Пельга, Поляково, Удмуртский Сарамак, Кибек-Пельга Кизнерского района; Селянур, Лолошур-Возжи Граховского района; Малый Кармыж, Давкино, Нынек Можгинского района; Тыловыл-Пельга, Волипельга, Кочезгурт, Берлуд, Старое Жуе, Буд-Уча, Новотроицкий, Мырк-Ошмес, Изюил, Уйвай-Пельга, Удмуртская Изюпельга Вавожского района; Большой Жужгес, Малый Жужгес, Лудзил, Нижнее Косоево Увинского района.

Пельга-выл — один из крупных родовых центров южной части Удмуртии. О времени возникновения большинства старинных сел этого выла ничего неизвестно. Уже в XVI в. появляются починки за пределами старого родового гнезда. Нередко 400—500-летняя история удмуртов сохраняется в народной памяти. Предания рода, *выжы-кыл* для бесписьменного народа являются основным источником познания своей истории и передачи от поколения к поколению. Среди удмуртов сохранилось немало преданий о переселениях с берегов р. Вятки, из-под Казани, Хлынова, с левобережья р. Камы. Но у рода Пельга таких преданий нам неизвестно. Кажется возможным объяснить этот факт только тем, что род Пельга на данной территории жил с давних времен, не исключено, что он одним из первых стал заселять юго-западную часть Удмуртии. Так, д. Сарамак за р. Вяткой упоминается уже в XV в., как населенный пункт се-

веро-восточной части Казанского ханства³⁰. Время не сохранило преданий о более старой родине. Имеется несколько старинных сел рода Пельга за пределами собственного родового центра, время возникновения которых также неизвестно: Варзи-Пельга (37) Агрызского района ТАССР, Итешев (38) и Кечево (39) Малопургинского района, создавшие вокруг себя небольшие вылы. Из Кечево отделились Турово (40), Валион (41), Нижнее Кечево (42), Верхнее Кечево (43); из Итешево (по переписи 1710 г. Судасмесь-Пельга) отделилась Карамас-Пельга (44) Киясовского района; из Варзи-Пельги — Старый Утчан (30) (по переписи 1710 г. Варзи Уча(н)-Пельга) Алнашского района, а из последнего вышли Новый Утчан (31), Средний Утчан (32), Мырк Ошмес (33), Серп (34). Родовые группы Пельга в деревнях Удмуртский Тоймобаш (35) и Верхние Алнаши (36) прибыли из Волипельги Вавожского района. Волипельга, как считают старожилы из Пельга-выла, является самым старинным, коренным селением для всех пельгинцев.

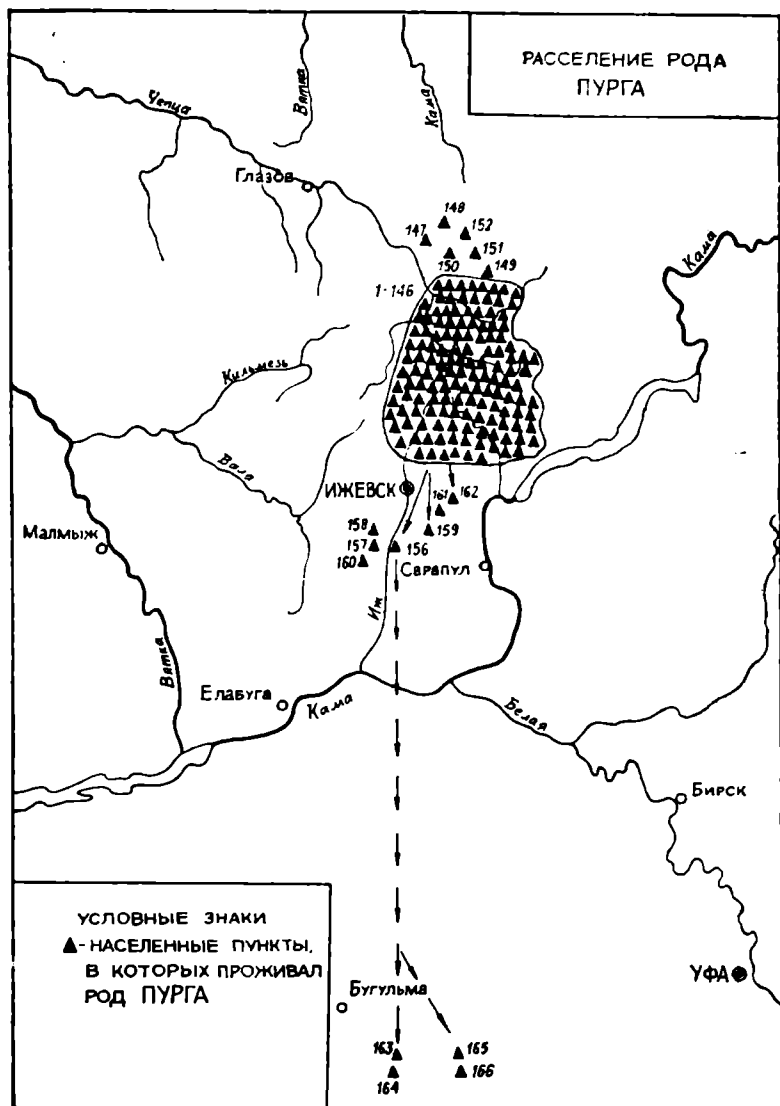
На севере нам пока известны только две деревни, жители которых относят себя к воршуду Пельга: Юски (45) Кезского района УАССР и Верхнее Мочагино (46) Слободского района Кировской области. По преданиям, род Пельга в д. Верхнее Мочагино прибыл с юга, с берегов Камы (ЭЭ УдНИИ-71). В течение XVI—XVIII вв. часть пельгинцев переселилась в закамские районы. Они обнаружены в следующих селениях: Бикзян (47) Бураевского района БАССР; Кургак (48), Большекачаково (49), Тынбахтино (50) Калтасинского района БАССР; Верхнебалтачево (51) Татышлинского района БАССР; Купченеево (52) Ермакеевского района БАССР; Покрово-Урустамак (53) Бавлинского района ТАССР.

ПУРГА-ВЫЛ (1—146). Пурга (в исторических документах Порга) — самая крупная воршудно-родовая группа удмуртов. Ее следы выявлены в 164 населенных пунктах Удмуртской АССР и за ее пределами. Основная территория проживания рода Пурга охватывала северо-восточные районы Удмуртии — Игринский, Дебесский, Шарканский, Якшур-Бодьинский. Пургинцы, наряду с родовыми группами Эгра и Вортча, как нам известно, одними из первых освоили бассейн р. Лозы, левого притока р. Чепцы. По данным переписи 1615 г., в этих районах имелись деревни, принадлежащие только этим родовым группам. Наиболее старинными селениями Пурга-выла являются,

³⁰ Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства..., с. 288.

по нашим данным, деревни Большая Пурга и Тупал Пурга Игринского района. В XVI—XVIII вв. часть пургинцев спустилась в южные районы республики — Завьяловский, Малопургинский, а также в Бавлинский район ТАССР. Нужно заметить, что на более древних территориях проживания удмуртов — по Вятке, Кильмези, приказанских районах Татарии — нигде не обнаружены следы данного рода, более того, их нет и в западных районах Удмуртии. Данные наблюдения наводят на мысль об автохтонности рода Пурга на территории северо-восточных прицепецких районов Удмуртии. В состав Пурга-выла входили следующие населенные пункты: Большая Пурга, Тупал Пурга, Лудошур, Сеп, Михайловка, Чумой, Мужбер, Верхний Чумой, Верхние Шорни, Нижние Шорни, Сосновские Шорни, Сепож, Итыдур, Беляево, Костошур, Башмаково, Беньшур, Ивановской, Палым, Шишур, Паськыткож, Вукобер, Сюрсвайчик, Люк, Зура, Каргурезь, Квалуд, Удмурт Кожей, Пежвай, Большая Кожей, Верх-Палым, Вильгурт, Квардавозь, Малый Ирым, Турел, Пургинский, Оник-Ирым (Игринский район); Уйвай, Четкер, Тыловай, Шудзялуд, Кедзя, Большая Кизня, Малая Кизня, Уйвай-Медла, Дзилья, Такагурт, Марково, Кочковыр, Легомывыр, Лобошур, Седбам, Старый Кыч, Новый Кыч, Пислеглуд, Старый Зяногурт, Малый Зяногурт, Дебесс, Беньшур, Ягвай, Удмуртский Лем (Дебесский район); Нырошур, Табанево, Мувыр, Липовка, Кучик, Старый Пашур, Новый Пашур, Ляльшур, Шляпино, Бадьярово, Суроново, Нижнее Суроново, Верхнее Корякино, Кулак-Кучес, Кейсегурт. Сюрсвай, Сильшур, Богданово, Бутолино, Бередь, Верхний Казесс, Нижний Казесс, Шегъянский, Тыловыл, Петульки, Заречный Вишур, Калиновка, Кушто-Ключ, Кыква, Пислегово, Верхняя Сюрзя, Кион-Липето, Старый Байбек, Березино, Сушково, Мукабан, Шаркан, Титово, Пужьегурт, Малый Билиб, Заречный Билиб, Верхний Кивар, Порозово, Карсашур, Гондырвай, Луговая, Липовка, Суроны, Байкей, Якунино, Ягвайдур, Вишур-Пурга (Шарканский район); Сундошур, Верхний Чур, Кургальск, Сюрвай, Гужношур, Порва, Нарезка, Богородское, Утор, Лысово, Прыч, Нижний Прыч, Чекерovo, Чекерovo (починок), Ишем, Соловыи, Бегеш, Луна, Альман, Якшур, Кесвай, Бабашур, Кенеровай, Выжоил, Кыква, Сямпи, Кионгол, Мукши, Пурги, Сильшур-Вож, Урсо (Якшур-Бодьинский район). Только в населенных пунктах Шарканского и Якшур-Бодьинского районов, по предварительным подсчетам, проживало более 12000 человек³¹, относящихся

³¹ Данные собраны из работы Бушмакина С. К. «Фонетические и морфологические особенности средневожостных говоров удмуртского языка», КД, Москва — Ижевск, 1971.

себя к роду Пурга. В этих двух районах они жили в смешении с родовыми группами Вортча, Эгра, Кушъя, Пупъя, Бодъя, Боня. С севера к Пурга-вылу примыкали: Пурга-Бусо (152), Юски (151), Стеньгурт (150), Пужмесь (149) (Кезский район);

Петухово (147), Юлдырь (148) (Балезинский район). Следы рода Пурга нам удалось также выявить в Малопургинском районе. В этот выл можно отнести Малую Пургу (156), Орлово (Кваскашур-Пурга) (157), Курегово (Агрыз-Пурга) (158), Чужомон (159), Баграш-Бигру (160). Данное родовое гнездо образовано в XVI—XVII вв. выходцами из с. Большая Пурга Игринского района.

Некоторое количество пургинцев живет в деревнях Ожмос-Пурга (161), Коньки (162) Завьяловского района и Покрово-Урустамак (163), Николашкино (164) Бавлинского района ТАССР; Купченеево (165), Казбай (166) Ермакеевского района БАССР.

ШУДЬЯ-ВЫЛ. Шудья — вторая по величине воршудно-родовая группа удмуртов. Ее следы выявлены в 73 населенных пунктах. Можно выделить несколько родовых гнезд.

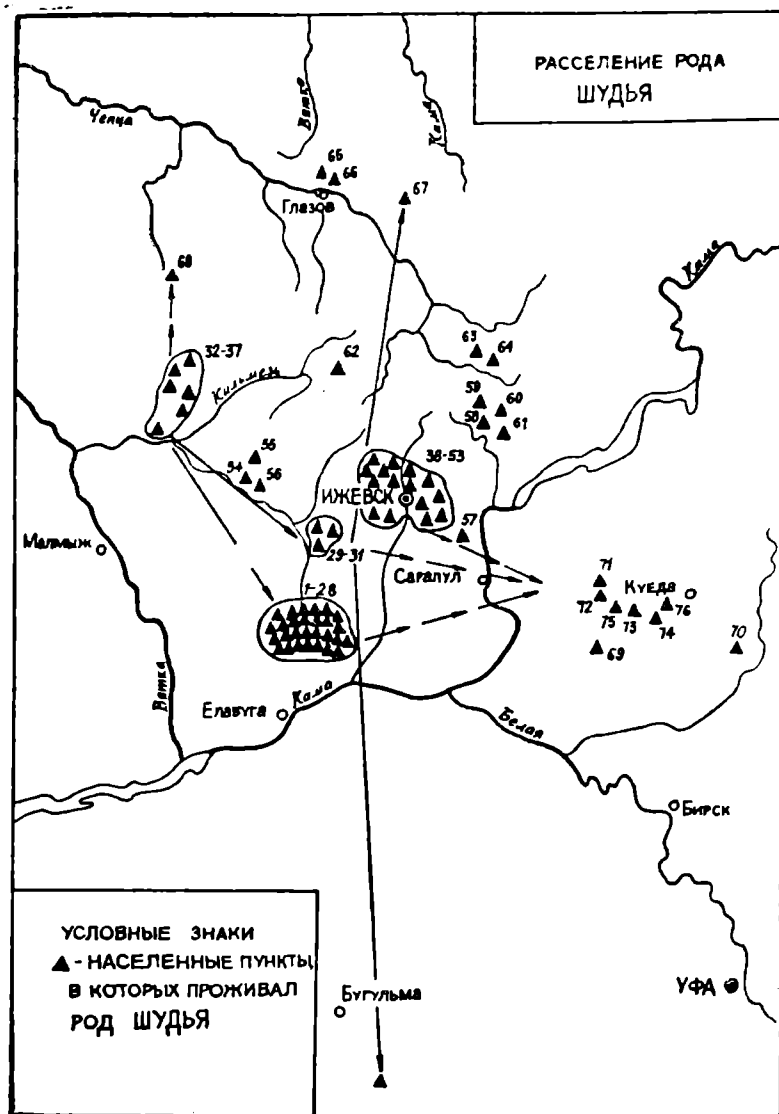
Алнашский Шудья-выл (1—28) располагался на юге Удмуртии, в Алнашском районе по рр. Тойме (правый приток р. Камы) и Варзи (правый приток р. Иж). Сюда входили следующие населенные пункты: Алнаши, Старая Шудья, Выль Шудья, Шайтаново, Верхние Алнаши, Дятлево, Елкибаево, Удмуртское Кизеково, Мукшур, Вишур, Ива, Пирогово, Ромашкино, Кучеряново, Абышево, Жаггурт, Кузюмово, Чемошур-Куюк, Луч, Бокай, Арляново, Удмуртское Гондырево, Кадиково, Казаково, Верхнее Асаново, Нижнее Асаново, Азаматово, Варзи-Шудья.

Можгинский Шудья-выл (29—31) располагался в бывшем Пычасском районе. К этому вылу относились Лудзи-Шудзи, Петухово, Удмуртский Пычас.

Кильмезский Шудья-выл (32—37) располагался в Сюмсинском районе УАССР и в пограничном с ним Кильмезском районе Кировской области, в нижнем течении р. Кильмезь, левого притока Вятки. Сюда входили: Зон, Гозек, Старый Кузлук, Тылыгруд, Гура.

Завьяловский Шудья-выл (38—53) находился в Завьяловском районе, вокруг г. Ижевска по р. Иж и ее притокам. В данный выл входили следующие населенные пункты: Завьялово, Башур, Калмыки, Люлли, Нижний Вожой, Новая Казмаска, Беты, Пычанка, Ягул, Удмуртская Карлудка. Шаберды, Якшур, Люкшудья, Шудзя, Семеново, Чемошур.

Некоторые исследователи склонны еще выделить Понинский Шудья-выл на севере республики, в бывшем Глазовском уезде (ГАКО, ф. 170). Но он пока нами не обследован. О времени возникновения всех вышеперечисленных вылов как и самого

этнонима Чудья (Шудья), говорить пока трудно. Большинство ойконимов, отражающих данное воршудное имя, было уже известно по материалам самых ранних переписей. Так, только в южных и центральных районах на современной территории

Удмуртии по переписи 1710 г. имелось 22 ойконима с воршудным именем Чудья (Завьяловский куст) или Шудья (по другим районам). Это были уже довольно крупные по масштабам того времени селения. Согласно преданию, записанному в конце XIX в. в д. Гозек (Можгинский Шудья-выл), ее жители прибыли из д. Старый Гозек Рыбноватажской волости Малмыжского уезда не менее 500 лет тому назад. Ту же самую волюсть указали в дд. Александрово (Петухово), Вытчан-Шудзя (ПОВГ—1889). Деревня Гозек существует и в настоящее время в Кильмезском районе Кировской области. Таким образом, ойконим Гозек принесен со старой родины, и интересно заметить, что одно из старых селений Алнашского Шудья-выла также носит имя Кизег. Гозек \approx Кизег — древнеудмуртское личное имя общепермского происхождения.

О времени возникновения Алнашского Шудья-выла почти ничего неизвестно. Г. Н. Потаниным записано предание о том, как Шудья-батыр воевал с Калмез-батыром (Калмез-батыр — предводитель племени Калмез) за место поселения. Когда Шудья-батыр вел своих сородичей на новое место поселения, ему навстречу вышел Калмез-батыр со своими соплеменниками и преградил дорогу. Тогда предводитель рода Шудья, человек огромной силы, вырвал две березы, свил их веревкой и бросил на калмезов. Увидев недюжинную силу предводителя рода, Калмез-батыр сказал: «Нет, нам не бороться с этим богатырем», — и повернул свою дружину назад. По словам исследователя, алнашские удмурты калмезами называют удмуртов, живущих к северу от Можги, по р. Кильмезь (удм. Калмез) ³². Из предания можно сделать несколько выводов: в Алнашский Шудья-выл удмурты пришли примерно из тех же мест, откуда и их можгинские сородичи — с берегов Вятки. Главным путем передвижения в те времена были реки, в данном случае Кильмезь и Вала, в бассейне которых располагались селения родов из племени Калмез. Род Шудья не относился к этому племенному объединению, если их предводитель не хотел пропустить на свою территорию и воевал с ним. Нет и намеков о принадлежности к Ватка (северные удмурты). Мы считаем, что род Шудья (Чудья) не входил ни в один из этих племенных объединений, а являлся самостоятельной родоплеменной группой неместного происхождения (ср. «Чудь» русских летописей), вошедшей позднее в состав формирования удмуртов.

К самым старинным селениям Алнашского Шудья-выла относятся Старая Шудья, Ромашкино, Удмуртское Кизеково,

³² Потанин Г. Н. У вотяков Елабужского уезда..., с. 194.

Казаково. Из Старой Шудьи отделились Шайтаново, Виль Шудья, Варзи-Шудья; из Казаково — Кадиково, Удмуртское Гондырево, Азаматово, Кузюмово, Чемошур-Куок; из Удмуртского Кизеково — Пирогово, Арляново, Жаггурт; из Ромашкино — Кучеряново, Елкибаево, Алнаши; из Елкибаево — Абышево, а из с. Алнаши — Верхние Алнаши, Дятлево (ПОВГ—1889).

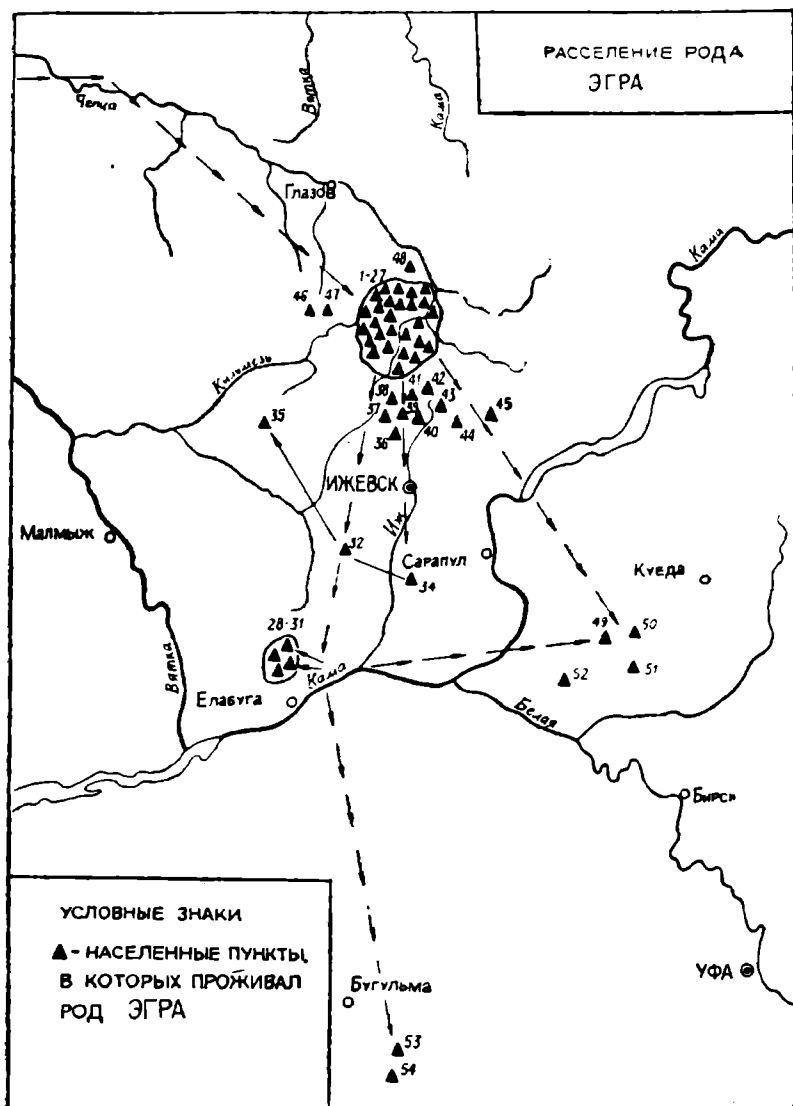
О Завьяловском Шудья-выле также известно очень мало. Одними из старинных селений являются Шабердино (Вуко-Чудья), Подборное (Егад-Чудья), Завьялово (Дэри-Чудья). Согласно преданиям, село Завьялово старше г. Ижевска лет на 100 (ПОВГ-1892). Отсюда в XVII—XVIII вв. отделились деревни Башур, Люлли, Нижний Вожой, Новая Казмаска, Старая Казмаска, Беты, Пычанки. Некоторые деревни Завьяловского Шудья-выла остались в черте г. Ижевска, например, Подборное, Старая Карлудка, Удмуртская Карлудка.

Кроме этого, следы родовой группы Шудья нами выявлены в следующих населенных пунктах: Чужьялово (54), Лыстем (55), Чудзялуд (56) Вавожского района; Банное (57) Воткинского района; Заречный Билиб (58), Большой Билиб (59), Бадярвыр (60), Пустополье (61) Шарканского района; Старые Зятцы (62) Якшур-Бодьинского района; Нижний Шудзялуд (63), Верхний Шудзялуд (64) Дебесского района; Шудзя (64), Шудзинский (66) Глазовского района; Шахгарово (67) Базинского района; Уни (68) Унинского района Кировской области; Шудек (69) Янаульского района БАССР; Старокальмьярово (70) Татышлинского района БАССР; Гожан (71), Удмурт-Шагирт (72), Большой Гондыр (73), Позырес (74), Барабан (75), Кипчак (76) Куединского района Пермской области.

ЭГРА-ВЫЛ. Следы рода Эгра обнаружены в 55 населенных пунктах. Существуют два гнезда — в Игринском (на севере) и Граховском (на юге) районах.

В состав *Игринского Эгра-выла* (1—27) входили: Игра (Вужгурт), Чуралуд, Годекшур, Утем, Бачкеево, Сундошур, Шербет, Кузьмовыр, Байвал, Беризевыр, Кабачигурт, Чимошур, Бедколуд, Салья, Менил, Шорвуко, Салягурт, Юлайгурт, Лучик, Близ-Сали, Сундыр, Гереево, Вылилуд, Старое Шадбегово, Среднее Шадбегово, Зянтемошур, Идзи.

В состав *Граховского Эгра-выла* (28—31) входили: Старая Игра (удм. Вужгурт, Вуж Эгра), Верхняя Игра (удм. Пуклэ-Эгра), Байтуганово (Муркемыр-Эгра), Мишкино (Вильгурт-Эгра, Виль Эгра). Родовой деревней считают Старую Игру — Вужгурт. Один раз в три года в этой деревне проводилось общеродовое моление — *мерен-вось*.

Игринский Эгра-выл древнее граховского. По рассказам людей старшего поколения, жители граховского Эгра-выла пришли с севера в очень давние времена. Вначале поселились на месте нынешней марийской деревни Карманово Елабужского района ТАССР, а оттуда переселились в дд. Старая Игра и Байтуга-

ново. Из Старой Игры отделились Верхняя Игра и Мишкино. По переписи 1710 г., данные селения уже находились на современном месте обитания. Старая Игра в то время была одним из крупных селений во всей сотне Токбулата Рысова — 28 дворов, по количеству дворов уступала лишь деревне Верхняя Шудья (31 двор), а по количеству населения превосходила ее³³.

По мнению некоторых исследователей, род Эгра (Егра) первоначально проживал по р. Вятке, оттуда ушел в Карино (совр. Слободской р-н Кировской обл.), из Карино переселился в Салю (совр. Игринский район УАССР), затем в с. Игру. Оттуда часть выехала в некоторые южные и центральные районы республики и в Башкирию. Время выселения из Карино 350—400 лет, с Вятки — 400—500 лет (ГАКО, ф. 170).

Немалая часть представителей рода Эгра проживала за пределами родовых гнезд в следующих селениях: Алганча-Игра (32), Аксакшур (34) Малопургинского района; Урдогурт (35) Увинского района; Силодзил, Пислеглуд, Порва, Чекерovo, (починок), Якшур, Выжоил, Кыква, Кутоншур (36—44) Якшур-Бодьинского района; Заречный Вишур (45) Шарканского района; Большая Игра (46), Малая Игра (47) Красногорского района; Ушур (48) Балезинского района; Андреевка (49), Няняды (50), Старый Варяш (51) Янаульского района БАССР; Верхний Тыхтем (52) Калтасинского района БАССР; Покрово-Урустамак (53), Николашкино (54) Бавлинского района ТАССР. В 10-е годы XX в. часть из Игринского Эгра-выла переселилась в Сибирь — д. Камышовка Бирилюсского района Красноярского края (ЭЭ УдНИИ—УдГУ—74).

Как мы заметили, вся территория Игринского района как бы была разделена между тремя крупнейшими родовыми группами удмуртов — Эгра, Вортча, Пурга. Род Эгра занимал территорию по реке Лозе, Пурга — по реке Ите, Вортча — по реке Нязь. По сообщениям информаторов, каждая родовая группа вплоть до коллективизации сохраняла некоторую изолированность, особенно это касалось в исполнении определенных религиозных обрядов. Были общеродовые праздники: в Пурга-выле отмечали Покров, в Эгра-выле — Иванов день, в Вортча-выле — Крещение (йб вылэ султон). В эти дни каждый выл приглашал родственников из других вылов. Браки заключались между этими родовыми группами. По сообщениям информаторов, в старину браки внутри рода запрещались. Были опреде-

³³ Гришкина М. В. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке... с. 130.

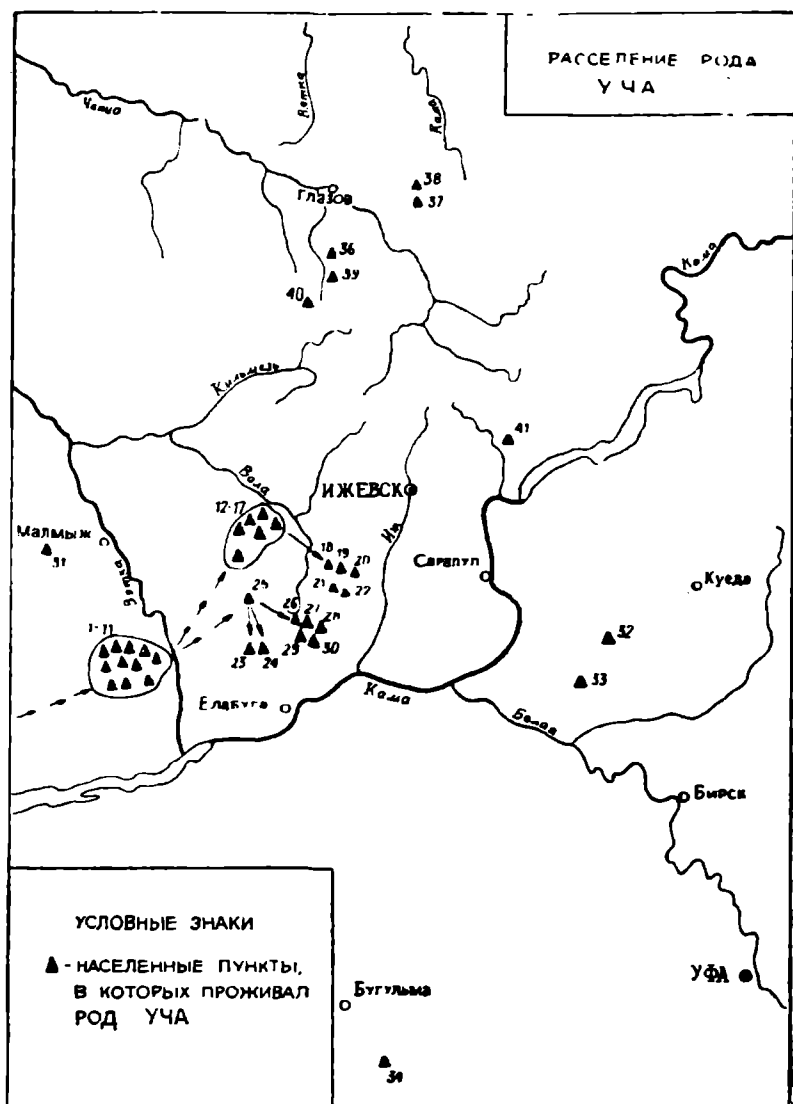
ленные различия в языке, в материальной и духовной культуре. Среди старшего поколения до сих пор четко держится представление о трех родовых гнездах.

ОМГА-ВЫЛ. Следы рода Омга выявлены в 24 населенных пунктах в южной части Удмуртской АССР и Кировской области. Древний родовой центр — Омга-выл располагался на нижнем течении р. Вятки и ее притоках на территории Вятско-Полянского, Малмыжского районов Кировской области и Кизнерского района УАССР. В этот выл входили: Дым-Дым-Омга, Казан-Омга, Виноградово (Вятско-Полянский р-н); Курлово, Большая Шабанка (Малмыжский район); Старая Омга, Чуш-таськем, Верхний Муркозь, Муркозь-Омга, Бертло, Безменшур, Ямайкино (Кизнерский район). Жители большинства перечисленных селений Старую Омгу считают своей родовой деревней. Время ее возникновения неизвестно.

Другой Омга-выл располагался по р. Каме и ее притоку Ижу на территории Алнашского района Удмуртской АССР и соседнего Агрызского района Татарской АССР. Сюда входили Кузебаево, Дятлево, Средняя Варзи-Омга, Муважи, Верхнее Кузебаево, Черный Ключ, Чумали, Варзибаш, Сарсак-Омга. Прикамский родовой центр основан выходцами из привятского Омга-выла. Деревни Варзибаш, Кузебаево, Муважи, Средняя Варзи-Омга основаны выходцами из Дым-Дым-Омги (Камдор-Омга) в начале XVI в., в д. Черный Ключ прибыли из Виноградово (Пуныгурт) Вятско-Полянского района, а часть — из соседнего Кузебаево. Деревня Сарсак-Омга Агрызского района ТАССР основана позднее других деревень — лишь в конце XVII в. выходцами из той же Дым-Дым-Омги. Деревня Чумали (Верхняя Усо-Омга) основана переселенцами из д. Варзибаш в начале XVII в. (ГАКО, ф. 170; ПОВГ—1889).

УЧА-ВЫЛ. Нам известен 41 населенный пункт, где жили члены рода Уча. Выделялись 2 крупных родовых центра — в Кукморском районе Татарской АССР и Можгинском районе Удмуртской АССР.

Кукморский Уча-выл (1—11): Старая Уча (Вужгурт), Старый Канисар, Новый Канисар, Важашур, Починок Сутер, Верхняя Шунь, Люгдон, Нижняя Русь. Сюда же примыкали соседние деревни Мамадышского района ТАССР: Новая Уча, Нижняя Уча, Пойкино. По ландратской переписи 1716 года, на этой территории известно 11 названий населенных пунктов с этнонимом Уча. Есть упоминания, что их предки в эти места прибыли из-под Казани (ЭЭ УдНИИ—УдГУ-73). Действительно, еще в

XV в. вокруг столицы Казанского ханства имелись деревни Уча, в частности, по Ногайской дороге, на реке Ирге (приток р. Ошняк) и на реке Яче (ныне Старое Якшино)³⁴.

Можгинский Уча-выл (12—17): Большая Уча, Сундо-Уча, Кельвай-Уча, Ильдас-Уча, Водзя, Чемошур-Уча. Точные границы пока не выявлены. Находился между Дёкъя, Жикъя, Пельга, Можга вылами. Самым старым селением считают Большую Учу. От этого села отделились деревни Бобья-Уча (18), Цыганово (19), Ильинское (20) Малопургинского района. Из Ильинского вышли жители деревень Гужношур (21) и Малая Уча (22). Из Большой Учи же отделились Нижние Адам-Учи (23), Средние Адам-Учи (24) Граховского района в середине XVII в. (ПОВГ—1889; ГАКО, ф. 170).

В Старый Утчан (26) учинцы переселились из д. Саркуз (25) Кизнерского района, а из Старого Утчана — в дд. Новый Утчан (27), Верхний Утчан (28), Мырк Ошмес (29), Серп (30) Алнашского района (ПОВГ—1889). На Шошме, правом притоке р. Вятки, еще в начале XVIII в. имелось несколько ойконимов, отражающих этноним Уча. В д. Сизнер (31) Балтасинского района ТАССР часть жителей относит себя к этому роду. В XVI—XVIII вв. часть учинцев переселилась в дд. Каймашабаш (32) Янаульского и Качкинтаурай (33) Калтасинского районов БАССР, в д. Потапово-Тумбарла (34) Бавлинского района ТАССР.

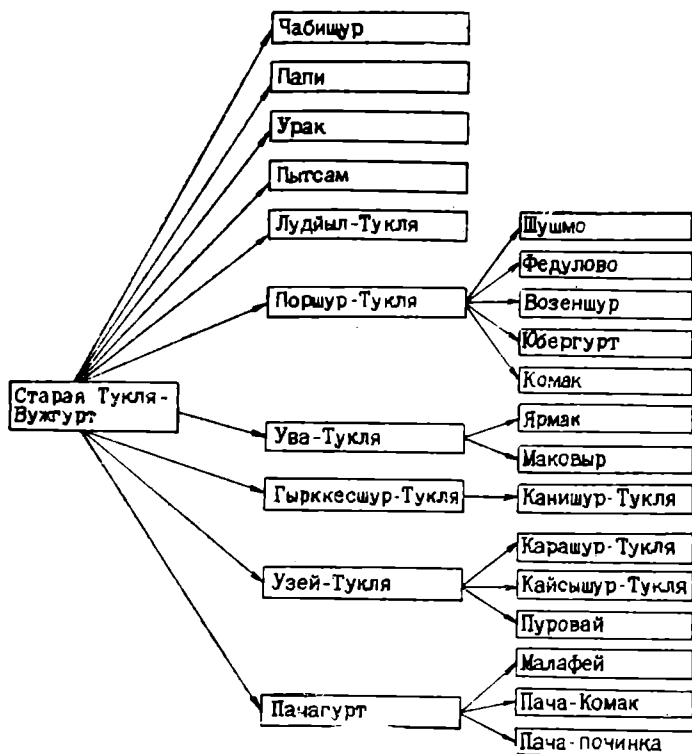
Данная родовая группа проживала и на севере Удмуртии — в Глазовском: д. Пусошур (36); Балезинском: дд. Коршуново (37), Коротаево (38); Красногорском: д. Ежово (39); Юкаменском: д. Большой Вениж (40) районах. Появление их в чепецком бассейне относится, по всей вероятности, к отдаленным от нас временам. Городище Учка-кар (городище рода Учка ≈ Уча) возле д. Кушман Ярского района датируется IX—XII вв.

ТУКЛЯ-ВЫЛ располагался по р. Кильмези и ее притокам Вале и Уве. Это относительно компактно расселенная родовая группа удмуртов, входившая в состав племенного объединения Калмез. Есть упоминания, что род Тукля на территорию Увинского района спустился с севера Удмуртии³⁵. Весьма интересным и показательным, на наш взгляд, является схема, показывающая ответвление туклинцев из родовой деревни — Вужгурта, которую составил С. Ласточкин³⁶:

³⁴ Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства..., с. 277, 289.

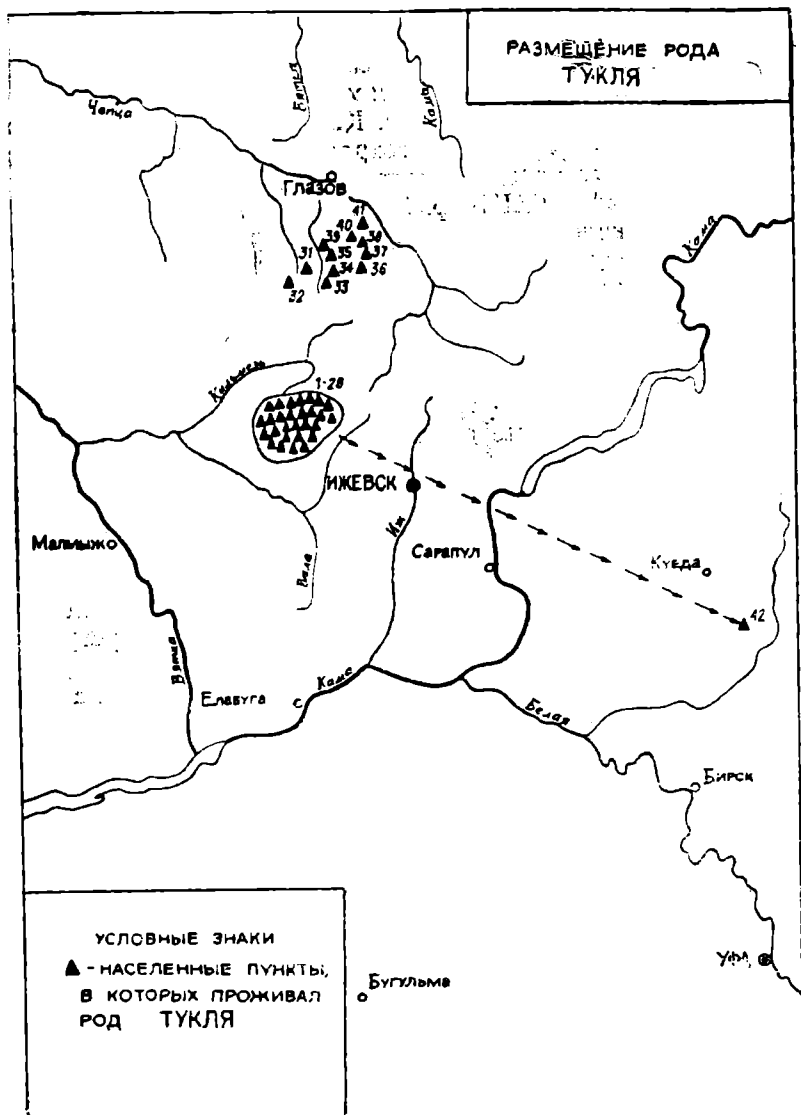
³⁵ Худяков М. Г. Вотские родовые деления..., с. 11.

³⁶ Ласточкин С. Е. Вотяки Туклинского рода. — Труды по изучению Вотского края, вып. 2. Ижевск, 1926, с. 70—76.

Немалая часть туклинцев живет на севере республики, на стыке Глазовского (дд. Озегвай, Пеганово, Отогурт, Гондырево, Тяпык, Тек, Лумпашур, Сыга), Бalezинского (дд. Ягошур, Артемьево), Красногорского (дд. Удмуртский Караул, Ивановцы, Убытьдур) районов по рекам Убыть и Сепыч, левым притокам р. Чепцы. В этом кусте записаны предания о столкновениях Ватки с Калмезом.

Судя по преданиям, в окрестностях села Парзи Глазовского уезда жили удмурты из племени Калмез, пришедшие сюда из-за реки Кильмезь. В те времена там были большие сосновые леса. Главным занятием калмезов было пчеловодство и некоторые виды ремесел. Долго и спокойно жили калмезы. Но вот двинулось к ним с реки Вятки племя Ватка, вытесняя на своем пути всех калмезов. Один из племени Ватка добрался и до них. Начали они спорить, кому здесь оставаться жить. Калмезы соглашались принять Ватку к себе для совместной жизни, но тот не согласился. Ватка настаивал: лучше жить здесь одному пле-

мени. Вскоре все калмезы ушли в сторону реки Иж, откуда пришли и до сих пор жили там их сородичи — калмезы. Ватка остались на новом месте. Места поселений древних калмезов почитаются глазовскими удмуртами и поныне³⁷.

Родовой состав удмуртов левобережья Чепцы показывает, что не все калмезы ушли на Кильмезь, часть их осталась и вошла в состав северных удмуртов. Как мы уже отметили, остатки родовой группы Тукля там сохранились до сих пор. Отдельные черты в языке находят аналогии в прикильмезских говорах удмуртского языка (ГАКО, ф. 170). Следует заметить, что только слободско-унинские и удмурты левобережья Чепцы (глазовско-красногорские) до наших дней сохранили память о подразделении удмуртов на Калмезов и Ватка. В других районах почти или же полностью уже позабыты даже сами эти этнонимы.

По археологическим данным, в левобережье Чепцы имеются памятники типа Кыпкинского могильника и городища Съёлтакар, имеющие некоторые аналогии с памятниками южной Удмуртии³⁸. Остатки родовых групп Съёлта и Кёпка зафиксированы в нескольких селениях Селтинского и Сюмсинского районов (бассейн р. Кильмези). В топонимии их следы прослеживаются еще шире — в нижнем течении рек Вятки и Камы.

Вопрос, когда и откуда пришли калмезы на Чепцу, требует дальнейшего исследования. Как считает археолог В. Семенов, «переселение происходило еще в те времена, когда устройство укрепленных поселений было жизненной необходимостью, т. е. в конце I тыс. н. э., поскольку после X века городища на Чепце не возводились»³⁹.

За пределами республики следы рода Тукля обнаружены лишь в одном населенном пункте — в д. Арибашево Татышлинского района Башкирии, куда они переселились не ранее XVI века.

ВАМЪЯ-ВЫЛ располагался в среднем течении реки Валы на территории Увинского района в соседстве или в смешении с родовыми группами Тукля, Зумъя, Пельга, Жикъя. В этот выл входили: Старая Вамья, Новая Вамья, Итчи-Вамья, Турунгурт, Чекан, Удмуртский Чекан, Кыйлуд, Новый Кыйлуд, Кочур, Мульшур, Скалгурт, Каравай, Булгурт, Динтем-Вамья.

³⁷ Горбушин С. П. Об удмуртских сказках. — Записки, вып. 10, Ижевск, 1941, с. 93—94; Ватка но Калмез..., с. 90—92.

³⁸ Семенов В. А. Кыпкинский могильник X—XII вв. — Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979, с. 84—86.

³⁹ Там же, с. 85.

Вамья относится к племенному объединению Калмез. На этой территории они жили с древнейших времен. В д. Кузем Бале-зинского района, по всей вероятности, род Вамья переселился с р. Валу.

ЗАТЧА-ВЫЛ располагался на юге Удмуртии по р. Умяк, левом притоке р. Вятки. Сюда входили следующие населенные пункты Граховского района: Старые Ятчи (1), Поршур (2), Мещеряково (3), Батырево (4), Сарайкино (5), Мамаево (6), Куземаево (7). Время возникновения ни одного из этих селений неизвестно. В конце XVII в. из Старых Ятчей отделилась д. Варзи-Ятчи (8) Алнашского района. К воршуду Затча причислили себя часть жителей в деревнях Карашур (9) Можгинского, Старый Чультем (10) Завьяловского, Зятцы (11), Лема (12) Сюмсинского, Старые Зятцы (13) Якшур-Бодьинского, Старое Ягино (14) Шарканского, Красногорское (15) Красногорского, Зятчашур (16), Шахтарово (17), Седьяр (18) Бале-зинского, Новые Зятцы (19), Ильяпиево (20) Игринского райо-нов Удмуртской АССР, Нижний Кетег (21), Верхний Кетег (22) Малмыжского района Кировской области, Старокальмия-рово (23) Татышлинского, Качкинтурай (24) Калтасинского, Новая Кирга (25) Янаульского районов Башкирской АССР, Старая Кирга (26), Барабан (27), Верхний Гондыр (28), Уд-мурт-Шагирт (29) Куединского района Пермской области.

Красногорские (северные) удмурты род Затча причисляют к калмезам.

КИБЬЯ-ВЫЛ располагался на территории Можгинского района по рекам Сарсак и Чаж, правым притокам р. Иж. Сюда входили Большая Кибья, Карашур, Пойкино, Оркино, Зобнино, Малая Кибья.

Из Большой Кибьи отделилась Шадрасак-Кибья Алнашско-го района. В д. Пойкино прибыли из-за реки Камы (скорей всего из-за р. Вятки, т. к. южные, привятские удмурты р. Вятку называют Кам), в Мамадышском районе Татарской АССР име-ется д. Пойкино; в д. Карашур — из Старой Кибьи Малмыж-ского уезда (ПОВГ—1889).

Кибья — типичный южноудмуртский род. Ни в этнонимии, ни в топонимии в бассейне реки Чепцы его следы не прослеже-ны. По всей видимости, наиболее древней территорией прожи-вания рода Кибья являлся район вокруг г. Арска. Об этом го-ворят народные предания и данные топонимии. В составе Ка-занского ханства по Зюрейской дороге на р. Сие была деревня Кибь Малые⁴⁰. В Сабинском районе Татарской АССР до сих пор сохранился ойконим Верхнекибья-Козинский.

В дд. Покрово-Урустамак, Николашкино, Удмуртские Ташлы Бавлинского района Татарской АССР кибьинцы переселились в XVII—XVIII вв. из деревень Можгинского Кибья-выла.

САЛБЯ-ВЫЛ располагался по р. Кырыкмас, левом притоке р. Иж на территории Киясовского района. В этот выл входили Старая Салья, Кады-Салья, Нижняя Малая Салья, Верхняя Малая Салья. Коренной родовой деревней считается Старая Салья — Вужгурт. Время возникновения ее неизвестно. Другие населенные пункты Салья-выла отделились из Вужгурта в XVIII—XIX вв.

Салья — довольно малочисленный, но широко расселившийся род. К настоящему времени его следы обнаружены в следующих селениях: Нижние Юри, Средние Юри Малопургинского, Верхние Юри Можгинского, Заризь, Отогурт Глазовского, Укан, Нижняя Чура, Добрино, Чатчагурт Ярского, Тура, Старое Кычино Красногорского районов Удмуртской АССР, Салья, Ондрушата Кильмезского района Кировской области. В с. Укан Ярского района, по преданиям, переселились с устья Чепцы, из-под Хлынова ⁴¹.

Как мы уже отметили, в Глазовском уезде, расположенном в верхнем и среднем течении р. Чепцы, к известному историческому периоду родовых центров (вылов) не сохранилось. Тем не менее, изучив родовой состав этого куста, мы выявили сосредоточение определенных родовых групп в одном регионе. Так, воршудная группа *ДУРГА* занимала территорию по среднему течению Чепцы. В Глазовском районе она обнаружена в 12, в Балезинском — в 9, в Красногорском — в 7 селениях. Западная точка проживания данного рода расположена в нижнем течении Чепцы, в Слободском районе Кировской области. По преданию слободских удмуртов, основная часть рода Дурга ушла в сторону Глазова. Оставшаяся же небольшая часть дургинцев объединилась с ослабевшим родом Побья, но при этом сохранили оба этнонима. Остатки рода Дурга-Побья выявлены в дд. Бурино, Выльгурт, Кобляки, Алексеево, Зямино, Той-Дой Слободского района и в д. Городище Зуевского района Кировской области. В Вятском уезде зафиксированы 3 деревни под названием Дурки (Дуркинская), без сомнения, имеющие связь с этнонимом Дурга.

⁴⁰ Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства..., с. 278.

⁴¹ Ватка но Калмез..., с. 82.

Основной центр сосредоточения рода *КУШЪЯ* — Балезинский район, западный предел — Слободской и Унинский районы Кировской области. В топонимии следы рода Кушъя зафиксированы на крайнем юго-западе Вятской губернии — в Яранском уезде (дд. Кушьяново, Кушьяновской, Кушьяловская) ⁴².

ЧАБЪЯ — одна из широко расселившихся родовых групп удмуртов. Ее следы выявлены в 72 населенных пунктах, входящих в 11 районов Удмуртии и 9 — за ее пределами. Из 72 селений 50 расположены в бассейне р. Чепцы. На верхнее и среднее течение р. Чепцы род Чабъя переселился из-под г. Слободского, из д. Чабъя (офиц. Омсино).

Селения рода *ЧОЛА* расположены на нижней Чепце — в Слободском, Зуевском, Унинском, Фаленском районах Кировской области. На территорию Глазовского и Сарапульского уездов переселились из Слободского, в большинстве случаев из д. Чола (офиц. Круглово).

Одним из мест сосредоточения рода *ЧИПЪЯ* являлись северо-западная часть республики и соседние с ней районы Кировской области с удмуртским населением. Так, в Красногорском и Юкаменском районах члены рода Чипъя жили в 14 деревнях. По некоторым упоминаниям, в эти населенные пункты они прибыли из-под Слободского из д. Чипьягурт или Валгурт (ГАКО, ф. 170). В Слободском районе следы воршудной группы Чипъя зафиксированы в дд. Омсино, Вильгурт, Сизево, Мураши.

Населенные пункты воршудно-родовой группы *ЧУИЯ* располагались в верхнем течении реки Чепцы, на стыке Кезского, Балезинского и Дебесского районов. В других удмуртских регионах ее следов не выявлено.

В конце XIX в. инспектору народных училищ Глазовского уезда Н. Г. Первухину с помощью большого количества информантов (учащихся-удмуртов, учителей, священнослужителей удмуртских приходов) удалось выявить на территории Глазовского уезда проживание 50 воршудно-родовых групп (в скобках даем литературное написание, соответствующее современному произношению их носителей): Апя (Апъя), Бигра, Бола, Быдъя (Ббдъя), Быня (Ббня), Вамъя (Вамъя), Ворца (Вортча), Джикъя (Жикъя), Дзюмъя (Зумъя), Дзятся (Затча), Дурга, Какся, Квака (Куака), Кушъя (Кушъя), Лекма, Лоза, Маля, Менья (Мбня), Можга, Пельга, Посека (Поська, Поска), Пурга, Пыбъя (Пббъя), Пешъя (Пышъя), Салья, Санья,

⁴² Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859—1873 годов. Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1876, с. 755, 762, 785.

(Сянья ~ Чанья), Селта (Сьолта), Сема (Сьома), Сюра, Ташья (Ташья), Тукля, Турья (Турья), Удя, Узя (Узя), Уля, Урга, Учка (Уча), Чабья (Чабья), Чага, Чола, Чудна, Чудья, Чумья (Чумья), Чура, Чуйя, Ципья (Чипья), Эбга, Эгра, Юбера, Юра.

Исторически все вышеперечисленные роды Глазовского уезда можно подразделить на 2 группы: коренные и переселившиеся с других территорий. К коренным мы относим: Апья, Боня, Вортча, Пурга, Сьома, Ташья, Узя, Уля, Урга, Чага, Чудна, Чуйя, Эбга (всего 13 родовых групп). Часть членов родов Апья, Боня, Пурга, Уля из Глазовского переселилась в соседний Сарапульский уезд.

К неместным, переселившимся родам мы относим: Бигра, Бодья, Вамья, Жикья, Зумья, Затча, Дурга, Какся, Кушья, Лекма, Маля, Мбонья, Можга, Пельга, Поска, Пббья, Пышья, Салья, Сянья, Сьолта, Сюра, Тукля, Турья, Уча, Чабья, Чола, Чудья, Чипья, Юбера. Переселение их шло из разных мест и в разное время.

Родовые группы Бигра, Дурга, Кушья, Лекма, Поска, Пббья, Сянья, Сюра, Чабья, Чола, Чипья переселились с нижнего течения Чепцы, из соседнего Слободского уезда. Удмурты, причисляющие себя к этим родам (за исключением Бигра, Лекма), проживают и поныне там.

В более древние времена территория племени Ватка, к которой мы относим коренные глазовские и роды слободских удмуртов, занимала более обширную территорию — по среднему и верхнему течению р. Вятки, включая Вятский, Слободской, Котельнический, Орловский, Шестаковский уезды. Средне-вятские городища, расположенные по р. Вятке от устья Моломы до Чепцы и вверх по Чепце до Косы, археолог А. А. Спицын связывал с племенным объединением удмуртов Ватка. Название реки Вятки он отождествлял с удмуртским этнонимом Ватка. По его мнению, значительная часть глазовских удмуртов пришла на Чепцу с р. Вятки после появления там русских. Начало массового переселения из района Хлынова А. Спицын относит к XVI веку⁴³. В черте г. Кирова Л. П. Гуссаковский обнаружил остатки древнего городища дорусского периода, которое он предварительно датировал XI—XIII вв., связав его с удмуртами Ватка⁴⁴.

Среди слободских и глазовских удмуртов сохранилась мас-

⁴³ Спицын А. А. Приуральский край..., с. 93—95.

⁴⁴ Гуссаковский Л. П. Отчет об археологических работах в г. Кирове 1959 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1825, с. 3, и сл.; с. 17; Фотеев Г. В. К истории становления удмуртско-русских этнокультурных отношений. — Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978, с. 87.

са преданий о переселении их предков с Вятки и о некоторых столкновениях с пришельцами. Русские Хлыновского уезда еще в XVIII в. совершали крестные ходы на реку Великую и в с. Волковское на места побоищ для поминовения павших сорочичей при сражениях с коренными жителями края. У части русского населения развилось суеверное почитание «вотских стрел, окованных железом», как чудодейственного средства против заболеваний⁴⁵.

О проживании удмуртов в вышеназванных районах говорят и этнотопонимы: в Вятском уезде имелись населенные пункты Вотская Пустошь, Водская, Водское, Вотизовская, Вотское, Отяцкая (Вотская), Вотинский, Починок Вотинцовых, Вотяки малые, речка Вотизовка; в Котельничском уезде — починок Онтинский (нерусские), речка Водская (Водчана); в Орловском уезде — починок Водский (Шашин), речка Вотской; в Слободском уезде — Вотская (Погост), Вотская (Плюснинцы), Вотинцы, Лема Вотская⁴⁶. Это только этнотопонимы. Географических же названий удмуртского происхождения на Вятке насчитывается многие десятки. Некоторые названия с Вятки были перенесены удмуртами на среднюю Чепцу, например, Базезинское, Бердыши, Пудем, Лужан, Лекма, Парзи, Бачурино, Чурино, Падера и др. Как выяснил И. Н. Смирнов, западная граница удмуртских топонимов охватывает восточную часть Костромской и Вологодской губерний. На территории восточной части Вологодской губернии он выявил следующие названия деревень: Вотская, Вотинская, Вочская, Вочевская; названия рек: Воцкая, Воча, Вочка, Вотяковская, Вотякова⁴⁷.

Появление первых русских поселений на Вятской земле П. Н. Луппов относит к концу XIII и началу XIV вв. В 1489 г. Вятская земля была присоединена к великому княжеству Московскому, и северные удмурты, наряду с другими народами края, дали присягу на подданство московским князьям.

Еще в начале XVII в. удмурты, кроме Каринского стана Хлыновского уезда, проживали по верхнему течению р. Вятки в пределах Лужановского, Холуницкого и Сырьяновского станов Слободского уезда, а также в Шестаковском уезде. Из документов легко усмотреть, что в начале же XVII в. удмурты постепенно подвигаются к востоку на территорию Каринского стана и притом преимущественно в его восточную часть, от устья Чепцы к ее верховьям: так, например, при сопоставлении до-

⁴⁵ Луппов П. Н. Документы по истории Удмуртии..., с. 15.

⁴⁶ Вятская губерния. Список населенных мест..., с. 5, 9, 36, 49, 51, 73, 85, 90, 91, 233, 519, 555, 617, 630, 669, 673.

⁴⁷ Смирнов И. Н. Вотяки..., с. 9.

зорной и писцовой книги Лужановского стана Слободского уезда П. Н. Луппов установил выселение удмуртов из этого стана в соседний Каринский. В промежуток времени между 1615 и 1629 гг. в д. Великопольской запустели 13 удмуртских дворов, в д. Пычиной — 11, в д. Очиной — 10, в д. Гончаров — 12, так как жители их переселились в Каринский стан или в Каринскую и Верхочепецкую волости⁴⁸. Последующие переписи в этом регионе удмуртов не зафиксировали, по всей вероятности, большинство их переселилось на Чепцу, и не исключено, что оставшаяся часть с принятием христианства обрусела.

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает неубедительность выводов некоторых исследователей, считающих только Чепцу, и притом лишь среднюю ее часть, местом формирования удмуртского народа⁴⁹. По переписи 1615 г. в северной части современной Удмуртии зафиксировано всего 6 удмуртских погостов, 11 деревень с полудеревней, 4 починка и одно займище. К концу XVII в. число населенных пунктов и особенно количество населения резко увеличивается. Нам кажется, что это произошло не только за счет естественного прироста, но и за счет переселения с других удмуртских регионов.

Часть таких родов, как Бодья, Вамья, Жикья, Зумья, Затча, Какся, Маля, Пельга, Пышья, Сьолта, Тукля, Турья, Юбера, Уча, по нашему предположению, прибыла с Нижней Вятки и Камы, а еще больше — с Кильмези. В Глазовском уезде они, за исключением Зумья, Какся, Тукля, встречаются в 2—3, но не более чем в 5 деревнях. Большинство же селений этих родов расположены в бассейне реки Кильмези, на юге Удмуртии и в северной части Татарии. На Чепцу они переселились из разных мест и в разное время. Большая часть пришлых прикильмезских родов сосредоточилась по левобережным притокам среднего течения р. Чепцы.

Следует особо обратить внимание, как на чрезвычайно интересный факт, на наличие совершенно одинаковых воршуднородовых имен среди арских (удмуртов Балтасинского, Кукморского, Мамадышского районов Татарской АССР, Мари-Турекского района Марийской АССР) и чепецких (глазовско-слободских) удмуртов. Все, без исключения, известные нам роды арских удмуртов (особенно балтасинско-карлыганского куста), такие, как Дурга, Чабья, Чола, Пышья, Салья, Лбзя, Чипья, Турья, Сюра, Зумья, Уча, находят аналогию в родовом составе

⁴⁸ Луппов П. Н. Документы по истории Удмуртии..., с. 205.

⁴⁹ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв.— Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1963, с. 94.

чепецких удмуртов. Наличие общих диалектных черт в языке кукморских, глазовских удмуртов и бесермян отмечает В. К. Кельмаков⁵⁰.

По данным археологических раскопок последних лет стало известно, что в процессе сложения Волжской Булгарии участвовало и чепецкое (поломское) население. Так, если основу населения Больше-Тарханского могильника составили болгаро-салтовские племена, то основу населения Танкеевского могильника — прикамско-приуральские племена, появившиеся в среднем Поволжье и Нижнем Прикамье почти одновременно, но не позже рубежа VIII—IX вв.⁵¹

Возникает вопрос: не является ли арская группа частью северных удмуртов — Ватка, которая участвовала в составе чепецкого населения в сложении ранних булгар? Если это так, то становится вполне ясным, почему мордва до сих пор чувашей (потомков булгар) называет ветке (др. варианты: витке, видке, ветьке)⁵².

Этнонимы *ветке* и *ватка*, без сомнения, имеют общее происхождение. В чувашском языке лингвисты выделяют удмуртский пласт лексики, а в удмуртском — чувашских (булгарских) заимствований насчитывается несколько десятков⁵³. Когда и как они возникли? В последние столетия контакты между чувашами и удмуртами не известны. Надо полагать, они относятся к более отдаленным временам. На территории Чувашской АССР сохранились топонимы удмуртского происхождения с формантами *кар* «гнездо, городище» (Муркар, Шупашкар, Шашкар), * *мес* «водный источник», *куш* «лесная поляна» и два названия с этнонимом *ар* «удмурт» (Ар-касси, Ар-сентер). М. Р. Федотов считает, что на правом берегу Волги до прихода сува-чаваш «чуваш» жили племена, язык которых на занимаемых ими когда-то территориях исчез, но сохранилось мно-

⁵⁰ Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка, КД, М., 1970, с. 48.

⁵¹ Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. — Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 154—155; Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника, там же..., с. 87—93.

⁵² Худяков М. Г. Вотские родовые деления..., с. 15; Дмитриев В. Д. О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVIII веков. — Ученые записки, вып. XXVII, Чебоксары, 1964, с. 123; Мокшин Н. Ф. Мордовское название чувашей. — СФУ, № XIV, 1978, Таллин, с. 281—282.

⁵³ Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen, Helsingfors, 1903, s. 148—154.

жество топонимов, давным-давно утративших свое дотопонимическое значение ⁵⁴.

По мнению многих исследователей, арская группа удмуртов — древнейшее население северо-западной части Татарии ⁵⁵. В составе селений Казанского ханства мы находим названия деревень, образованные от воршудно-родовых имен удмуртов: Турья на р. Шошме, Ошторма-Юмтя-Юмья, Корса (куарса), Тойма по Арской дороге; Уча (2 названия) по Ногайской дороге; Чабья Старая по Зюрейской дороге ⁵⁶. На трех болгарских эпитафиях зафиксирован льякаб «ар» (ар — тюркское название удмуртов — М. А.). Арабский путешественник Абу-Хамид ал-Гарнати рядом с Вису помещает область Арв, что некоторыми отождествляется с «Арской землей» русских летописей ⁵⁷. «Вотские поселения Мамадышского уезда, как и соседнего с ним Казанского, составляют только остатки того сплошного вотского населения, которое занимало добрую половину Казанского и почти весь Мамадышский уезд. В пору покорения Казани вотяки густо сидели в этих местах, а в теперешнем заштатном городе Арске они имели даже крепость» ⁵⁸. О многочисленности удмуртского населения на Арской земле еще в середине XVI в. можно судить и по такому факту: в 1553 г. удмурты (арские люди) вместе с марицами (черемиса) поставили себе крепость на р. Меше в 70 верстах от Казани для защиты от правительственных войск. При осаде крепости было захвачено в плен 6 тыс. мужчин и 15 тыс. женщин и детей ⁵⁹. Вскоре удмурты отступили к северу от Арска, многие бежали за Каму, в башкирские земли. Среди кукморских, балтасинских и южных удмуртов сохранилась масса преданий о переселении их предков из-под Арска. Немалая часть оставшихся там удмур-

⁵⁴ Федотов М. Р. Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии.— СФУ VI, Таллин, 1970, с. 127—135.

⁵⁵ Спицын А. А. Приуральский край..., с. 98; Луппов П. Н. Христианство у вотяков..., с. 15, 91; Кузнецов С. К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии.— Этнографическое обозрение, кн. LXIII, 1905, № 4, с. 26; Кельмаков В. К. Кукморский диалект..., с. 4—5.

⁵⁶ Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства..., с. 277, 279, 287, 288, 289.

⁵⁷ Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар.— Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 225; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М., 1971, с. 31; Монгайт А. Л. Исторический комментарий.— Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.), М., 1971, с. 102.

⁵⁸ Кузнецов С. К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии..., с. 26.

⁵⁹ Луппов П. Н. Христианство у вотяков..., с. 15.

тов-язычников, приняв ислам, отатарилась. По данным Н. А. Бобровникова, только в течение XIX в. из 25 тысяч удмуртов, проживающих в Казанской губернии, 15 тысяч перешли в ислам, как здесь говорили «вышли в татары»⁶⁰. Процесс исламизации продолжался и дальше, вплоть до революции. С конца XIX в. по 1907 г. отатарились удмурты деревень Шемордан, Коинсар, Яныль, часть жителей дд. Важагур, Починок Сутер, Нижняя Русь, Новый Кумор, входящие в состав современного Кукморского района Татарской АССР. Это же подтверждают предания татар Заказанья⁶¹.

В бассейне р. Кильмези и по ее притокам Вале, Лумпуни, Лобани, Уве, Кырту, Нылге, на территории Сюмсинского, Селтинского, Увинского, Вавожского, Можгинского (большеучинский куст) районов Удмуртской АССР, Кильмезского, частично Унинского районов Кировской области располагались селения племенного объединения Калмез. К этой же группе, видимо, относились удмурты Завьяловского, Малопургинского районов (бассейн р. Иж, правый приток р. Камы). Язык, материальная и духовная культура, а также родовой состав у них почти одинаковы.

В прикильмезских районах выявлены следы следующих воршудно-родовых групп: Бия, Болма, Бигра, Вамъя, Дёкъя, Жикъя, Затча, Зумъя, Зезъя, Какся, Кибъя, Кёпка, Кётъя, Можга, Мёнья, Нёръя, Омга, Пельга, Пёбъя, Пудга, Пышъя, Сёлта, Тукля, Уча, Чудья, Чунча, Эгра, Юбера, Юсь. Кильмезские, как и чепецкие, роды мы делим на коренных (местных) и переселившихся. К первой группе относятся: Бия, Вамъя, Кётъя, Можга, Мёнья, Чунча, Юбера, Юсь. С Чепцы переселилась Бигра (в д. Пытцам Увинского района они прибыли из д. Дизьмино (Бигра) Ярского района), с Нижней Вятки и изпод Арска — Дёкъя, Зумъя, Кёпка, Нёръя, Омга, Пышъя, Уча.

Археологические исследования последних лет показали, «...что бассейн р. Кильмезь представлял собой один из издревле обитаемых регионов»⁶². Первоначально калмезы были расселены значительно шире, и их территория не ограничивалась только бассейном Кильмези. Археолог А. А. Спицын памятни-

⁶⁰ Бобровников Н. А. Инородческое население Казанской губернии, вып. 1. Казань, 1899, с. 47.

⁶¹ Кельмаков В. К. Кукморский диалект..., с. 17—19; Авыллар тарихы турында легендалар.— Материалы по татарской диалектологии, Казань, 1978, с. 12, 25.

⁶² Голдина Р. Д., Гусенцова Т. М. Поселение Моторки II в нижнем течении р. Вали.— Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979, с. 102.

ки, найденные им на нижней Вятке и по ее правому притоку Пижме, причисляет калмезам. По мнению большинства исследователей, калмезы с правобережья Вятки под натиском марийских племен перешли на левобережье, а оттуда — на берега р. Кильмези и ее притока р. Валы. С Кильмези они пробовали пробраться далее на север, с Валы — на юг⁶³. Эти же авторы приводят легенды и предания о вытеснении удмуртов с правобережья Вятки, записанные как среди яранско-уржумских марийцев, русских, так и среди удмуртов-калмезов. Среди калмезов и южных удмуртов записаны эпические сказания о борьбе с порами (пор — удмуртское название марийцев). В Яранском, Уржумском, Малмыжском уездах сохранилось множество топонимов, указывающих на проживание в прошлом там удмуртов (приводим только этнотопонимы): Одо-Сола (одо — марийское название удмуртов), Одо-Беляк, Одоинер, Водская (Уржумский уезд); Одо, Одинер, Нижневодское городище (Бурьгин), Ар-Пиштанка (ар — татарское название удмуртов), Арбаш (Яранский уезд)⁶⁴. В глубине Яранского и Уржумского уездов есть остатки нескольких городищ, большинство которых местное население приписывает жившим здесь некогда удмуртам, а двум из них марийцы дают название Одо-лем «место жилья удмуртов — одо»⁶⁵. Ареал удмуртских топонимов охватывает восточную часть Горьковской области (д. Одошнур «удмуртское поле», д. Одинер «удмуртская река» в Тоншаевском районе) и большую часть Марийской АССР. И. С. Галкин по данным топонимии пришел к выводу, что территория Марийской АССР в начале н. э. была занята не древнемарийскими, а древнепермскими племенами. После них остались названия: Одобеляк (деревня в Куженерском районе), Одо-илем (деревня около г. Санчурска), Одо-илем (деревня в Оршанском районе) и др., указывающие национальный состав населения, оставивших один из пластов топонимии Марийской АССР и северной части Чувашской АССР⁶⁶. Археолог Г. А. Архипов пришел

⁶³ Спицын А. А. Приуральский край..., с. 96; Кротов П. И. Древние поселения Яранского уезда. — ИОАИЭ, т. X, вып. 4. Казань, 1892, с. 388; Худяков М. Г. Древности Малмыжского уезда. — Труды Вятской ученой архивной комиссии, вып. I—II. Вятка, 1917, с. 41—42;

Генинг В. Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ижевск, 1970, с. 198.

⁶⁴ Вятская губерния. Список населенных мест..., с. 394, 454, 707, 720, 725, 745, 753, 762, 785, 817.

⁶⁵ Спицын А. А. Приуральский край..., с. 151.

⁶⁶ Галкин И. С. Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа. — Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1976, с. 206—208.

к выводу о том, что «марийцы пришли на Вятку не на свободное место, а на место, занятое удмуртами»⁶⁷.

Названия Калмасинка, Колмаса, Колмаса при Колмасинском ключе, Куба-Колмаж (Уржумский уезд) имеют прямую связь с этнонимом Калмез и показывают, что на территории юго-западных уездов Вятской губернии до прихода сюда марийцев жили удмуртские роды, входящие в состав племенного объединения Калмез. Судя по топонимам, в этом регионе проживали роды Коньга, Кõпка, Омга, Дõкъя, Туръя, Кушъя. В десяти названиях деревень Уржумского, по одному — в Яранском и Нолинском уездах отразился этноним Коньга. В более позднее время этот род переселился в Башкирию, где их потомки в настоящее время живут в деревнях Янаульского, Калтасинского, Бураевского районов. С реки Вятки (с территории современной Кировской области) в центральную и южную Удмуртию калмезы перенесли такие названия, как Иж, Бала, Ошлань, Жужги, Халды, Пучаз, Гура, Копки, Курчум, Кырмыж, Возжай и др. Калмезы, наряду с арской группой, сыграли ведущую роль в формировании южной группы удмуртов (Алнашский, Граховский, Киясовский, Кизнерский районы Удмуртской АССР, Агрызский, Елабужский районы Татарской АССР).

Время отступления удмуртов из Яранского, Уржумского уездов И. Н. Смирнов относит к периоду не позднее конца XIII в.⁶⁸ Но отдельные родовые группы, видимо, продолжали жить там и в более позднее время. Еще в начале XVIII в. Страленберг на Немде близ Кукарки (ныне г. Советск) встретил несколько удмуртских селений⁶⁹. Отдельные удмуртские деревни на юге Кировской области, в частности, в Малмыжском, Уржумском, Вятско-Полянском, Кильмезском районах и в Мари-Турекском районе Марийской АССР, сохранились до наших дней.

О времени появления удмуртов на Вятке известно еще меньше. Скорее всего это потомки пьяноборско-азелинского населения. По мнению антрополога М. С. Акимовой, «...есть все основания считать, что тип населения пьяноборской культуры явился исходным для формирования в последующие века удмуртского народа»⁷⁰. К. И. Козлова считает азелинцев перми-

⁶⁷ Архипов Г. А. Ижевское городище.— Вопросы истории археологии Марийской АССР, вып. XVII. Йошкар-Ола, 1962, с. 159.

⁶⁸ Смирнов И. Н. Вотяки..., с. 16.

⁶⁹ Там же, с. 263.

⁷⁰ Акимова М. С. Некоторые итоги изучения антропологического состава древнего населения Прикамья.— Вопросы археологии Урала, вып. I. Свердловск, 1961, с. 125.

чами по языку⁷¹. Г. А. Архипов пишет: «Если бы городецкие племена не столкнулись с азелинскими, то на Вятке сложился бы народ близкий современным удмуртам»⁷². В. Ф. Генинг считает, что основная масса азелинцев в конечном итоге приняла участие в этногенезе удмуртов⁷³.

Среди северо-западных башкир зафиксирована родоплеменная группа Калмаш, которую мы вслед за Р. Г. Кузеевым и В. Ф. Генингом идентифицируем с удмуртским этнонимом Калмез⁷⁴. На юго-востоке Удмуртии и в соседних с ним районах северной Башкирии и Татарии, на основной территории распространения пьяноборской культуры, имеется около десяти ойконимов Калмаш. Нам кажется, что какая-то часть калмезов-пьяноборцев, оставшихся на старой территории, ассимилировалась в среде пришлых тюркских племен Приуралья. Участие местных финно-угорских племен в формировании северо-западной группы башкир широко освещено в научной литературе.

Говоря о времени распада родового строя у удмуртов, следует особо обратить внимание на общность родовых имен удмуртов и коми. Из 70 известных удмуртских воршудно-родовых имен удмуртов 15 названий находят параллели в топонимии Коми-Пермяцкого национального округа Пермской области, таковы Апя, Бодья, Вамья, Докья, Лекма, Можга, Норья, Пельга, Пудга, Пурга, Чабья, Чанья, Чипья, Шудья, Юмья⁷⁵.

Все вышеперечисленные названия могли возникнуть двумя путями: могли быть занесены переселенцами-удмуртами или, как полагает А. Кривошекова-Гантман, являются общепермскими⁷⁶. Мы склонны считать более достоверным второе предположение. В пользу этого говорят несколько фактов: 1) ойконимы, образованные от воршудных имен, встречаются в Пермской области только на территории проживания коми-пермяков и коми-язвинцев. Удмурты переселялись и в другие районы Пермской области, в частности, в Куединском районе они появились еще в конце XVI — начале XVIII вв. и живут в настоящее вре-

⁷¹ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978, с. 45.

⁷² Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973, с. 105.

⁷³ Генинг В. Ф. История населения удмуртского Прикамья..., с. 197.

⁷⁴ Кузеев Р. Г. Опыт исторической стратификации родо-племенной этнонимии башкир. — Ономастика Поволжья, 3. Уфа, 1973, с. 13—14; Генинг В. Ф. Указ. соч., с. 199.

⁷⁵ Смирнов И. Н. Вотяки..., с. 39; Кривошекова-Гантман А. С. Откуда эти названия? Пермь, 1973, с. 38; Атаманов М. Г. Этнонимы удмуртов в топонимии..., с. 163—166.

⁷⁶ Кривошекова-Гантман А. С. Откуда эти названия?..., с. 38.

мя более чем в 10 населенных пунктах (около 8000 человек). Не приняв христианства, они длительное время сохраняли древние религиозные верования своих предков, одной из главных, составных частей которых являлся культ родового божества — воршуда, но тем не менее, там нет ни одного ойконима, отражающего воршудно-родовое имя. 2) Следы родовых групп, таких как Дöкъя, Бöдъя, Пудга, Нöрья, Можга, встречаются только среди удмуртов южных и центральных районов Удмуртии, юга Пермской, Кировской областей, Татарской, Башкирской АССР — наиболее отдаленной от коми-пермяков территории. Следовательно, для первого предположения, подтверждающего версию о занесении этих названий переселенцами-удмуртами, у нас нет фактов. Более того, некоторые отворшудные топонимы встречаются и на территории Коми АССР: Абъя-чой (чой «гора») в Прилузском районе; с. Турья и р. Кышья на Нижней Вычегде (ср. удмуртские воршудно-родовые имена: Апъя, Туръя, Кушъя).

Мы считаем, что вышеперечисленные имена по происхождению являются общепермскими. Определенная часть родов, входящих в ананьинскую этнокультурную и языковую общность, после ее распада участвовала в формировании как удмуртского, так и коми народов. Коми на несколько столетий раньше удмуртов приняли христианство и, естественно, среди них культ родового божества исчез намного раньше. Часть родовых имен могла сохраниться только в топонимии.

Имеющийся в нашем распоряжении этнонимический материал позволяет делать вывод о том, что зафиксированные в недавнем прошлом родовые центры на территории Удмуртии по образованию являются вторичными, возможно, и третичными по отношению к более древним, первичным родовым центрам. Родовая организация удмуртов распалась давно, но не в XII—XIII вв., как отмечали некоторые исследователи, а значительно раньше. На Вятке, а с ней связана история большинства удмуртских родов, мы не смогли выявить уже каких-либо следов сосредоточения одного рода только в одном определенном регионе. Центры же племенных объединений прослеживаются четче: территория племенного объединения Ватка располагалась в верхнем и среднем течении Вятки и по ее притокам Чепце, МолOME, Холунице, Быстрице, Великой, включающей Слободской, Глазовский, Котельничевский, Шестаковский, Орловский уезды; калмезы располагались в среднем и нижнем течении Вятки и по ее притокам Пижме, Кильмези, включая уезды Яранский, Уржумский, Малмыжский, Нолинский, частично Сарапульский. Арская группа располагалась в бассейне

нижнего течения Вятки и Камы, на территории Мамадышского, Казанского, частично Малмыжского уездов⁷⁷.

В формировании северных удмуртов, помимо родов Ватка, определенную роль сыграли калмезы и роды арской группы. Между северо-удмуртскими и родами арской группы прослеживается генетическое родство. Южная группа удмуртов оформилась в результате смешения арских удмуртов с калмезами при небольшом включении родов Ватка. В свою очередь, южная группа участвовала в сложении закамских и бавлинских удмуртов.

⁷⁷ Ввиду отсутствия воршудно-родовых подразделений, история одной из интересных этнолингвистических групп удмуртов — бесермян в нашей работе не рассматривалась. Судя по языку, они имеют ряд общих черт с арскими и южными группами удмуртов.

В. К. Кельмаков

К ИСТОРИИ УДМУРТОВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ВЯТКИ

Основная масса удмуртов Правобережья Вятки проживает в настоящее время в трех районах Татарской АССР (Балтасинском — 30 населенных пунктов, Кукморском — 27, Мамадышском — 3), помимо того, часть удмуртского населения представлена в нескольких деревнях Мари-Турекского района Марийской АССР и некоторых южных районах Кировской области. На территории Вятского Правобережья происходило формирование исторического ядра периферийно-южного наречия удмуртского языка: в настоящее время здесь распространены кукморский и шошминский диалекты; переселенцы с этой территории составили основу носителей татышлинского, возможно, красноуфимского диалектов; а также вошли в состав бавлинских удмуртов. Диалекты периферийно-южного наречия, сохранившие в фонетическом строе, частично в лексике и морфологии множество архаичных черт, вызывают значительный интерес со стороны историков удмуртского языка. Особый интерес языковедов к кукморскому и шошминскому диалектам периферийно-южного наречия находит поддержку и со стороны историков духовной культуры удмуртского народа, ибо на «казанском» (шошминском и кукморском) диалекте была издана львиная доля дореволюционной печатной продукции на удмуртском языке.

Между тем многие вопросы, связанные с историей формирования диалектов периферийно-южного наречия, требуют еще своего разрешения. Нуждается, в частности, в серьезном изучении ранняя история «арской группы» удмуртов, легших в основу носителей шошминского и кукморского диалектов. В данной статье проделана попытка проследить отдельные этапы истории удмуртов Правобережья Вятки, в особенности, кукморских, насколько это возможно на материале довольно скудных письменных документов, исследований историков, этнографов

и антропологов, а также удмуртских исторических преданий.

Историей заселения удмуртами Вятского Правобережья никто специально не занимался, а отдельные замечания путешественников XVIII века, этнографов и фольклористов мимоходны, отрывочны и противоречивы, ибо отсутствие ранних достоверных письменных документов давало им возможность выдвигать самые различные гипотезы и предположения. Наиболее ранние письменные источники об удмуртах, относящиеся к XV—XVI векам, мало что дают для изучения носителей кукморского и шошминского диалектов, так как эти документы заставляют удмуртов уже на той территории, где они размещены в настоящее время. Естественно поэтому, что в историко-этнографической литературе учеными высказываются два диаметрально противоположных мнения.

1. Удмурты Правобережья Вятки не представляют собой автохтонное население этих краев, а являются переселенцами из-за р. Вятки (из Вятской губернии). Так, по мнению М. Г. Худякова, бывший Малмыжский уезд и весь северо-восток Казанской губернии был заселен удмуртами из бассейна реки Чепцы¹. Приблизительное время заселения Д. Островский определяет периодом не ранее конца XIV столетия², а по мнению И. Н. Смирнова, переселение чепецких удмуртов в Правобережье Вятки должно было совершиться не позднее конца XIII века, так как около этого времени в Арской земле уже должны были появиться татары³. (Как можно заметить, даже среди сторонников единого предположения выявляются противоречия в определении времени переселения).

Со своей стороны добавим, что если даже и имело место это массовое переселение чепецких удмуртов на юг (в Арскую землю), то оно едва ли могло происходить в пределах даже IX—XII веков, ибо на это время как раз падает постепенное укрепление, территориальное расширение и расцвет Булгарского государства, так что трудно предположить, чтобы булгары позволили кому бы то ни было занять их землю.

¹ Худяков М. Г. Исторический очерк города Малмыжа.— Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии 1916 г., вып. I—II. Вятка, 1916, с. IV—V; Никольский Н. В. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1919, с. 85.

² Островский Д. Вотяки Казанской губернии.— Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете, т. 4, № 1. Казань, 1873, с. 10.

³ Смирнов И. Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете, т. VIII, вып. 2. Казань, 1890, с. 16.

2. Другие исследователи считают, что удмуртские поселения Вятского Правобережья составляют лишь остатки сплошного удмуртского населения, которое занимало весь северо-восток Казанской губернии. Удмурты, таким образом, являются аборигенами этих мест, а не переселенцами с севера. Такую версию выдвигает, к примеру, С. К. Кузнецов⁴, позднее (1920 г.) ее же придерживался и М. Г. Худяков⁵.

Если принять в качестве рабочей последнюю гипотезу, то правобережных удмуртов, по издавна существующей традиции, можно идентифицировать с теми летописными «арами», которые раньше других удмуртов появились на арене письменной истории. Правда, мнения историков существенно расходятся в вопросе о том, кого следует подразумевать под «арами» и как возник этот термин — один из трех исторически известных этнонимов удмуртского народа.

Неясность происхождения этого этнонима вызывала множество предположений как исторического, так и лингвистического характера. Например, в удмуртской историографии довольно широко распространено мнение о существовании племенного объединения *ар* с бывшим племенным центром в Арске⁶. Возможно, это предположение основано на том, что южные удмурты, долгое время находившиеся в подчинении первоначально булгар, а впоследствии татар, выступают на страницах русских летописей под названием «ары». Видимо, определенную роль в возникновении вышеназванной гипотезы сыграло высказанное В. Н. Татищевым положение о том, что этноним *ари* является самоназванием удмуртов⁷. Это мнение о существовании удмуртского племени *ар* разделялось исследователями как прошлого века⁸, так и нашего времени⁹. А в самое

⁴ Кузнецов С. К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии.— Этнографическое обозрение. М., 1905, кн. XIII, № 4, с. 26.

⁵ Худяков М. Г. Вотские родовые деления.— Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете, т. XXX, вып. 3. Казань, 1920, с. 347.

⁶ Худяков М. Г. Вотские родовые деления, с. 347.

⁷ «Вотяки, от русских названные от реки Вятки, сами зовутся ари, а предел свой Арима...» (Татищев В. Н. История Российская, т. 1. М.-Л., 1962, с. 146).

⁸ Памятники древности в Казанской губернии (Сообщено Казанским Военным губернатором).— Журнал Министерства внутренних дел. 1840, часть XXXVII, № 7—9, с. 214; Орлов А. П. Опись городских поселений Казанской губернии. Заштатный город Арск.— Казанские губернские ведомости, 1885, № 18.

⁹ Алатырев В. И. Кызы кылдйз «удмурт» кыл.— «Советской Удмуртия», 18 июня 1958 г.

последнее время появилось предположение (правда, почти ничем не обоснованное, кроме как случайным созвучием этнонимов), что ары якобы исторически не были непосредственными предками удмуртов, а представляли собой какое-то иноязычное племя, воспринявшее впоследствии язык и культуру удмуртов¹⁰, закрепив за последними свое название. И, наконец, некоторые из исследователей идентифицируют этноним *ар* с индоевропейским этнонимом *арийцы*, объясняя это тем, что отдельные арийские купцы и торговые объединения проникали с территории Южной Руси до низовьев Камы и Вятки; часть этих купцов, освоив язык местного населения, постепенно оседала там в качестве посредников между купцами и аборигенами. Полностью ассимилированные местным населением potomки арийских купцов оставили за удмуртами свой этноним¹¹.

Все эти приведенные нами предположения, несмотря на их мнимые и действительные противоречия, сходятся в одном: слово *ар* является самоназванием удмуртов (В. Н. Татищев), если даже не всех, то хотя бы одного из южных племенных объединений (М. Г. Худяков, А. П. Орлов, В. И. Алатырев), или, в крайнем случае, какой-то этнической группы, влившейся в состав южных удмуртов (В. Ф. Генинг и др.).

С этим едва ли можно согласиться. Если бы удмурты или какая-нибудь этническая группа либо племя удмуртов действительно называла себя когда-либо (по утверждению В. Н. Татищева, еще в XVIII веке) арами, то, по всей вероятности, этноним *ар* должен был сохраниться в качестве самоназвания южных или периферийно-южных удмуртов, которых традиционно идентифицируют с летописными «арами». Трудно поверить, чтобы удмурты, которые еще в 20-е годы нашего столетия отлично помнили свои родовые названия и историю отдельных родов¹², окончательно забыли свое племенное название. К этому следует добавить, что племя *ар*, в отличие от Ватка и Калмез, не нашло отражения и в преданиях удмуртов.

В настоящее время арами называют не удмурты сами себя, а удмуртов их тюркоязычные соседи — татары, башкиры, чуваша. То же самое еще в XVIII веке, почти одновременно с В. Н. Татищевым, отмечали побывавшие именно у «арских» уд-

¹⁰ Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии. — Вопросы финно-угорского языкознания, вып. IV. Ижевск, 1967, с. 277; *его же*. Удмурт калык. Кызы кылдиз со? — «Молот», 1967, № 5, с. 45.

¹¹ Жираи М. считает это предположение вполне вероятным. (M. Zsirai. Finnugor rokonságunk, Budapest, 1937, s. 223).

¹² Худяков М. Г. Вотские родовые деления, с. 340.

муртов путешественники Н. П. Рычков¹³, Г. Ф. Миллер¹⁴ и П. С. Паллас¹⁵. Следовательно, правы те исследователи, которые при этимологизации слова *ар* исходят из тюркских языков.

Д. Островский считает, что «название Ари указывает только установившийся взгляд Татар на Воть, как на племя, отличающееся исключительным трудолюбием»¹⁶; С. К. Кузнецов предполагает, что арами (? *ари* «шершень») окрестили удмуртов татары за то, что те некогда оказали упорное сопротивление их наступательному движению¹⁷; по мнению В. Бехтерева, удмурты были хорошими пчеловодами, за что и получили от татар название *ари* «пчела»¹⁸.

Как можно заметить, этимологизацией этнонима *ар* занимались в прошлом веке преимущественно этнографы и историки, и не мудрено поэтому, что их объяснения были построены на случайном совпадении форм слов.

Более приемлемым кажется нам предположение М. Жири, что этноним *ар* этимологически связан с тюркскими словами *eri*, *er*, *ir* «человек, мужчина» (ср.: тат., башк. *ир*, чув. *ар* «мужчина, мужской», «муж, супруг», узб. *эр*, к.-калп. *ер* «мужчина», «муж», «герой», тув. *эр* «мужчина», «муж, самец» и др.), вернее, с их вариантом на заднерядный вокализм¹⁹. Этноним *ар*

¹³ «Писатели, кои думают, что имя Ари есть собственное Вотяков, без сомнения приняли сие от Татар, сим именем их называющих: ибо Вотяки называют себя общим именем Уд-морг(а), Черемиса Уды, а Русские, или паче древние Славяны их Вотами...» Далее в примечании: «Морг на вотском языке значит человека, а Уды есть общественное имя всего Вотского народа...» (Журнал или дневные записки путешествия Капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб., 1772, с. 156).

¹⁴ «...Вотяки, в которых местах я был, не называют себя Арр, но именем Уд-мурт. Уд по Черемиски именуется Ода и есть имя собственное, а Мурт имя нарицательное, по тому, что Русских называют они на своем языке Дючь-Мурт... а у Татар уведомился я, что они Вотяков Ар называют» (Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... СПб., 1791, с. 32).

¹⁵ «...от имени Ари, коим Татары Вотяцкой народ называют...»; «...Вотяки или Уд-мурт, как они сами себя называют...» (Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья. Половина вторая. 1772 и 1773 годов. СПб., 1788, с. 29, 30).

¹⁶ Островский Д. Вотяки Казанской губернии, с. 5.

¹⁷ Кузнецов С. К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии, с. 26.

¹⁸ Бехтерев В. Вотяки, их история и современное состояние. Бытовые и этнографические очерки.— Вестник Европы. СПб., 1880, т. 84, с. 626.

¹⁹ Zsirai M. Finnugor rokonságunk, с. 224, С. А. Арутюнов выражает сомнение в правильности такой этимологии на том основании, что к слову со значением «человек», как правило, восходят самоназвания (Арутюнов С. А. Этнонимы, отв. ред. В. А. Никонов, М., Изд-во «Наука», 1970, 270 с. (Рец.)— ВЯ, 1971, № 4, с. 132).

совпадает по своему фонетическому оформлению с чувашским словом, и это, возможно, свидетельствует о том, что название *ар* удмуртам присвоили волжские булгары²⁰, стоявшие в языковом отношении близко к современным чувашам²¹.

Подобное утверждение не противоречит фактам истории. Как известно, из тюркоязычных племен впервые именно с булгарами вступили удмурты в наиболее длительный и интенсивный культурно-экономический и лингвистический контакт, когда в первой половине VIII века на Средней Волге появились булгарские племена²² и положили начало Волжско-Булгарскому государству. Булгары в политическом, экономическом и культурном отношении стояли на более высоком уровне, чем финно-угорские племена, обитавшие в то время на левом и правом берегах Средней Волги, поэтому вполне естественно, что в столкновении с последними (с предками мордвы, марийцев, удмуртов и коми) они вышли победителями. То, что тюрки не были поглощены местными финноязычными племенами, было обусловлено, вероятно, и многочисленностью булгар²³.

На первых порах булгары, должно быть, и не проникли вглубь удмуртских земель: они еще сами были данниками хазар. Вот какие народы, подвластные ему, перечисляет во II половине X века хазарский царь Иосиф в письме к еврейскому сановнику при дворе кордовского халифа Хасдаю-ибн-Шафруту: «бур-т-с (буртасы), бул-г-р (булгары), с-вар (сувары), арису (эрзя?, ары?), ц-р-мис (черемис), в-н-н-тит (вентичи, вятичи), с-в-р (северяне), с-л-виюн (славяны)...»²⁴. Кого надо подразумевать здесь под *арису* — удмуртов-аров или эрзя — трудно решить, недаром расходятся мнения ученых по этому вопросу: некоторые уклоняются от категорического ответа на этот вопрос (Б. Д. Греков и Н. Ф. Калинин), другие решают его в пользу мордвы-эрзи²⁵, а третьи видят в *арису* удмуртов

²⁰ Белицер В. Н. Удмурты. — Народы мира. Этнографические очерки. Народы европейской части СССР, т. II. М., 1964, с. 474; Кельмаков В. К. Происхождение и первые упоминания этнонима ар. — Этнонимы. М., 1970, с. 191.

²¹ Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960, с. 104, 107, 113; Федотов М. Р. Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам. — СФУ, 1968, № 1; *его же*. Чувашский язык в семье алтайских языков, I. Чебоксары, 1980, с. 12—26; Баскаков Н. А. Предисловие (к кн.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков, I), с. 5—7.

²² История Татарской АССР, т. I. Казань, 1955, с. 42.

²³ Там же, с. 43.

²⁴ Греков Б. Д. и Калинин Н. Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания. — Материалы по истории Татарии, вып. I. Казань, 1948, с. 113.

²⁵ Очерки истории Мордовской АССР, т. I. Саранск, 1955, с. 23; Феоктистов А. П. Мордовские языки. — Языки народов СССР, т. III, Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966, с. 175.

(аров)²⁶. На наш взгляд, *арису* вернее было бы отождествить с предками мордвы-эрзи: во-первых, в территориальном отношении ближе к хазарам находились эрзя, а не ары; во-вторых, звуковое оформление этнонима *арису* больше напоминает эрзю, нежели аров²⁷.

X—XII века — это период расцвета экономической и политической мощи Булгарского государства. Оно занимало довольно большую территорию и распространяло сферу своего влияния на многие соседние народы, в том числе и на удмуртов на севере²⁸, о чем свидетельствуют арабские источники XII века. Абу Хамид ал-Гарнати отмечал, что Булгар «простирает свое владычество на (некоторые) области, которые ему платят дань (haḡāḡ)... Одна (из областей) называется Вису [Ису], вторая Арв. В этой области охотятся за бобром, горностаем и белой...» Некоторые ученые склонны рассматривать Арв как Арскую землю, населенную в XII—XIII веках удмуртами и марийцами²⁹. Это (1150—1153 гг.) можно считать первым наиболее достоверным упоминанием правобережных удмуртов (да и удмуртов вообще)³⁰.

Часть удмуртов Правобережья Вятки и района Пьяный Бор — Елабуга была вынуждена отступить под натиском булгар в более северные лесные районы³¹, а часть, несомненно, осталась на прежнем месте, что привело к утере ими экономической и политической самостоятельности и частичному ассимилированию.

В 1232 (и окончательно в 1240) году Булгария была разгромлена татаро-монголами, и с тех пор перестала существо-

²⁶ Сысоева М. В. Удмуртъяслэн васькала улоньсытызы. — «Советской Удмуртия», 18 мая 1967 г.; Гришкина М. В., Владыкин В. Е. К вопросу о письменных источниках по истории удмуртов IX—XVII вв. — Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982, с. 9—10.

²⁷ По устному сообщению М. Г. Атаманова, *арису* не что иное, как сочетание двух этнонимов, обозначающих близкородственные народы Ар+Ису, ср.: Арв и Вису (Ису) у ал-Гарнати.

²⁸ История Татарской АССР, т. 1, с. 45.

²⁹ Монгайт А. Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг. — История СССР. М., 1959, № 1, с. 171—172; Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965, с. 51.

³⁰ Аримаспи греческого историка Геродота невозможно отождествлять с арами, как это делают некоторые исследователи (Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния, часть 1—2. Казань, 1870, с. 19; Алатырев В. И. Кызыл кылдиз «удмурт» кыл), ибо в геродотовское время (V век до нашей эры) удмурты не могли представлять самостоятельного народа и, естественно, не могли иметь собственного этнонима.

³¹ Очерки истории Удмуртской АССР, т. 1. Ижевск, 1958, с. 23.

вать как государство. Период распада Булгарии и формирования на ее месте Казанского ханства отмечен некоторой перегруппировкой населения Правобережья Вятки и усилением тюркского влияния на нетюркские народы. Спасаясь от завоевателей, болгарское население передвигается на север — в лесную область Предкамья и Правобережья Вятки, где они занимали новые земли, расчищая леса, или селились на освоенных уже землях, предварительно вытеснив аборигенов — удмуртов (аров) и мари, о чем свидетельствуют названия некоторых населенных пунктов и предания об образовании отдельных татарских деревень ³².

Как сообщают документы, уже в первой половине XIII века на территории правобережных удмуртов (аров) возникает город-крепость, названный в честь его создателей Арском. В Арске и в соседнем с ним селе Чекурче, по преданию, жили удмуртские князья ³³. Из летописей видно, что Арск, в числе других булгарских городов, был отдан монгольским ханом Ногаем его зятю Федору Черному, князю Можайскому ³⁴.

Таким образом, удмурты Вятского Правобережья оказываются в составе Казанского ханства, где они принимают активное участие в экономической и политической жизни государства, поставляя нередко и военную силу для казанского хана. Например, против Ивана III в войне 1469—1470 годов «...сбрася царь... казаньской Обреим со всею землею своею, с Камскою и с Сыплинскою, и с Костяцкою, и с Беловожской, и Вотяцкою, и з Башкирскою...», сообщает Львовская летопись ³⁵. Под «Сыплинскою» (Цыпинской — В. К.) землей, вероятно, предполагаются земли современных удмуртов и мари Правобережья Вятки, а под «Вотяцкою» — земли удмуртов по левому берегу р. Вятки ³⁶. Впоследствии основные удмуртские земли по левому берегу Вятки Казанское ханство не смогло удержать, и лишь юго-западные удмурты в Правобережье продолжают упоминаться как жители ханства ³⁷.

Новый этап в истории правобережных удмуртов начинается с середины XVI века с падением Казанского ханства, когда земли удмуртов были присоединены к Русскому государству, и тем самым прекращено беспрдельное господство татарских феодалов.

³² История Татарской АССР, т. 1, с. 97.

³³ Худяков М. Г. Вотские родовые деления, с. 346.

³⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 2, т. IV. СПб., 1819, с. 110—111; Примечание 138 (с. 76).

³⁵ История Татарии в материалах и документах. 1937, с. 96.

³⁶ История Татарской АССР, т. 1, с. 101.

³⁷ Там же, с. 104.

В конце XVI и начале XVII века удмурты, наряду с представителями других национальностей, считаются жителями Казанского уезда (все Правобережье нижнего течения Вятки до 70-х годов XVIII века входило в состав Казанского уезда), о чем утверждает царская грамота в Казань от 18 июля 1593 года, где есть указание на то, что «и в Казанском и Свияжском уездах живут новокрещены с Татары и с Чувашее и с Черемисею и с Вотяки вместе...»³⁸. Судя по документам 1611 года, «казанские люди» всех сословий и национальностей, в числе которых «...и Татарова, и Чуваша, и Черемиса, и Вотяки...»³⁹, выражают готовность к ополчению против польских захватчиков.

Непосредственно кукморские удмурты нашли свое отражение в актах и грамотах Вятского Успенского Трифонова монастыря, начиная со второй половины XVII века. По свидетельству актов и грамот этого монастыря, «...Татары и Чувашее и Черемисею и Вотяки...» считаются старожилами Правобережья Вятки в бассейне Ошторы и других рек (1659 г.)⁴⁰. А грамота от 17 февраля 1680 года предупреждает удмуртов, чувашей и марийцев, что им «самоволством, мимо *своих* земель... в монастырскую землю вступатись не велено, а велено им владети *своими* (курсив наш — В. К.) землями...»⁴¹.

Среди населенных пунктов, находящихся поблизости от монастырских земель, грамота 1680 г. упоминает чувашские деревни: Люга (8 дворов), Малая Вошторма Кукмора, марийские — Бертуш (8 дворов), Вошторма Кукмора (17 дворов), Пойма и без обозначения национального состава — Бюр, Кинюм, Бакларлар; причем ближайшими к монастырю среди них являются Вошторма Кукмора (17 верст) и Люга (20 верст), которые можно идентифицировать с современными татарскими населенными пунктами Ошторма-Кукмором и Люгой. Удмуртские населенные пункты грамотой не упомянуты, возможно, потому, что они были расположены на значительном расстоянии от монастырских земель⁴².

Этнический состав населения Вятского Правобережья в

³⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836, т. 1, с. 436.

³⁹ Там же, т. II, с. 318.

⁴⁰ Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря (1580—1764). Собрал и подал А. Верещагин.— Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии 1906 г., вып. I—II. Вятка, 1906, с. 73.

⁴¹ Выпись из дела, выданная Казанским воеводой М. О. Плещеевым Трифоновскому архимандриту Александру... Издал А. Верещагин.— Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии 1908 г., вып. 1. Вятка, 1908, с. 35.

⁴² Там же, с. 38.

XVII веке можно в какой-то мере установить, исходя из данных актов и грамот, в которых чаще всего упоминаются марийцы и чувашаи, реже удмурты, довольно редко татары, и почти нет упоминаний о русских (за исключением монастырских крестьян).

О былом широком распространении марийцев на территории современного Кукморского района говорят и предания удмуртов самых различных деревень, в некоторых из них считают марийцев своими предшественниками на территории своего населенного пункта (удмурты учинского куста и сейчас указывают на следы былых марийских поселений, кладбищ и молитвенных рощ) или своими современниками (д. Нижний Кузьмесь, с. Нырья). Удмуртские предания, записанные нами зимой 1967 года, гласят, что марийцы либо были вынуждены уйти с этих мест под напором удмуртов (с. Нырья), либо вымерли от какой-то болезни, «вызывающей судороги» (д. Новая Уча). Вероятно, часть марийцев отошла к северу и северо-западу; часть продолжает жить в 6 марийских и русско-марийских населенных пунктах Кукморского района; не лишено вероятия, что часть марийцев была ассимилирована татарами и удмуртами⁴³.

Загадочна судьба чувашей, которых писцовые книги XVII века застают в Заказанье⁴⁴, а грамоты Трифонова монастыря — на территории Кукморского района, где в настоящее время нет ни одного чувашского поселения. Молчат о них и удмуртские предания. Можно предполагать, что они отатарились, возможно, частично обудмуртились⁴⁵.

Русских на указанной территории было относительно немного, и появились они здесь сравнительно поздно, предположительно в XVI—XVIII веках⁴⁶. В частности, в бассейн р. Ошлани русские переселились из Вятской губернии («...а селились на тое землю приходя из вятского ж уезду разных станов крестья-

⁴³ Удмурты дд. Верхний Кузьмесь и Старая Юмья еще на памяти современных стариков совершали жертвоприношения в «марийских» святилищах пор вожо («марийская кереметь»).

⁴⁴ *Мухамедьяров Ш. Ф.* Малонизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг.—Известия Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук, вып. 2. Казань, 1957, с. 196.

⁴⁵ *Смирнов И. Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк, с. 47. Гришкина М. В. и Владыкин В. Е. выдвигают другое предположение, что этноним «чуваша» в этих документах использовался для обозначения особой этнической группы удмуртов. (К вопросу о письменных источниках по истории удмуртов IX—XVII вв., с. 27). В свете данной гипотезы и получает объяснение тот факт, что удмурты дд. Старая Уча и Важашур считают себя выходцами из деревни Люга, которая в XVII веке считалась чувашской (т. е. удмуртской); а к настоящему времени деревня полностью отатарилась.

⁴⁶ История Татарской АССР, т. 1, с. 152.

не»), а в 1689 году «...в той ошланской волости и с новоприбылыми дворами написано шестьдесят дворов...»⁴⁷. Появление русских в «ошланской волости» связано с основанием Трифонова монастыря.

Интересна история колонизации края татарами, которых в XVII веке на этой территории было сравнительно немного, а в настоящее время представляют собой преобладающее по численности население Кукморского района.

Можно предполагать, что первые болгаро-татарские поселения появились в крае после падения Волжской Булгарии, и приток татарского населения усилился с завоеванием Казани Иваном IV. Но количественное увеличение татар в крае происходило не только за счет переселенцев из других районов и естественного роста населения, но и за счет ассимиляции других народов. Значительная часть татар северо-востока Татарской республики произошла от удмуртов и марийцев, возможно, частично от чувашей⁴⁸. Антропологические исследования последних лет показали, что для татар северо-востока республики (Арский — Елабужский районы) — в противоположность татарам центральных районов республики — характерен высокий процент светлого европеоидного и сублапоноидного типов⁴⁹, которые характеризуют соседних финно-угров — удмуртов, марийцев и коми⁵⁰. Эти факты привели некоторых исследователей к выводу, что в состав северо-восточных татар вошли удмурты и марийцы⁵¹, что подтверждают другие исследования топонимическими⁵² и этнографическими⁵³ материалами.

⁴⁷ О заселении земель по реке Ошлани и об оттоке их в тягле из Казани к Вятке 1689 года. Сообщил В. Шабалин. — Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии. 1909 год, вып. II—III. Вятка, 1910, с. 46—47.

⁴⁸ Прирост населения за 70 лет (1834—1904 гг.) среди народностей Поволжья составлял: у татар — 150 %, чувашей — 83,5 %, марийцев — 84,8 %, мордвы — 76,1 %, удмуртов — 94,8 % при среднем (нормальном) приросте 100 %. На основании этих данных С. Багин делает вывод о чрезвычайном быстром процессе ассимиляции татарами-магометанами «различных инородческих племен: чуваш (больше других), черемис, мордвы и вотяков» (Багин С. Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления. — Православный собеседник. Издание Казанской Духовной Академии. Казань, 1910, январь — февраль, с. 121—122).

⁴⁹ Трофимова Т. А. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии. — СЭ, 1946, № 3, с. 55, 57.

⁵⁰ Зенкевич П. И. Характеристика восточных финнов. — «Ученые записки» МГУ, вып. 63. Антропология. М., 1941, с. 43.

⁵¹ Гимади Х. Г. Народы Среднего Поволжья в период господства «Золотой Орды» — Материалы по истории Татарии, вып. 1. Казань, 1948, с. 223.

⁵² Гимади Х. Г. Указ. соч., с. 220; Износков И. А. Два реферата, читанные на IV-м Археологическом съезде в Казани в 1877 году, 1. О сохранив-

Процесс ассимиляции удмуртов татарами шел довольно интенсивно еще в XIX и начале XX века и был связан с принятием удмуртами-язычниками магометанства (массовое «отпадение в магометанство» происходило в 1830, 1840, 1865—1866, 1905—1908 годах)⁵⁴. Хотя христианизация правобережных удмуртов и началась несколько столетий тому назад, христианство не имело особого успеха среди удмуртов, о чем можно судить исходя из следующих данных: в конце XVIII века крещенные удмурты составляли приблизительно 78 % от всех удмуртов Мамадышского уезда⁵⁵, а спустя полтора столетия, это число снизилось до 67 %⁵⁶. Да и сами крещенные удмурты в XVIII веке мало чем отличались от сородичей-язычников⁵⁷, как и в XIX и начале XX века они продолжают исполнять языческие обряды, некоторые «закоснели в языческих суевериях», в церковь ходят редко, празднуют, подобно магометанам, пятницу⁵⁸, и имеют очень смутное представление о догматах христианства⁵⁹. По подсчетам И. С. Михеева, к началу 1899 года удмурты Казанской епархии имели свыше 500 молитвенных шалашей, около 60 кереметей и не менее 100 других молитвенных мест⁶⁰, где совершались различного рода моления как язычниками, так и христианами-удмуртами.

Естественно, что отсутствие авторитета православной церкви среди удмуртов и усиленная пропаганда ислама со стороны татар (которые, по выражению Я. Коблова, использовали все возможные и невозможные средства: «и ласку, и угрозу, и ма-

шихся преданиях по поводу названий русских и инородческих поселений в Казанской и соседних с нею губерниях, II. О личных инородческих именах. Казань, 1882, с. 10; *его же*, Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием. III. Балтасинская волость.—Казанские губернские ведомости, 1885, № 60.

⁵³ Смирнов И. Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк, с. 53.

⁵⁴ Багин С. Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления, с. 120, 125.

⁵⁵ Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII веке. Казань, 1908, с. 159—367 (подсчеты наши).

⁵⁶ Никольский Н. В. Статистические сведения о вотяках за 1911 год с указанием литературы о них и изданий на вотском языке. Казань, 1912 (подсчеты наши).

⁵⁷ «... хотя Казанские по большей части крещенные Вотяки еще непрерывно древних своих жертвоприношений и суеверий не оставляют» (Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья. Половина вторая, 1772 и 1773 годов, с. 35).

⁵⁸ Бобровников Н. А. Инородческое население Казанской губернии, вып. 1. Татары, вотяки, мордва. Казань, 1899.

⁵⁹ Михеев И. С. Из религиозной жизни Казанских вотяков.—Известия по Казанской епархии. Казань, 1900, с. 894.

⁶⁰ Михеев И. С. Там же, с. 898.

териальную помощь, и проповедь, и причинение ущерба») ⁶¹ — православие и ислам издавна соперничали в Казанском крае, стараясь привлечь как можно больше «инородцев»-язычников на свою сторону — приводили к тому, что все больше удмуртов начало склоняться в сторону магометанства, принятие которого означало «безусловное отречение от своей национальности, языка и обычаев», т. е. «уйти в татары» ⁶². Так, в прошлом веке полностью отатарились удмурты деревень Шемордан, Коинсар, Яныль ⁶³, в 1906—1907 годах приняла магометанство и отатарилась часть удмуртов деревень Важагур, Починок-Сутер, Нижняя Русь, Новый Кумор, склонны были перейти в магометанство язычники дд. Верхняя Юмья, Верхний Кумор, Пойкино и др. Не удивительно, что в подобных условиях татары-мусульмане оказали огромное влияние на культуру, быт и язык даже той части удмуртов, которая не приняла ислама и не «ушла в татары». Об интенсивном влиянии татарского языка на удмуртский и другие финно-угорские языки (марийский, «пермский») писал Н. В. Никольский, приводя определенные подсчеты (по его мнению, 1/4 часть удмуртской лексики составляют татарские заимствования) ⁶⁴. Эти выводы Н. В. Никольского несомненно требуют уточнения, ибо они были построены на основании переводов религиозной литературы на удмуртский язык («казанский диалект»), а не на изучении живой речи или языка оригинальных произведений удмуртского фольклора. К аналогичному выводу на материале «казанского диалекта» пришел и Б. Мункачи, писавший, что из всех финно-угорских языков несомненно удмуртский находился под наиболее сильным тюркским влиянием ⁶⁵.

Быстрые темпы «татаризации» приволжских народов не могли не беспокоить царское правительство с его русификаторской политикой. В печати 1910—1911 годов писали, например, что «защитить такие слабые народности, как чуваш, черемисы, во-

⁶¹ Коблов Я. О татаризации инородцев Приволжского края.— Православный собеседник. Казань, 1911, с. 90.

⁶² Багин С. Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления, с. 119.

⁶³ Коблов Я. О татаризации инородцев Приволжского края, с. 110. Д. Коинсар еще в 1771 году называлась Малая Кня-Юмья и считалась удмуртской (Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII веке, с. 238), а уже в 1899 году Н. А. Бобровников (Инородческое население Казанской губернии. Вып. 1. Татары, вотяки, мордва, с. 50) замечает: «Каньсарских вотяков ни по языку, ни по внешнему виду не отличишь от магометан».

⁶⁴ Никольский Н. В. Татары-мусульмане и крещенные инородцы Приволжья.— Окраины России, 1911, № 48, с. 656.

⁶⁵ Munkácsi B. Votják nyelvtanulmányok.— NyK, XVIII, Budapest, 1884, с. 146.

тяков... от татаризации...— долг Русской государственности», что «в этой борьбе в защиту слабых инородцев от поглощения их исламом и татаризмом должны принять участие церковь, государство и общество, что «единственное средство для спасения этих инородцев от гибели в татарском мире — это поддержка их родных языков...», «развитие их национализма в противовес татаризации»⁶⁶. Но царское правительство заботилось не о развитии самобытной национальной культуры «инородцев», пробуждение их национализма нужно было царскому правительству как «средство, фундамент их будущей русификации», его беспокоило то, что «если эти несчастные не проникнутся сепаратизмом по отношению к татарам, то они сольются с татарами и для русской культуры (курсив наш — В. К.) будут окончательно потеряны»⁶⁷.

Справедливости ради следует заметить, что христианская религия, как бы она ни была реакционна по своей сути, сыграла в данном случае положительную роль: она в определенной степени задерживала процесс отатаривания удмуртов в Вятском Правобережье. Так, христианская часть удмуртского населения дд. Важашур, Починок-Сутер, Нижняя Русь и др. Кукморского района не приняла ислама, сохранив тем самым свою национальность до наших дней. Но процесс «ухода в татары» окончательно прекратился лишь с победой Великой Октябрьской революции и установлением Советской власти в нашей стране.

Большинство современных удмуртских населенных пунктов Кукморского и Мамадышского районов, судя по имеющимся в нашем распоряжении письменным источникам, образовалось сравнительно поздно. Лишь три из 30 удмуртских деревень исследуемого региона нашли упоминание среди населенных пунктов периода Казанского ханства (XVI — начало XVII вв.): Канисяр (вероятно, д. Старый Канисар, Кукморский район) — 1603 г., Кисмесь-Кузмесь (д. Верхний или Нижний Кузмесь, Кукморский район) — 1603 г., Ошторма-Юмтя-Юмья (с. Ошторма-Юмья, Кукморский район)⁶⁸. Большинство же крупных удмуртских деревень документально отмечено лишь с начала

⁶⁶ П. К. Инородцы Заволжья и школа.— Окраины России, 1911, № 13, с. 193; К вопросу об инородческой школе в Приволжском крае. Письма в редакцию. II. Письмо епископа Андрея.— Окраины России, 1911, № 13, с. 195—196; Коблов Я. О татаризации инородцев Приволжского края, с. 112.

⁶⁷ К вопросу об инородческой школе в Приволжском крае. Письма в редакцию. II. Письмо епископа Андрея, с. 195—196.

⁶⁸ Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам).— Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 286—288.

XVIII века, однако со значительным для того времени количеством дворов, что свидетельствует о более раннем их возникновении, чем были зафиксированы в документах. Так, в 1710 году в дд. Кузьмеси (Верхняя и Нижняя) насчитывалось 23 двора; Нижний Кумор — 17, Ошторма-Юмья — 16, Пойкино — 16, Нижняя Русь — 14, Старая Кня-Юмья — 13, Старая Уча — 11, Старая Юмья — 10, Куркино — 10, Средний Кумор — 9, Верхняя Юмья — 7, Верхняя Шунь — 6, Новая Уча — 6, Починок-Сутер — 4, Студеный Ключ — 4, (Старый) Канисар — 3, Лельвиж — 1 двор⁶⁹. Относительно позднее возникновение современных удмуртских населенных пунктов на территории Кукморского и Мамадышского районов объясняется, на наш взгляд, следующими факторами:

1) многие старинные удмуртские деревни рано отатарились и начали упоминаться в документах как татарские;

2) возможно, большинство удмуртов лесных районов Правобережья, занимавшиеся подсечным земледелием, прочную оседлость получили сравнительно поздно. И. Г. Георги и Г. Ф. Миллер, в частности, еще в XVIII веке утверждали, что удмурты (речь идет о «казанских» — В. К.), если им не по нраву старое место, покидают его и переселяются всей деревней на новое, при этом иногда дворы оставляют на старом месте и отдают их в наем⁷⁰.

На основании преданий, записанных в прошлом веке И. А. Износковым⁷¹ и в 60-е годы нами, можно предположить, что из 30 удмуртских населенных пунктов самыми ранними являются д. Старая Юмья (*вужгурт*, *зумн'а*), Старая Кня-Юмья (*кин'а*), далее Старая Уча (*вужча*, *вужгурт*) и, возможно, Нырья (*н'б°рйа*)⁷².

Д. Старая Юмья, основанная, как гласят предания, 500 с лишним лет тому назад, стала впоследствии родоначальницей

⁶⁹ Гришкина М. В. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке. — Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976, с. 124—125.

⁷⁰ Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков..., с. 7; Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Часть первая. О народах финского племени. СПб., 1776, с. 56.

⁷¹ Износков И. А. Два реферата, читанные на IV-м Археологическом съезде в Казани в 1977 году. I. О сохранившихся преданиях по поводу названий русских и инородческих поселений в Казанской и соседних с нею губерниях. II. О личных инородческих именах.

⁷² С. К. Кузнецов (Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии, с. 26—27) пишет, что после завоевания Казани Иваном IV многие удмурты Мамадышского уезда переселились под напором татар в Елабужский и Малмыжский уезды Вятской губернии, а несколько мно-

многих современных деревень: с. Ошторма-Юмья (конец XVI в.)⁷³, д. Верхняя Юмья, д. Верхний Кумор (конец XVI в.), д. Средний Кумор (конец XVI в.), д. Нижний Кумор, д. Вильмон (1925 г.); из д. Верхний Кумор выселились в свою очередь дд. Новый Кумор (около 1872 г.), Филипповка (1925 г.). Единство происхождения жителей данных населенных пунктов подтверждает и культ общей родовой молитвенной рощи для 7 деревень в д. Старая Юмья⁷⁴.

Из д. Старая Кня-Юмья выселились, по преданиям, д. Куркино, Иштуган, Красный Цветок; из Нырьи — Балдыкня; из Нижнего Кузьмья — Верхний.

Из д. Старая Уча отпочковались следующие деревни: Новая Уча, Нижняя Уча, Старый Канисар; из последней в свою очередь выделилась д. Новый Канисар. И. А. Износков считает, что д. Старая Уча основана в конце XVII века переселенцами из Вятской губернии.

Дд. Студеный Ключ, Починок-Сутер, Ваяшур, Нижняя Русь и некоторые другие основаны переселенцами из Вятской губернии, большей частью с Левобережья Вятки.

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1) этническую основу удмуртов Правобережья Вятки составило древнее удмуртское население Заказанья, известное в русских летописях под названием аров;

2) летописные «ары», впервые зафиксированные в исторических документах во второй половине XII века, первоначально находились в сфере влияния Волжской Булгарии, впоследствии были подданными Казанского ханства;

3) в ходе исторического развития определенная часть «арских» удмуртов подверглась процессу тюркизации, значительная часть вошла в состав балтасинских и кукморских удмуртов, носителей двух близкородственных (шошминского и кукморского) диалектов периферийно-южного наречия удмуртского языка;

4) в формировании удмуртов нижнего Правобережья Вятки — носителей кукморского диалекта — приняли участие, помимо древних аров, также и удмурты Вятского Левобережья — некоторых южных районов современной Удмуртии.

голюдных родов, в том числе Юмья и Нырья, остались как хранители «местной вотской святыни — священного «бадзым-луда»... и ... ни за что не хотели выселиться из родных пределов».

⁷³ Приблизительные даты в веках даются по: *Износков И. А.* Два реферата...

⁷⁴ *Емельянов А. И.* Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Курс этнографии вотяков, вып. III. Казань, 1921, с. 102.

СПИСОК

удмуртских населенных пунктов Кукморского и Мамадышского районов
Татарской АССР (с указанием количества населения в определенные годы)

Населенные пункты	Даты					
	1716	1773	1859	1897	1911	1959
1. Балдыкня	?	?	176	192	247	276
2. Важагур *	?	21	230	367	371	263
3. Верхний Кузьмесь	?	?	101	?	?	394
4. Верхний Кумор	?	71	491	574	579	396
5. Верхняя Шунь	24	74	566	724	748	676
6. Верхняя Юмья	38	28	210	299	360	303
7. Вильмон	—	—	—	—	—	80
8. Иштуган	—	—	70	169	170	131
9. Красный Цветок	—	—	—	—	—	109
10. Куркино	34	?	260	366	432	216
11. Лельвиж	?	?	358	?	?	633
12. Люгон	—	—	—	—	—	86
13. Нижний Кузьмесь	77	?	63	?	?	148
14. Нижний Кумор	51	69	286	449	480	448
15. Нижняя Русь *	36	36	256	493	303	380
16. Нижняя Уча	?	36	211	388	336	317
17. Новая Уча	27	?	180	258	336	275
18. Новый Канисар	?	?	198	367	464	435
19. Новый Кумор *	—	—	—	78	87	137
20. Нырья	?	?	132	230	245	170
21. Ошторма-Юмья *	45	54	385	650	556	408
22. Пойкино	38	87	284	398	435	392
23. Починок-Сутер *	8	35	228	286	198	252
24. Средний Кумор	29	51	227	325	397	292
25. Старая Кня-Юмья	56	81	300	480	588	473
26. Старая Уча	20	53	312	536	584	534
27. Старая Юмья	63	168	676	754	862	759
28. Старый Канисар	6	59	211	243	255	270
29. Студеный Ключ	?	13	116	149	177	136
30. Филипповка	—	—	—	—	—	113

Примечания: 1. Звездочкой помечены населенные пункты с удмуртско-татарским населением.

2. Черточка под датой обозначает, что указанный населенный пункт в это время еще отсутствовал; а вопрос под датой при названии населенного пункта — населенный пункт, по всей вероятности, уже был, но у нас нет точных данных о количестве населения, проживавшего в нем.

И. В. Тараканов

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ УДМУРТОВ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

История заимствования иноязычных слов в удмуртском языке является отражением истории жизни удмуртского народа, его политических, экономических и культурных взаимоотношений с другими народами. Анализ словарного состава удмуртского языка показывает, что удмуртский народ вступал в процессе своего исторического развития в различные более или менее интенсивные и длительные непосредственные связи с разноязычными народами. Отражением этих взаимоотношений является наличие в удмуртском языке значительного количества заимствований из соседних контактирующих языков, передающих многочисленные понятия из самых различных областей человеческой жизни и деятельности. Они распределены по трем пластам, различным по времени, месту и источнику заимствования.

Наиболее древний и незначительный слой лексики составляют индоиранские заимствования, проникшие, по данным исследователей¹, еще в периоды существования прафинно-угорской и прапермской языковых общностей. Их общее количество не превышает 110 словарных единиц. К индоиранскому слою лексики относятся, главным образом, слова, являющиеся наименованиями:

- а) металлов: корт «железо», андан «сталь», зарни «золото»;
- б) орудий труда и предметов быта: амежь «сошник», дуры «уполовник», пурт «нож», урыс «плеть», вайыж «оглобля»,

¹ Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. Москва, 1976, с. 217—218; *Лыткин В. И.* О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках.— *Известия АН СССР, отделение литературы и языка*, X, 1951, с. 385—392; *его же.* Из истории словарного состава пермских языков.— *ВЯ*, 1953, № 5, с. 58—69; *его же.* Пермско-иранские языковые контакты.— *ВЯ*, № 3, 1975, с. 84—97; *A. Joki.* Uralier und Indogermanen.— *MSFOu*, 151, Helsinki, 1973.

шалы «палочка», сюмыс «полоса сыромятной кожи, ремень», бун «мочало», тусьты «миска»;

в) животных, зверей, птиц, насекомых: пудо «скот», мес «самка (о теленке, ягненке)», ош «бык», ветыл «телка», парсь «свинья», зичы «лиса», вудор «выдра», ёрзи «орёл», курег «курица», муш «пчела»;

г) продуктов питания и растений: нянь «хлеб», ю «хлеба», кенэм «конопля», сылал «соль», сур «пиво», зег «рожь», сезыы «овес», беризь «липа», турын «травя», гумы «стебель»;

д) чисел: дас «десять», сизыым «семь», сю «сто», сюрс «тысяча», куамын «тридцать»;

е) природных явлений и объектов: шаер «страна, местность», зарёзь «море», пужмер «иней»;

ж) социальных отношений людей: мурт «человек, чужой», экэй «царь», узыр «богатый».

В словарном составе удмуртского языка наиболее мощный пласт заимствований образуют слова тюркского и русского происхождения, попавшие в период самостоятельного развития удмуртского языка. По времени проникновения они относятся к различным историческим эпохам и, в свою очередь, могут быть подразделены на ряд подгрупп.

В данной статье более детально анализу подвергаются лишь тюркские заимствования. Русские и другие заимствования рассматриваются лишь попутно. Учитывая различный характер фонетического оформления и источник заимствований, а также соблюдая историческую последовательность многовековых языковых контактов в истории обогащения словарного состава удмуртского языка за счет тюркизмов можно выделить несколько периодов, каждый из которых имеет свои специфические особенности.

Первый период — это добулгарский, который мы условно называем древнетюркским. Древнетюркский пласт лексики мог попасть в удмуртский язык из языка гуннских тюркских племен, проникших в пределы Волго-Камья в III—V века нашей эры из-за пределов Урала, как об этом предполагают археологи: «Одна из смешанных групп угорско-тюркских племен обрушилась на Пьяноборский племенной союз у устья р. Белой... Значительная часть его была поглощена пришлыми племенами, и здесь, в районе р. Белой, по р. Ижу, Каме, сложилась своеобразная культура из смещения нескольких разнородных элементов — мазунинская культура»². Следует полагать, что но-

² Генинг В. Ф. Азелинская культура, III—V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Ижевск, 1963, с. 17.

сители языка, создавшие указанную археологическую культуру, вошли в состав местных племенных групп: «Население мазунинской культуры сохранило пьяноборский обычай...»³ Это же подтверждает антрополог М. С. Акимова⁴. Просачивание гуннских племен в пределы Волго-Камья первоначально происходило, по-видимому, небольшими группами: «У нас нет каких-либо оснований,— пишет А. Х. Халиков,— для предположения о проникновении в это время из Зауралья мощных групп, якобы принесших монголоидность и составивших основу ананьинской общности»⁵. Эту же мысль подтверждает и В. Ф. Генинг⁶. Массовое продвижение гуннских племен начинается в конце IV века. «В 70 гг. IV века гуннские, преимущественно тюрко-угорские, орды, к этому времени в больших массах скопившиеся в степях Южного Урала и Нижнего Заволжья, устремляются на запад. В 375 г. они переходят через Волгу и обрушиваются на южные районы Восточной и Центральной Европы. Возможно, тогда некоторые из собственно гуннских отрядов проникли и далеко на север — к берегам Камы и Средней Волги... Новые пришельцы вступили в достаточно активные контакты с местным населением, что нашло свое отражение не только в археологических материалах этого времени, но и зафиксировалось и в языке некоторых финно-угорских народов...»⁷.

Поскольку связи древнетюркских племен с аборигенами не были постоянными и на первых порах носили эпизодический характер, то, естественно, их влияние не могло оставить таких глубоких следов в языке и материальной культуре местного населения, какие оставили впоследствии булгары и татары, но всё же определенные следы языковых контактов древнетюркских племен с удмуртами, по-видимому, остались в виде нескольких лексических единиц. Основанием для выделения древнетюркского слоя лексики для нас послужили: а) сохранение древнетюркских звуков **ö*, **a*, **э* в удмуртском языке, которые в современных чувашском, татарском и башкирском

³ Генинг В. Ф. Там же, с. 17.

⁴ Акимова М. С. Некоторые истоки изучения антропологического состава древнего населения Прикамья.— Вопросы археологии Урала, вып. 1, Свердловск, 1961.

⁵ Халиков А. Х. У истоков финно-угорских народов.— Сб. «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1963, с. 13—14. *его же*. Древняя история Среднего Поволжья. Казань, 1969, с. 374.

⁶ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения).— В кн.: Проблема археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 247.

⁷ Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978, с. 43—44.

языках сузились в процессе их исторического развития и перешли в различные звуки; б) общенародный характер их функционирования в удмуртском языке; в) отсутствие некоторых из них в современных волжских тюркских языках и наличие в других азиатских тюркских языках — в уйгурском, казахском, киргизском, чагатайском (староузбекском) или в монгольском.

Хронологизация и периодизация тюркских заимствований, касающихся древнейших периодов заимствования, является чрезвычайно сложным вопросом; и наши данные в этой области нельзя считать окончательными для решения требуемой задачи. Одной из причин этих затруднений является отсутствие ранних письменных памятников и других исторических сведений как по тюркским, так и по пермским языкам. Сложным и нелегким при анализе тюркских заимствований является также установление архетипов звуков, так как звуковая система самих тюркских языков в ходе своего исторического развития подвергалась значительным изменениям. Так, например, постулируемым тюркологами древнетюркским **a*, **ö* в чувашском языке прослеживается по 3—4 ряда звуков и звуковых сочетаний, в татарском и башкирском языках — по 2—3 ряда: **a* — чув. *y(o)*, *ä(ě)*, *i(i)*, *a*; тат., башк. *a*, *ä*; **ö* — чув. *y(y)*, *вё*, *вӓ ä(ě)*; тат., башк. *ү(ö)*⁸. В то же время необходимо учитывать и то обстоятельство, что немалое изменение претерпела и вокалическая система удмуртского языка. К тому же в различные эпохи одни и те же пратюркские звуки при совершенно идентичных позициях и в различных диалектных условиях удмуртского языка адаптировались по-разному. Например, пратюркское **a* в заимствованиях различного периода адаптировалось следующим образом: в словах древнетюркского периода — звуком *a* (аксым «жадный» <дртюрк. *aqsun*, *ahsun* «свирепый, разъяренный, буйный, скандальный»), в булгаризмах до IX века — звуком *y* (уробо <чув. *урапа*, *орапа*, *дртюрк. *арба*, *агаба* «телега»), в булгаризмах после IX века — звуком *a* (*ака* <чув. *акка*, *дртюрк. ак,к,а* — старший брат, отец, старший родственник, дед), в татарских заимствованиях — звуком *ä* в периферийно-южных диалектах — звуком *ä* (*атас*, *äтас* <тат. *этэс* «петух»).

Несмотря на эти трудности, нам удалось установить по разным данным более полутора десятка слов, проникших в удмуртский язык в гуннский период. По нашим наблюдениям, к ним относятся:

⁸ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Ленинград, 1970, с. 144—155.

1. аксым «жадный, жадно» — в тат., башк., чув. языках соответствия не обнаружены: <дртюрк. *aqsun, ahsun «сви-репый, разъяренный; буйный, скандальный (о пьяном челове-ке)» (ДТС 49, R. 13).

2. кобы «ковш, ковшик», морд. копы-нă, манси хуп «лож-ка» <*дртюрк. qova, qovça «ведро, бадья», ор. чаг., тур. кова, копа; миш. копы «сосуд, ведро, бокал, бадейка», к. кир. kuwa «чарка, чаша» (ДТС 461, R. 273, 281; Мунк. сл. 186, Vput. 381).

3. копак «все, целиком, полностью», в тат. башк., чув. язы-ках соответствий нет <дртюрк. *qor «весь, все, всё» (употреб-лялось в письменных памятниках часто постпозитивно как обобщающее слово) (ДТС 456).

4. кунян, кунян Мунк. сл. 221, к., бавл. «теленок», ханты хоноза «телка» (в других родственных языках прямых соот-ветствий нет) <дртюрк. qupaп (<монг. qupaп «верблюжо-нок»), ср. уйг., казах., чаг., ойр., тел. кунан «теленек, вол 2—3 лет», якут. куна «бычок, молодой бык, телец», уйг. кунан «вол 2—3 лет», ср. башк. конан ығэз, кирг. кунан 6гуз «бычок от 2 до 3 лет», башк., кирг. конан также «жеребец 2—3 лет» (ДТС 467, R. 300).

Сопоставление данного слова с коми конь — возглас, кото-рым подзывают телят, быка (КЭСК 133), на наш взгляд, не имеет доказательной силы (см. Соколов ВУЯ III, 157).

5. 6тыны «пригласить, вызвать, позвать» >дртюрк. ӨТҮН (ötün) «просить, обращаться с просьбой, упрасивать, ходатай-ствовать, молить, умолять» (Сев. ЭСТЯ 557—558).

6. 6чешыны «спорить, держать пари, заклад» <дртюрк. *öçeş «вражда, соперничество, месть, пари, ненависть» (ДТС 376, Сев. ЭСТЯ 558—559).

7. 6рак, ырак «поток (о воздухе)» <дртюрк. *үр (Сев. ЭСТЯ 634, үг (ДТС 626) «дуть, веять (о ветре)». Производное: 6ртыны ~ ыртыны тж.

8. эке «мальчик (обращение взрослых к маленьким, обычно к мальчикам)» <дртюрк. к,к,, еке — звательные формы (из ак,ау, ак,к,а, ак,к,ай) «отец, старший брат, старший родствен-ник». Появление ä в м. широкого гласного а тюркологи объясня-ют ассимилятивным воздействием й (Сев. ЭСТЯ 122).

9. чиданы «терпеть, выдержать», коми-язьв. чид6м «зло, чувство обиды», чид6мал — «злиться, обижаться, терпеть оби-ду», чид6мис пет6 «зло берет, терпение лопнет», чидй6-вадй6 воны «попасть в безвыходное положение» (КЭСКЯ 304—305) <дртюрк. čidim, ср. тат., кирг., тур., ойр. чыдам, уйг., узб. чи-дам, каз., тув. шыдам, хак. сыдам, чув. чăтăм (от <чăт «тер-петь, выдержать, переносить») (Лыткин ВФУЯ IV 138). Мы

предполагаем, что первоначально указанное слово было заимствовано в форме чыд-. Корреспондирование *ы~и* в удмуртских диалектах в позиции после *ч* наблюдается в отдельных словах и в настоящее время, сравните: чырекъяны южн., пю.~чирекъяны сред., сев. «кричать, орать», чызйыны южн., пю.~чизйыны сред., сев. «брызнуть», чыргетыны южн., пю.~чиргетыны сред., сев. «пищать». В отдельных случаях чередование стало, по-видимому, использоваться для дифференциации лексического значения слова: чырдыны «читать» — чирдыны «петь (о птицах)».

10. байар «богатый, богач, вельможа», коми-язьв. бӧйар «богатый» <дртюрк. **baĵ* «богатый» (ДТС 79). Ряснен в сарайгурском языке приводит форму *rai-ag* «богатый», возводя слово к **vaj* (R. 56, Лыткин ВФУЯ IV 139).

11. гуд(ыны) «копать», коми-язьв. кодӧм «колодец» <дртюрк. **quduĵ* «колодец» (ДТС 463), уйг. *kuduĵ* чаг., казах., ккирг., тел. *kuduk*, тур., карач., балк., туркм. *kuĵu*, азерб. *kuĵi.*, каз. *qoĵ* хак. *xutuk* «колодец» (R. 297, Лыткин ВФУЯ IV, 139).

12. куз «пара», коми гоз тж. <дртюрк. *qoĵ* «пара», уйг., чаг., кирг., *koĵ*, каз. *kuĵ*, хак. хос «пара, парный, двойной, соединенный» (R. 283, Лыткин ВФУЯ IV, 139, Алатырев СФУ 1965, 4, 269).

13. Чибык «ястреб», тетереви́тник <дртюрк. **čibäk* тж. (ДТС 145)*.

14. кӧчыны «переселяться, кочевать, бежать, убежать», ср. тат. *кӱчену*, башк. *күсену* <дртюрк. **köč* «переходить, передвигаться, кочевать».

Что же касается этимологии слов *кыдал* «накал, закалка», *чутал* «хромать», *маял* «закваска, дрожжи», *вужер* «тень», представленных В. И. Алатыревым⁹ как древнетюркское наследие, то они, как нам представляется, проникли в удмуртский язык в болгарскую эпоху, если, конечно, все являются тюркизмами. Слова *бече* «сосед, дядя», *чуки* «стерлядь», *бекче* «бочка», *тарканы* «разбросать, разлагать, спутать, запутать, грабить» вне всякого сомнения были заимствованы в болгарскую и последующие эпохи. Отнести их к древнетюркской эпохе нет каких-либо оснований, как это предполагает В. И. Алатырев (ВУЯ IV, с. 79, 153, 154).

К древнетюркскому слою лексики мы склонны отнести также

* Отдельные слова древнетюркского и болгарского происхождения на почве удмуртского языка подверглись архаизации и сохранились не во всех диалектах.

⁹ Алатырев В. И. Вопросы удмуртского языкознания, вып. IV. Ижевск, 1976, с. 10—12, 16—17, 138.

слово бам, баң «щека, лицо» эш «друг, товарищ, напарник, спутник», акшан «сумерки», ҙарыт «бледный», учитывая их фонетическую и семантическую близость к соответствующим формам азиатских тюркских (уйгурского, каракалпакского, староузбекского (чагатайского) языков (см. выше). Поскольку большинство исследователей первые два слова относят к булгаро-чувашским заимствованиям, то мы пока оставили их под вопросом в списке булгаризмов.

Указанные древнетюркские заимствования представляют собою самый древний слой тюркской лексики в словарном составе пермских языков.

Второй пласт тюркских заимствований — болгарский. Он возник, по-видимому, в период существования в пределах Волго-Камья Булгарского государства, что относится к VII—VIII векам нашей эры. Булгарский пласт лексики более мощный. По нашим подсчетам, он охватывает более 190 лексических единиц. По фонетическим особенностям они близки к чувашским источникам, поэтому, с легкой руки Б. Мункачи и Ю. Вихмана¹⁰, они были квалифицированы как чувашские заимствования. Термин «чувашский» следует признать неудачным, так как известно, что после складывания чувашской народности и нации удмурты последними никогда не соприкасались и не имели непосредственных торгово-экономических связей. Поэтому нам представляется целесообразным назвать их не чувашскими, а болгарскими заимствованиями, ибо в состав болгар входили не только предки чувашей, но и часть предков современных татар и башкир.

От других тюркизмов булгаризмы отличаются:

1. произношением *p*, которому в других тюркских языках, за исключением чувашского, соответствует *з*: ср. бултыр, чув. пултыр, тат., башк., балдыз «свояченица», сџыр, чув. сывар, тат. саусыз «калека, инвалид»; ансыр, чув. ансџр, тат. ин,сез «узкий». В середине слова древнетюркскому *p* в других тюркских языках соответствует *д* ~ *т*: арня, чув. эрне, тат. атна «неделя» (<перс. адина «пятница»);

2. наличием в начале слова протетических согласных *в* или *й*, которые в других тюркских языках отсутствуют: веме, чув. виме, ниме, миме, тат., башк. ɵтџ «помочь, коллективная помощь; вунџтыны, чув. форма не сохранилась, тат. оныту «забыть, забывать», вись «четверть аршина», чув. вись «мерить, измерить, взвешивать», тат. ылчџ, башк. ылсџ «взвешивать»,

¹⁰ *Munkácsi B. Votják nyelvtanulmányok.*— NyK XVIII, Budapest, 1884, 428—447; *Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen.*— MSFOu, XXI, Helsingfors, 1903.

юбо, чув. юпа, кирг. оба, алт. обо «столб». В татарском языке соответствия нет;

3. произношением в анлауте звука *сь* вместо этимологического *й* других тюркских языков: *сьблык*, чув. *сьлăх*, тат. язык «грех», *сюлык*, чув. *сулăк*, тат. *яулык* «платок, головной убор невесты»;

4. выпадением в середине слова этимологического *л*: кен, чув. кин, тат. килен «сноха», кись, чув. хёс, тат. кылыч «бёрдо».

В болгарских заимствованиях раннего периода обнаруживаются общие черты с чувашским языком и в области употребления гласных звуков, например:

1. Чувашскому *а* в удмуртском и коми языках соответствует тот же самый звук, тогда как в кыпчакских (татарском и башкирском) языках вместо заднерядного *а* выступают переднерядные гласные: арлан, чув. арлан, тат., башк. эрлэн «хозяин»; амал, чув. амал, тат., башк. эмэл «способ, средство, прием; кабан, чув. кабан, тат., башк. қибән «стог, кладь».

2. Там, где в татарском и башкирском языках стоит *а*, в болгарских заимствованиях в первом слого слова выступает *у* или *о*: бусы, чув. пуса, поса, тат., башк. басу «поле»; улмо, чув. улма, олма, тат., башк. алма «яблоко»; кун «государство царь», чув. кун, хон, тат., башк. хан «хан».

Приведенный выше языковой материал и их звуковое своеобразие являются одним из доказательств наличия болгарских заимствований в удмуртском языке. В словарном составе эти заимствования образуют особый пласт слов, многие из которых находят себе соответствия и в родственных коми-зырянском и коми-пермяцком языках, в то время как тюркизмы кыпчакского типа в первом (т. е. в коми-зырянском языке) уже не встречаются, а если и изредка встречаются, то в количественном отношении они весьма незначительны и заимствованы через коми-пермяцкий и удмуртский языки или проникли в более позднее время из башкирского языка, как это предполагает В. И. Лыткин¹¹.

В исследованиях проведенных с учетом исторической фонетики пермских языков, В. И. Лыткин, а вслед за ним венгерские ученые К. Редей и А. Рона-Таш¹², тюрко-болгарские заимствования подразделяют на две группы. По их мнению, первая группа слов была заимствована в прапермскую эпоху, когда

¹¹ Лыткин В. И. О древнетюркских заимствованиях в лексике пермских языков. — ВФУЯ, вып. IV. Ижевск, 1967, с. 139; *его же*. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964, с. 108—110.

¹² Rédei K., Róna-Tas A. A permi nyelvek öspermi kori bolgár-török jövevényszavai. — NyK 74/2, Budapest, 1972, 281—298.

коми и удмурты, еще составляли единую языковую общность, что датируется VIII—IX веками. К этой группе К. Реден и А. Рона-Таш относят 19 слов, которые в семантическом отношении относятся к земледелию, скотоводству, к надворным постройкам, средствам труда, общественно-политической терминологии. Заимствования этой эпохи встречаются во всех пермских языках вплоть до северных диалектов коми-зырянского языка.

Вторая группа болгарских заимствований характерна, главным образом, удмуртскому и коми-пермяцкому языкам. В южные диалекты коми-зырянского языка они попали через посредство удмуртского и коми-пермяцкого языков. Авторы их называют заимствованиями среднеболгарского периода, что относится к IX—XIII векам. Такая периодизация в целом не противоречит выводам Ю. Вихмана, В. И. Лыткина¹³.

Общее количество болгарских заимствований в удмуртском языке пока точно не установлено. Разные исследователи отмечали различное количество болгарских заимствований: И. Буденц¹⁴ — 33, Б. Мункачи¹⁵ — 57, Н. Ашмарин¹⁶ — 12, Х. Паасонен¹⁷ — 12, Ю. Вихман¹⁸ — 161, М. Федотов¹⁹ — 438.

Такое разнообразие мнений объясняется тем, что одни из ученых коснулись данного вопроса лишь попутно при решении других вопросов (И. Буденц, Н. Ашмарин, Х. Паасонен и др.), у других под руками не оказалось достаточного количества языкового материала, особенно диалектного (Б. Мункачи). Что же касается Ю. Вихмана и М. Федотова, специально проводивших исследования по указанной теме, то следует сказать, что в их исследования попало немало слов другого происхождения. Учитывая фонетическое своеобразие, к болгарскому слою лексики мы относим более 200 слов.

Они распределены по следующим лексико-тематическим группам.

1. Бытовая и хозяйственная лексика, отражающая основные занятия и экономический уклад жизни древних удмуртов. Она распадается еще на ряд подгрупп:

¹³ Wichmann Y. Указ. соч., с. 145—147; Лыткин В. И. ИВПА, с. 108—110.

¹⁴ Budenz J. Cseremisiz tanulmányok. — NyK, III, Budapest, 1864, 397.

¹⁵ Munkácsi B. Указ. соч., с. 55—155.

¹⁶ Ашмарин Н. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898, с. 18—19.

¹⁷ Paasonen H. Votják-török szögyeztetések. — NyK, XXXVI, Budapest, 1901, 257—270.

¹⁸ Wichmann Y. Указ. соч., с. 145—147.

¹⁹ Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары, 1968.

а) слова связанные с домом, надворными постройками: юбо «столб», муръё «печь, дымоходная труба», нерге «ряд, венец, слой, порядок»;

б) слова, обозначающие домашнюю утварь, посуду и принадлежности быта: туёко, турккычо «кочерга», тэркы «тарелка, миска», чан «чан, кадка»;

б) слова, связанные с прядением и ткачеством: кись «бердо», колтреч «скалка (приспособление для намотки ниток в цевку)», серы «цевка»; ан «ширина полотна берда»;

г) слова, обозначающие одежду, украшения, обувь и ее части: сукман «домотканое сукно на портяной основе», зыбын южн. «женская летняя шерстяная одежда, зипун», сюлык «женский головной убор», буртчин «шелк», зеп «карман», чуглэс «женские холщевые чулки», чулка «чулки», сурон «выделанная кожа, хром», сякан «рогожа»;

д) слова, являющиеся названиями растений, фруктов, овощей, продуктов питания: бутник «мята», сяська «цветок», калямпер, «гвоздика, тмин обыкновенный», улмо «яблоко», суы-ри «каравай», салам «гостинец, подарок»;

е) слова, связанные с сельскохозяйственной работой и названиями орудий труда, пчеловодства и др.: ар(аны) «жать», бусы «поле», зурод «стог (сена)», етйн «лен», йыран, йыраң «межа, борозда», кабан «скирд, кладка», куро «солома», культ «сноп», шабала «отвал плуга, сохи», ана «полоса земли», итым «гумно», саник «вилы»;

ж) слова, имеющие отношение к транспорту: буко «дуга», диңгылы тйңгылы «ось», тйгылян «колесо», уробо «телега», энер «седло», энерчак «седелка», турто «оглобля»;

з) слова, являющиеся названиями животных, зверей, птиц, рыб и т. д.: кеч «коза», така «баран», улошо «мерин», койык «лось», арлан «хомяк», бызара «хорек», мугло «комолый», бё-дёно «перепел», ыгы «филин», чана, чаңа «галка», чарлан «чайка», чипы «цыпленок», -кай: кыйкай «дичь», чуку «стерлядь».

Близкими к бытовой лексике являются слова, являющиеся названиями человеческого тела: ан, аң «челюсть», бам, баң «лицо, щека». Сюда же мы относим слова, являющиеся названиями болезней и лекарств: чучы «болячка в углах рта», чача «оспа», эм «польза (для здоровья)», эмъюм «лекарство, снадобье», сёсыр «калека».

2. Среди булгаризмов значительное место занимает социально-экономическая лексика, отражающая социальное положение, родственное и имущественное отношение или профессиональный признак людей. Особый раздел здесь составляет тор-

говая лексика, обозначающая орудия и процессы торговли, названия товаров, единиц измерения и т. д.

В этой группе выделяем следующие разряды:

а) слова, обозначающие общественную жизнь людей, их социальное положение, взаимоотношения друг к другу и т. д.: веме «помочь, коллективная помощь», юлтош «друг, товарищ»; эш «друг, товарищ, приятель, сообщник, напарник»; тушмон «враг, неприятель, противник, недруг»; -аман: тушмон-аман «нечисть, враг»; казак: казак пи «холостой парень»; казак ныл «девушка (незамужняя)»; кангелем (Мунк. 119) «свидетель»; кун «царь», кузё «хозяин», куно «гость»; куроқ «разбойник, беглец»; коштан «щеголь, модник, зазнайка», торо уст. «тысяцкий (на свадьбе), председатель; начальник, сановник»; куш-: кушем ним, кушамат «прозвище, кличка, прозвание»; курокаллыны «разбойничать, грабить», тэргаськыны «браковать, осуждать, укорять; привередничать»; шыпыртыны «шептать, говорить шепотом»;

б) слова, обозначающие родственные отношения: ака «сестра», бече «сосед, брат, подруга», бултыр «свояченица, вторая жена», бускель «сосед», бусёно «свойя», варм-: вармиська «шурин», кен «сноха», кырси «зять», сюр: сюрайы «отчим», кудо «сват», туклячи «сваха», шыднар «деверь (младший брат мужа)»;

в) слова, обозначающие религиозные мифологические понятия и названия старинных праздников: акашка, акаяшка «весенний праздник сева», бустурган «домовой, злой дух, обитающий в бане», керемет «место языческого моления, дух зла», обыда «леший», убир «злой дух, людоед, вампир», сьбылык «грех», чок «жертва»;

г) слова, связанные с торговлей и обменом, а также лексика, обозначающая предметы измерения, счета: уксьё «деньги», сумен, сумак «много, в большом количестве; оптом, целиком, всецело», услон диал. «польза, прибыль, выигрыш, выгода», кулым диал. «калым, выкуп за невесту», вись «четверть аршина, размер разжатого кулака», кур «ширина (полотна, материи)».

3. Среди болгаризмов удмуртского языка определенное место занимает разряд абстрактной лексики, обозначающей разнообразные понятия общественной и культурной жизни древнего удмуртского населения. К ним, в частности, относятся:

а) амал «метод, способ, прием, подход, средство», сй «честь, почет, уважение; угощение», сйлык «почет, уважение», эрик, зрык «свобода», чеченька диал. «щеголь, франт». В эту же группу включаем слова, обозначающие временные отношения, а

также явления природы, названия местностей: арня «неделя», усьсэ «послезавтра», калъ «сейчас, теперь, сию минуту», шумот «суббота», силь-: силь-тӧл «буря», -пул: Сарапул — название города на Каме, Кузон «Казань»;

б) слова, обозначающие чувственное восприятие или состояние: бич «щекотка», йуси диал. «горе, печаль, кручина», кал «состояние»: кал бырыны «изнемочь», куйкы диал. «горе, печаль, кручина», -кур: йыркур «злоба, вражда», какалмыны «совершенно обессилеть, обеднеть», каньсыраны «разомлеть, обессилеть, ослабеть (от жары, вина)», курланы «осуждать, порицать», сюлворыны «просить, умолять», сӧу, сӧл диал. «здоровый», сӧулык «здоровье», сук «жадный, ненасытный»;

в) слова, обозначающие признаки предметов или признаки признаков и признаков действия: каллен «медленно, тихо, неповоротливый», каньыл «удобный, приятный, спокойный, тихий», тумошо «смешной, забавный, смешно, забавно, интересно», тунсык(о) «интересно, интересный, приятный», чагыр «голубой», чибор «пестрый», чебер «красивый», ансыр «узкий», быдэс «целый, цельный, весь, целиком», ӗапак «как раз, точь-в-точь».

В основу распределения булгаризмов по разрядам в целом был положен критерий семантики, но наша классификация не претендует на безусловное и точное установление реальных семантических границ заимствованных слов.

Третий период тюрко-удмуртских взаимоотношений начался после падения древнего Волжского болгарского государства и установления в пределах Волго-Камья политического господства Казанского ханства, что относится к XIII—XVI векам. В этот период количество тюркских заимствований в удмуртском языке значительно увеличивается. В последующие столетия татарское влияние наиболее сильно сказалось на пограничных и островных диалектах удмуртского языка. В результате многовекового контактирования представители южных и островных говоров, проживающие в южных районах УАССР, а также в пределах современной Татарской, Башкирской и Марийской АССР и отчасти Кировской и Пермской областей стали двуязычными и многоязычными. Основной и важнейшей предпосылкой для возникновения двуязычия послужил совместный труд в одинаковых общественно-политических и природных условиях, в которых находились носители контактирующих языков. Касаясь этого вопроса, этнограф Н. И. Воробьев пишет: «Татарин, чуваш, удмурт, мари, русский вели и ведут свое хозяйство и промыслы одинаково за немногими деталями и с одинаковыми же приблизительно результатами, зависящими всецело

от социально-экономических и отчасти природных факторов»²⁰. Длительное и постоянное общение населения края привели к обильным заимствованиям в языке. В результате словарный состав удмуртского языка обогатился многочисленными словами татарского происхождения, которые охватывают разные стороны жизни и деятельности удмуртского народа — хозяйственно-бытовую, торгово-экономическую, общественную и отчасти культурную сферу. Анализ показывает, что влияние татарского языка на удмуртскую лексику в разных тематических группах слов неодинаково. В процентном отношении тематические группы слов-заимствований распределены следующим образом: слова, являющиеся названиями конкретных предметов и явлений материальной культуры, природных объектов, флоры и фауны и т. д., составляют 56,8 %; названия качеств и признаков (т. е. слова, связанные с характеристикой человека, с обозначением черт его характера, указывающие на взаимоотношения людей) — 8,6 %; названия действий и состояний (т. е. слова, связанные с трудовой и физической деятельностью человека) — 28,1 %; названия отвлеченных понятий — 6,5 %. Из слов, обозначающих конкретные предметы и явления, доминирующей тематической группой являются наименования одежды, обуви, украшений, затем идут по убывающей последовательности слова, являющиеся названиями лиц по их специальности, принадлежности к той или иной социальной группе и национальности, названия растительного мира, поселений, построек, различных сооружений, их частей; домашней утвари, тары, посуды, орудий труда; терминов родства, животноводства; названий болезней, их лечения, религиозных верований и т. д. Сравнительно большой процент татарских заимствований образуют также слова, являющиеся наименованиями действий и состояний. Они получили широкое распространение в основном в островных диалектах и говорах удмуртского языка, распространенных за пределами Удмуртской АССР. Среди татаризмов наименьшую тематическую группу составляют слова, являющиеся названиями металлов, игр, игрушек, предметов охоты, рыболовства и пчеловодства. Они представлены 4—7 лексическими единицами. Среди татаризмов совсем не представлена терминология, связанная с лесным хозяйством, сбором и заготовкой даров природы: ягод, грибов и т. д. В словарном составе удмуртского языка из тюркизмов весьма слабо представлена также общественно-политическая терминология и слова,

²⁰ Воробьев Н. И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1955, с. 87.

относящиеся к народному просвещению и науке. Указанная область удмуртской терминологической лексики впоследствии получила свое развитие за счет слов и выражений русского происхождения²¹.

Обращает на себя внимание еще то обстоятельство, что заимствования из татарского и башкирского языков по диалектам и говорам удмуртского языка распределены не равномерно. В диалектах внутрорегионального контактирования удмуртского народа с тюркоязычными народами — татарами и башкирами (Татарская, Башкирская и Марийская АССР), — где коренное население характеризуется развитым двуязычием или многоязычием (наряду с татарским они владеют русским, в отдельных районах — марийским или чувашским языками) процент употребления татарских заимствований несколько раз больше, чем в диалектах пограничного контактирования. Чтобы не быть голословными, приведем некоторые цифровые данные в процентах. Из 1560 корневых слов тюркского происхождения, зафиксированных в нашем словаре, а с производными словами из 1977 слов 65,5 % слов характерны для периферийно-южных говоров, 23,9 % слов — для южных и некоторых средних говоров и лишь 13,2 % татаризмов употребляется в преобладающем большинстве диалектов и литературном языке. Вместе с тем следует подчеркнуть, что количество заимствований в различных ареалах распространения удмуртского языка и в условиях островных говоров также не одинаково. На фоне удмуртского языкового мира Татарии и Башкирии каждая изоглосса имеет свой микроареал. Так, в различных говорах удмуртов Закамья, где в ряде случаев (31 деревне) встречаются смешанные удмуртско-татарские населенные пункты, Р. Ш. Насибуллиным зафиксировано как специфическая диалектная лексика большое количество слов. Среди них около 1600 татарских, башкирских и булгарских заимствований²². Более 1000 тюркизмов зарегистрировано также нами в бавлинском диалекте, представляющем собой один из островных диалектов удмуртского языка, распространенного на самой юго-восточной границе Татарской АССР. Около 900 тюркизмов содержит также словарь диалектных слов В. К. Кельмакова, представленный им в качестве приложения к кандидатской диссертации по кукморско-

²¹ Вахрушев В. М. К вопросу развития лексики удмуртского языка. — «Записки УдНИИ», вып. 19. Ижевск, 1959, с. 167—217; *Перевошиков П. Н.* Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа, Ижевск, 1963, с. 9—10.

²² См. *Насибуллин Р. Ш.* Закамские говоры удмуртского языка. Рукопись канд. дисс. (приложение). М., 1973.

му диалекту, распространенному в северо-западных районах ТАССР²³. Приведенные факты свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что степень и характер татарско-башкирского влияния, количество и возраст этих изоглосс, а также их локализация зависят от давности и интенсивности взаимосвязей, от количественного соотношения татарского или башкирского населения, находящегося в непосредственном контакте с носителями удмуртского говора. Больше всего заимствований наблюдается в тех районах, где имеются смешанные татарско-удмуртские населенные пункты, где шире оказалась общественная функция татарского языка как межнационального общения. Там, где удмуртские населенные пункты находятся на определенном расстоянии от татарских селений или расположены более компактно, или они простираются на сравнительно большой территории, влияние контактирующих языков друг на друга слабее, так как в подобных говорах шире общественная функция родного языка. Примечательно также то, что в островных говорах в большом количестве встречаются слова с отвлеченными значениями²⁴ и заимствованные глагольные основы, от которых внутренними средствами удмуртского языка образовались слова, обозначающие действия и состояния. Кроме того, среди них немало таких лексических проникновений, которые были заимствованы без особой надобности. Они, находясь в определенных синонимических отношениях с исконными словами и употребляясь параллельно, как дублеты, и вступая с последними в своеобразный «поединок», вытеснили отдельные слова из лексической системы удмуртского языка или подвергались семантической дифференциации. К таковым относятся, в частности, дага бавл., вм. лит. валдурет «подкова»; сунэраны бавл., вм. лит. пйшураны «охотиться»; абыныны бавл. «спотыкаться, спотыкнуться», вм. лит. чэмтыны — тж.; дянылык бавл. «живность, дичь», вм. лит. пйшур, сев. кыйкай — тж.; дюмарт бавл. «щедрый», вм. лит. шырыт — тж. и т. д. Такие лексические заимствования в ареале своего употребления прочно вошли в языковую ткань и не чувствуются чужеродными. Отдельные из них через представителей островных говоров проникают и в художественные произведения и выступают в литературном языке на правах экзотизмов или узкодиалектных слов²⁵. В от-

²³ Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка (рукопись канд. дисс.). М., 1970.

²⁴ Кельмаков В. К. Роль татарского языка в развитии абстрактной лексики кукморского диалекта удмуртского языка.— Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Сыктывкар, 1965, с. 53.

²⁵ Поздеев П. К. Особенности языка и стиля романов Григория Медведева.— «Записки УдННИИ», вып. 19. Ижевск, 1959, с. 64—66.

личие от них, татаризмы, характерные для южных говоров, обладают более широкой общественной функцией. Через многочисленных представителей — носителей южных диалектов и говоров — они просачиваются во все стили ныне бурно развивающегося литературного языка, являясь одним из мощных источников обогащения его словарного состава.

Удмуртские заимствования в тюркских языках

«Заимствование языковых форм из области культуры является обычно процессом обоюдным, он односторонен только в том смысле, что один народ может дать больше, чем другой»²⁶. Это зависит от различных факторов: от политического господства одного народа над другим, от численного превосходства одного из контактирующих народов, уровня материальной и духовной культуры, наличия или отсутствия устоявшихся письменно-литературных традиций и т. д. В условиях древнего Булгарского государства, позднее Золотой орды (Казанского ханства) финно-угорские народы Поволжья и Прикамья — мордва, мари и удмурты — оказались в зависимом положении от пришлых завоевателей. К тому же в политическом и культурно-экономическом отношениях тюркоязычные пришельцы также имели преимущество: они обладали довольно развитой государственной организацией, экономикой и культурой. В частности, на более высоком уровне находилось у них скотоводство, ремесленничество, плужное земледелие, торговля. Указанные факторы и обусловили, на наш взгляд, большой приток на первых порах тюркских элементов в мордовский, марийский, удмуртский и частично в коми-зырянский и коми-пермяцкий языки. Дав значительное количество слов и языковых форм своим соседям, тюркоязычные народы и сами, в свою очередь, испытывали определенное влияние со стороны языков контактирующих аборигенов, что нашло свое отражение в виде лексических заимствований в чувашском, татарском и башкирском языках. О них имеются наблюдения и небольшие исследования ряда зарубежных и отечественных ученых: Ю. Вихмана²⁷, Г. Рясенена²⁸, Х. Паасоне-

²⁶ Блумфильд Л. Язык. Перевод с английского Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. М., 1968, с. 506.

²⁷ Wichmann Y. Указ. соч., с. 147.

²⁸ Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuch der Türkischen. Helsinki, 1966.

²⁹ Paasonen H. Указ. соч., с. 257—270.

на ²⁹, К. Редей и А. Рона-Таша ³⁰, Г. Берецки ³¹, В. Г. Егорова ³², М. Р. Федотова ³³, Г. В. Лукоянова ³⁴, В. И. Лыткина ³⁵, С. Ф. Миржановой ³⁶, Н. Х. Ишбулатова ³⁷, Н. Х. Максютовой ³⁸, Н. Б. Бургановой ³⁹, Р. Ш. Насибуллина ⁴⁰. Удмуртские заимствования зафиксированы также в диалектологическом словаре татарского языка, изданном под редакцией Л. Т. Махмудовой ⁴¹.

По данным имеющихся исследований, из финно-угорских языков наибольшее влияние на соседей оказали марийский и пермские языки, в том числе удмуртский.

Нижеприведенный список удмуртских заимствований дан:

а) по чувашскому языку по обобщающим работам Ю. Вихмана, Г. Лукоянова, К. Редей, А. Рона-Таша, Р. Ш. Насибуллина;

б) по татарскому языку — по диалектологическому словарю татарского языка и статье Н. Б. Бургановой;

в) по башкирскому языку — по исследованиям Н. Х. Ишбулатова и Н. Х. Максютовой.

³⁰ Rédei K., Róna-Tas A. Öspermi és votják jövevényszavak a csuvásban.— NyK 82/1—2, Budapest, 125—183. Str. 47.

³¹ Берецки Г. Финно-угорские элементы в лексике марийского языка, Л. 1957 (Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук), с. 385.

³² Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

³³ Федотов М. Р. Указ. соч.

³⁴ Лукоянов Г. В. Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары, 1973, с. 119.

³⁵ Лыткин В. И. ИВПА, с. 80, 196, 157, 216.

³⁶ Миржанова С. Ф. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка.— В сб.: «Археология и этнография Башкирии». Материалы по этногенезу башкир, май 1969, IV, Уфа, 1971, с. 283—286.

³⁷ Ишбулатов Н. Х. Лексические параллели в башкирских и финно-угорских языках.— Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания, Уфа, 1970, с. 32—39.

³⁸ Максютова Н. Х. Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков.— ВФУЯ IV, Ижевск, 1967, с. 149—153; *ее же*. Восточный диалект башкирского языка. 1976, с. 69—71.

³⁹ Бурганова Н. Б. Удмуртские заимствования в татарском языке (на материале говора глазовских татар).— Всесоюзная конференция по финно-угорскому языкознанию (тезисы к докладам). Ижевск, 1967.

⁴⁰ Насибуллин Р. Ш. Из лексики удмуртских народных говоров.— ВУЯ, вып. 3, Ижевск, 1975, с. 117.

⁴¹ Татар теленен', сүзлеге, Казан, 1969.

Удмуртские (пермские) заимствования в чувашском языке

бõрнѐ «ковш (ящик для мельничного жернова)», к. бурня «долбенка, колода», мар. пурня «кузов, кузовок (короб из бересты или лыка)» > чув. перне, ковш, ящик (на мельнице), в который насыпается зерно».

эн «не» (частица) > чув. ан «не».

кар, к. кар город, городище, гнездо > чув. кар: Шупашкар «Чебоксары», карда (<кар) уст. «селение, крепость».

кочыртыны, кычыртыны «стрекотать, перен. ворчать» > чув. кӑчӑртӑш, качӑрдаш «сварливый, неуживчивый».

ви: ёзви «сустав», к. йӱзви, йӱзвий тж., мар. вий «сила, мощь, усилие», морд. вий «сила, мощь, энергия». Имеются соответствия в финском, саамском, манси и ханты языках > чув. вай «сила».

вудор, удар, к. вурд «выдра» > чув. ытыр, вытыр.

куды*, к. куд «короб, лукошко» > чув. кундӑ, кунтӑ. Имеются параллели в финском, эстонском, саамском языках.

кудымулы «черника» > чув. кетмел «брусника».

кушман, к. кушман «редька», морд. кушман, мар. ушман > чув. кӑшман.

кулэм «мертвый», к. кул, мар. колышо, морд. куломс > чув. калӑм «пасхальное воскресенье». Данное слово, наверное, связано со словосочетанием кулэм потон уй (букв. ночь выхода мертвых) «великий четверг». Слово, очевидно, было заимствовано до перехода древнего *a* > *y*.

кекон, к. кӱкакӑнь, мар. кика, венг. кӱкену «чемерица» > чув. кикен тж.

лап «лощина, ложбина», лап-лап «тихий, спокойный», мар., морд. лап «низменный» > чув. лӑпкӑ, лӑпка «тихий, спокойный, лап «лощина, ложбина».

напра «гуща, жидкая масса» > чув. лапра «грязь».

лянэс «бурак», к. лянӱс «подойник (посуда)», мар. ленгеж «кадка» > чув. ленкес «долбленная деревянная посуда».

лобыны, к. лӱбны «лететь, взлететь», мар. лепене, лыве, ханты лывынды > чув. лӱпе (лыбы), лӱпӱс-лӱпӱс — о полете большой птицы.

лыс, к. лыс, мар. лӱсь «хвоя, ветка» > чув. лӑс, тат. ылыс «хвоя». майыг, к. майӱг «кол» > чув. маяк «веха, векша».

немыри «картофельное пюре», мар, немыр «мучная кашка» > чув. нимӱр «кисель, жидкая каша, размазня».

палзӱ к. пельсы «рябина», мар. пызле > чув. пилеш.

пужей, к. пеж «олень» > чув. пӑши «лось, олень», тат. поши, пышый, башк. мышы «лось».

пукон «стул», к. пукавны «сидеть», мар. пукен, покен тж. > чув. пукан «чурбан, обрубок дерева, стул, табуретка».

пызыртыны, к. пызыртны «выжать, отжать», мар. пызыраш, пызыралаш «давить, придавливать» > чув. пӓчӓрта «жать, сжимать выжимать».

пырич, к. пыридз «лом, пешня» > чув. пӓреш «орудие в роде пешни с более широким концом».

си, к. си «слой, пласт», мар. ший «годовой слой древесины» > чув. си, сий «слой, пласт».

сярты, к. сӓрки «репа» > чув. сӓрык тж.

сям (ен) «характер, нрав, привычка, поведение», к. сям тж., мар. шам «сознание, чувство, самообладание». Имеются параллели в финском, саамском, ханты, манси языках > чув. сӓме (сӓм) «мелодия, мотив, напев, послелог «по».

сӓсло, сӓсыло бавл. «отруби», к. сӓю «рожь, зерно», мар. шу «отруби, мякина», эрз. сӓюва «мякина», мокш. сӓюва «ость у хлебных злаков» > чув. сӓсӓл «отруби».

сӓрем «заскирдованное, собранное в кучу», к. сӓрем «скирд, скирда, долгая кладь хлеба» > чув. сӓрӓм, сӓрӓм «пучок льна, конопли, сноп льну».

сӓрло «серп», к. чарла тж., мар. сорла, сарла тж. > чув. сӓрла тж. Имеются соответствия в прибалтийско-финских и иранских языках.

тыш, к. тыш (тышк-) «обух, тупая сторона (ножа и т. п.)», мар. тош. Параллели имеются в финском, эстонском языках > чув. тӓршӓ «обух». Звук *р* в чув. языке вставной.

туй «латунь, желтая медь», мар. той тж. > чув. туй «бронза латунь».

чепылытыны «ушипнуть», к. чепӓлытны тж., мар. чывышташ тж. Имеются параллели в финском, саамском, венгерском языках > чув. чӓпӓт «щипать».

чача «игрушка, безделушка», к. чача тж., мар. чача, цӓца тж. Имеется соответствие и венгерском языке > чув. чечче «фаянс, осколок фарфоровой посуды».

чычы «соски (у животных)», венг. цичи, чеч «сосок» > чув. чӓчӓ «грудь (женская), сосок, сосковый».

чумори «верхнее колено прялки» > чув. чӓмӓр тж.

шилан «болотный хвощ», мар. шылан тж. > чув. шӓлан тж.

шача «длинный шест», шачы «вица, удилище», к. шадз «хворостина», диал. «шест, тонкая жердь», «удилище» > чув. шалсӓ «кол, шест, тычина».

Перечисленные выше слова были, по-видимому, заимствованы предками чувашей еще в болгарскую эпоху в период существования общепермского языка-основы, когда связи коми-зы-

рян и коми-пермяков не были еще прерваны как с удмуртами, так и марийцами. Марийский язык оказывал, по-видимому, влияние на чувашский и в последующие периоды. Об этом свидетельствуют многочисленные марийские заимствования в чувашском языке ⁴². Среди них имеются общие с пермскими языками слова. Фонетический облик их ближе к марийским формам. К ним относятся:

бесмен, мар. пысман «полоса, межа» > чув. пёсмен — в названии оврага.

вим, виым, к. вем, мар. вем. > чув. миме «мозг».

вож, к. веж «перекресток», мар. важык «с развилиной» > чув. вашёк «пологий, отлогий».

вугы, к. вуг «дужка, скоба» мар. онго «кольцо» > чув. ункă, онкă «кольцо».

йорос «окрестность, район, место», к. йөр: «загон», мар. йыр «кругом, вокруг» > чув. йери-тавра «вокруг, кругом».

йёс: йёскадь «как следует, аккуратно», дьусык бавл. «как следует, хорошо», мар. йосык «хороший» > чув. йосо, йосу «хороший, изящный, приличный».

коптыр: кыптыр-коптыр бавл. «жадно, целиком (глотать)», мар. коптыра «грубый, некрасивый, плохой» > чув. коптăра тж. лась (<лач) бавл. «насквозь промокший, очень мокрый», мар. л. лаза «низкое болотистое место», лазыра «водянистый» > чув. лач «мокрый, насквозь промокший».

миськыны, к. миськыны «мыть, стирать», мар. мушкаш тж., морд. муськемс тж. > чув. мăшкăлтăк «мусор, помой».

мукулы «побег полевого хвоща», мар. г. мыгыль, мар. л. мыгыль «шишка», нарост» > чув. мăкăль, мыгыль тж.

нюр, к. нюрыв «болото», мар. нӱрӱ «сырой, влажный» > чув. нурё, нӱрӱ «влажный, сырой».

чечег «трясогузка», к. чикич, чикыш «ласточка», мар, чыгаш, цыгак тж. > чув. чёкес, чёкек «ласточка».

шашкы, тяшкы бавл. «норка», мар шашке тж. > чув. шашке тж. тат. чәшке, башк. шәшке тж.

шобыр, шобрет «покрывало, одеяло», к. шебрас, шебрет тж., мар. шовыр «поддевка из холста» > чув. шупăр, шопăр «летний женский кафтан из белого полотна».

⁴² Лукоянов Г. В. Указ. соч., с. 119; Сергеев И. Т. К вопросу о лексических заимствованиях в современном чувашском языке. — Ученые записки НИИ при Совете Министров ЧАССР, вып. II, 1958, с. 214—218.

Удмуртские заимствования в татарском языке

Удмуртский язык наибольшее влияние оказал на говоры глазовских и нократских (каринских) татар, живущих в соседстве с удмуртами в Глазовском, Юкаменском и Базезинском районах УАССР и в Слободском районе Кировской области. Татарский диалектолог Н. Б. Бурганова и авторы татарского диалектологического словаря зафиксировали 42 чисто удмуртских слова ⁴³.

К ним относятся:

боры «клубника» > тат. быры глз., боры бalez. тж..
гумы «растение с полым стеблем» > тат. гомо глз., нокр. тж..
дюа: кирдюа бавл. «дикий чеснок» > тат. дива «дикий лук»..
зйбыт «тихий, скромный, сдержанный» > тат. зебет нокр. тж..
зйбытлык «скромность» > тат. зебетлек нокр. тж..
юж «наст» > тат. йуж нокр., нёж бalez. тж..
юмал «сладкий, пресный» > тат. йумал глз., нокр. тж..
кузъыли «муравей» > тат. куж,ылы глз., нокр. тж..
кизили «искра» > тат. кжж,ылы нокр. тж..
каляга «брюква» > тат. каляга глз. тж..
корманы «чесать, царапать» > тат. кармау глз. «царапать (до крови)»..
киль «перхоть» > тат. кел нокр. тж..
кенэм «конопляное семя» > тат. кел эм нокр. тж..
кырсь «грязь» > тат. кереч нокр., глз. тж..
ке (частица) «если» > тат. ки глз., нокр. тж..
кукчаны, кокчаны «клевать (о птицах)» > тат. кукчалау нокр. тж..
коргид «хлев» (помещение для птиц и животных) < тат. кургид, нокр., коргид бalez. тж..
кусул «прутья для закрепления параллельно воткнутых кольев изгороди» > тат. кусыл глз. тж..
котыр «окольный, вокруг, кругом» > тат. кутыр нокр., котыр бalez. тж..
кузь кук «комар» > тат. куч кук глз., нокр. тж..
кочо «сорока» > тат. кушу глз., нокр., кошо бalez. тж..
лякыт «смирный, удобный» > тат. лякыт глз., нокр. «как раз, в пору»..
лякытэм «озорной, шалун» > тат. лякытсыз глз., нокр. «не удобный»..
лап «пологий, постоянно» > тат. лап «низменность»..
мажес «грабли» > тат. мажис глз., нокр., мажес бalez. тж..

⁴³ Татар теленен', диалектологик сузлеге, Казан, 1969.

мажсаны, маштаны «грести»>тат. машталау нокр. тж.
 мес «самка»>тат. мис нокр., мес бalez. тж.
 муры «яловая, нестельная»>тат. мыры нокр. тж.
 папа «мелкая птица»>тат. папа глз. тж.
 пи «мальчик, парень, сын»>тат. пи нокр. тж.
 пигон «пушок»>тат. пигун нокр. тж.
 пыды «барда»>тат. пыды нокр. «чаинки, остатки заваренного чая».
 пыртос «приемыш, муж, принятый в хозяйство»>тат. пыртус глз. пыртос бalez. тж.
 пыры «крошка»>тат. пыры нокр., чай пыры бalez. «чаинка».
 патра сев. «чердак, подволока»>тат. пэтрэ нокр., патре бalez. тж.
 пукон «стул»>тат. пүкен, бүкен «табуретка».
 сайкыт «ведро, прохладно»>тат. сайкыт глз. тж.
 сэрег «угол, уголок»>тат. серэк, сирэк глз., серек бalez. тж.
 сарва «бурак, маленькое ведро из бересты»>тат. сәүрә нокр. тж.
 чупрес «бойкий, расторопный»>тат, сүпрес бalez. «шалун, бойкий».
 тэбет сев., бавл. «пеленка»>тат. тебеть бalez., тибэт глз., нокр. тж.
 шелеп «щепки»>тат. шелеп нокр. тж.
 шора «индюк»>тат. шура нокр. тж.

Кроме перечисленных слов, в лексике нократских, глазовских и бalezинских татар встречается более 35 булгаризмов, которые являются общими для чувашского, удмуртского и марийского языков. Являются ли они наследием древнебулгарского языка или проникли вновь через удмуртский язык, сказать что-либо определенное пока весьма затруднительно. Фонетический облик отдельных из них все же ближе к удмуртскому, чем к чувашскому источнику, сравните: тат. бичи «родственник», чув. пичче, удм. бече «старший брат», родственник, сосед», тат. зыбын, зыпын «зипун», чув. сәйпән «кафтан, поддевка», удм. зыбын «зипун, женская летняя шерстяная одежда», удм. саник, саньык «вилы», тат. саник, нокр., сәнәк лит., чув. сенёк. Не исключена возможность, что они попали в диалекты татарского языка непосредственно из удмуртского языка как вторичные заимствования в удмуртском фонетическом оформлении.

Истоки удмуртско-башкирских языковых связей также имеют сравнительно глубокие исторические корни. Свидетельством этому являются наличие древнетюркских (башкирских) элементов коми-удмуртском и венгерском языках, с одной стороны, и бытование параллельных угорско-пермских элементов в самом башкирском языке,— с другой ⁴⁴. «Древние башкиры с пермскими народами соприкасались, по-видимому, в IX—XII веках, когда местожительство башкирских племен на севере доходило до нижнего течения р. Белой с ее правыми и левыми притоками, течения р. Дёмы и нижнего течения р. Уфы ⁴⁵. Об интенсивных связях удмуртов и башкир в прошлом свидетельствует также тот факт, что имеются башкирские аулы, носящие этноним ар «ары», т. е. «удмурты». По свидетельству Н. Х. Максютовой, основателями таких аулов были ары. Обашкирившиеся ары по языку, быту, обычаям в настоящее время не отличаются от коренного башкирского населения. Среди башкирских родов также встречаются родовые подразделения под названием ары ⁴⁶. Как бы продолжая эту же мысль и подвергая историческому анализу 17 общекорневых с финно-угорскими (венгерскими, коми и удмуртскими) башкирских слов, другой исследователь башкирского языка С. Ф. Миржанова пишет: «...указанные параллели свидетельствуют о существовании длительных исторических контактов башкир с финно-уграми. Если лексические параллели в говорах северных и северо-восточных башкир с финно-угорскими языками можно объяснить взаимодействием этих языков в сравнительно позднее время, то истоки аналогичных явлений в южных говорах и в целом в башкирском языке надо искать на ранних этапах этногенеза башкир» ⁴⁷.

В настоящее время протяженность общей границы между Башкирской и Удмуртской АССР составляет примерно 70—80 км (Калтасинский и Янаульский районы БАССР). Кроме того, в разных районах Башкирии проживает около 30 тысяч человек удмуртского населения. Многовековые контакты удмуртского народа с башкирами обусловили большой приток удмуртских слов в различные говоры башкирского языка. Особенно много заимствований отмечено исследователями в северо-восточных, восточных (айском) и некоторых средних диалектах

⁴⁴ Лыткин В. И. Указ. соч., ВФУЯ, вып. IV, Ижевск 1967; С. Ф. Миржанова, указ. раб., с. 283—286.

⁴⁵ Очерки истории Башкирской АССР, Уфа 1956, с. 23.

⁴⁶ Максютова Н. Х. Указ. соч., ВФУЯ, вып. IV, Ижевск 1967, с. 150.

⁴⁷ Миржанова С. Ф. Указ. соч., с. 286.

башкирского языка. Не вдаваясь в подробный анализ работ башкирских исследователей, ниже приведем лишь список удмурских заимствований в алфавитном порядке, не разбивая их на отдельные лексико-семантические группы.

быльккес син «пучеглазый»>башк. былккүз тж.

гон «пух»>башк. йен «шерсть».

гурезь «гора»>башк. кыраз «гребень горы».

дйныын «у (последлог)»>башк. тин,ә, тин,ендә «около, близ».

дуре «к (последлог)»>башк. торо тж.

дыльк: бака (эбек) дыльк «лягушачья икра»>башк. дел бака тж.

вим «мозг»>башк. мейе//мейә тж.

карта «хлев, огороженное место»>башк. кәртә тж.

кион «волк»>башк. коно «россомаха».

кур «лубок»>башк. курыз тж.

кыз «ель»>башк. диал. кәзе «разновидность ели».

лобыны «лететь»>башк. леп-леп итеп осоу «порхать».

лябзыны «обессилеть»>башк. лапшыу тж.

лянәс, диал. лянгес «бурак»>башк. диал. ләнкес «лагун».

лайыны «месить»>башк. диал. лай «жижа из глины».

лап «низина, низкий»>башк. ләпкә «темя у ребенка».

лукур: лукур-лакур «неряшливый, плохой»>башк. лукур тж.

лыс «хвоя»>башк. ылыс тж.

мушник «ватрушка с начинкой из сдобного теста»>башк. мөш-ник «пирожок с начинкой».

нумыр «червь»>башк. нөр «черви у пчел».

нюр «болото, влажный»>башк. нор «болезнь пчел, вызванная сыростью».

пужей «олень»>башк. мышы.

пужым «сосна»>башк. бәшә «сосняк».

пукон «стул»>башк. бүкән «стул из обруба дерева».

пыд «нога»>башк. бәт. «икра».

туйыс «туесок»>башк. түй тж.

тылы «перо (птичье)»>башк. тәлә «линять».

улыг «низменность»>башк. уйһыулы тж.

чыры-пыры «мелочь»>башк. серке «малёк».

шабала «лемех»>башк. шабала «совок для углей».

шумес «квашня»>башк. сумес «ковшик».

Следует указать, что тюркские языки заимствовали из удмуртского языка, главным образом, слова, связанные с животным и растительным миром, рыболовством и некоторыми областями быта и топонимии.

В древнейший период своего развития прапермяне (предки современных удмуртов и коми) оказали определенное влияние на своих южных соседей, что нашло свое отражение в виде нескольких лексических заимствований в осетинском языке. Не исключена возможность, что их количество было намного больше, но о них судить в настоящее время весьма трудно, поскольку язык скифо-сармат не сохранился. В. И. Лыткин находит в одном из иранских языков — осетинском — следующие слова пермского происхождения ⁴⁸.

удм. кыз, к. коз «ель» > осет. к'озæ «побег хвойного дерева, молодой сосняк, ельник, опушка соснового леса» < праперм. *коз «ель».

удм. азвесь «серебро» осет. æbzist//ævsest «серебро» < прапермское ezves'ke. Это деэтимологизированное сложное слово, состоящее из ez—ves'ke, ср. удм. весь «бусы жемчуг», к. вöсе (ласк) «голубчик, драгоценный», ср. f. vaski «медь», венг. vas «железо» (КЭС, СФУ, № 4, 1974, ВЯ, 94. Иначе: Joki, 339).

удм. пушнер «крапива» > осет. pusura//pusa «крапива» < праперм. *пешер, пеш. В. И. Лыткин предполагает, что это растение в прошлом имело хозяйственное значение — шло на изготовление грубой ткани и веревок.

удм. калым (архаизм), залив в реке, к. кōла: тыкōла «небольшое озеро» (ты «большое озеро») > осет. колæ «озеро» (КЭС, 140, ВЯ, 95).

Финно-угорские народы оказали известное влияние на индоиранские и в более раннюю эпоху — в период финно-угорской общности» ⁴⁹.

Удмуртский язык длительное время развивался в непосредственном соседстве с родственным марийским языком, взаимодействуя друг с другом. Начало марийско-пермских взаимосвязей относится к последним векам до нашей эры. В отдельных регионах (пограничных селениях Граховского, Киясовского, Алнашского районов УАССР, в некоторых северо-восточных районах Марийской АССР и Красноуфимском районе Свердловской области) оно не прекратилось до наших дней.

Венгерский ученый Габор Берецки, специально занимавшийся рассмотрением пермско-марийских лексических взаимоотношений, находит в марийском языке 27 слов, восходящих к

⁴⁸ Лыткин В. И. Пермско-иранские языковые контакты. — ВЯ, № 3, 1975, с. 84—97.

⁴⁹ ВЯ, 1975, № 3, с. 95.

общепермскому и 28 слов — праудмуртскому языку⁵⁰. Основанием для отнесения их к пермскому слою лексики послужили:

1) отсутствие носовых согласных перед смычными *к*, *т* и их звонкое произношение, на месте которых в словах марийского происхождения выступают финно-угорские сочетания* *-ŋk-*, *-nt-*;

2) закономерное продолжение финно-угорского *δ* в виде *t(δ)*, *l* и отсутствие их в пермских заимствованиях;

3) произношение *с'*, на месте которого в словах марийского происхождения выступает *ш*;

4) двоякое произношение общепермского и финно-угорского **n'* то в виде *н*, то в виде *й*;

5) отсутствие сочетания согласных в конце слова, за исключением сочетания *-кш-*, и произношение одиночных согласных в указанной позиции;

6) сохранение в марийских словах сочетания финно-угорского **к* с сибилантами и исчезновение его в пермских заимствованиях.

По мнению Г. Берецки, следующие слова непосредственно перешли из удмуртского в марийский язык:

гогы «пуп», гого «пенис»> мар. (кеҥе) тж.

голькыт, голькак «сладкий, приторный»> мар. кылгака, килга (kijʔa) тж.

кадь, кайк «подобно, как»> мар. гай, (кап'е, каје, тж.

куасы «селезень»> мар. (kosü, kwas-ludo) тж.

куась, к. кось «мель, отмель, суша»> мар. куакш вер (kuas, kuaš) тж.

сэдык «чибис»> мар. куседык, киселык, седык тж.

лыстэм пужым «лиственница»> мар. лыстан пүнчö, листан пүн-жо тж.

лыс «хвоя»> мар. лусь, луш тж.

марда «как, наподобие»> мар. ик мәрдä «средний, по-среднему, обыкновенный».

немыри «пюре, мятый (об овощах)»> мар. нёмыр, немер тж.

уд «всходы, росток, озимь, рассада»> мар. одар «ветвь», одор, одыр «отпрыски, веточки от основания дерева, от корней».

уд: удмурт> мар. одо, оди, оды тж.

усы «борона»> мар. осаш «боронить».

⁵⁰ Bereczki G. Permi-cseremisiz lexikálisiz kölcsönzések (Пермско-марийские лексические связи). — NyK 79/1—2, Budapest, 1977, 57—77.

* Примеры Г. Берецки в латинской транскрипции даны в том случае, когда мы не находили соответствий в современных словарях марийского языка.

пычал (<русс. пицаль) «ружье»>мар. пычал, пичал тж.
пуктэм: пуктэм суй «нанос речной»>мар. potkem, wütpotkem
тж.

пукон «стул»>мар. пукен, пукон, пукен тж.

пуктыны «посадить, садить»>мар. püktem тж.

бинем «завернутый, свернутый»>мар. үррәп'ә т «коса»,
«женское украшение».

сиес кал «гужи»>мар. сүс-кыл тж.

шарака «деревянная бабка, короткие, круглые пешки, употреб-
ляемые детьми в игре»>мар. šäräkä, šäräkä ranğa тж.

жуг-жаг «сор, мусор, сорняк»>мар. шук-шак, шукшак «отбро-
сы, дрянь, хлам, рухлядь».

дукъя «глухарь»>мар. tukja тж.

ым «рот»>мар. умä, умä «поцелуй, ротик».

пал «половина»>мар. вал, вäl, кесе-вал «пара».

чаж «тяж»>мар. цаж тж.

ыль «сырой»>мар. уле тж.

юмшаны, дьумшаны «гулять, погулять»>мар. dumäša, d'ómša
тж.

Г. Берецки считает удмуртским заимствованием и слово
сюан, мар. суян «свадьба», мы его относим к тюркским заим-
ствованиям, исходя из его фонетической и семантической бли-
зости к тюркским источникам, сравните: тат. с'яну «радовать-
ся», кирг. сүйүн «радость», сүйүнчү «подарок за сообщение ра-
достной вести», казах. сөјөн «радоваться», сөјөнөч «радость».

Марийский язык заимствовал довольно большое количество
слов (18) и из родственного коми языка, среди них имеются
общие с удмуртским языком слова. К ним, в частности, отно-
сятся:

удм. жикыт «аккуратно, туго», к. джак гөрöd «мертвая петля»
>мар. сак. тж.

удм. яг, ляг «бор», к. яг тж.>мар. якте, дякте «сосна».

удм. кал «ручка», к. кäl, кбв>мар. кыл, кил тж.

удм. лякыны «клеить, заклеить», к. лякны>мар. лакемам,
лакемäm «застрывать, застрять».

удм. мудыны, к. мудйыны, мудны «копать, рыть»>мар. мүдем,
мудаш «хоронить, похоронить», «скрывать, скрыть».

удм. зудыны «недоумевать, затруднять, растеряться», к. родны.
«смущаться, стесняться»>мар. лудам, лүдäm «пугаться, ис-
пугаться».

удм. нюгылес «пескарь», к. нигыль «угорь», нюгыль, нюгылей
«пескарь, вьюн, личинка миноги»>мар. нюго «мелюзга,
мелкие рыбы».

удм. урт: уртэз вань «симпатичный», к. орт «призрак, двойник»
> мар. ърт «самообладание, присутствие духа».

удм. бѳрнѳ «ковш, ящик для мельничного жернова», к. бурня тж.> мар. пурня «кузов, кузовок».

удм. пызыртыны, к. пызыртны «выжать, отжать»> мар. пызыраш, пызыралаш «давить, придавливать».

удм. сермет, к. сермед «узда»> мар. шѳрмыч тж.

удм. толэзь, к. тѳлѳсь «луна»> мар. тылзе тж.

удм. тысь, тись, к. тусь «зерно, семя»> мар. туш тж.

удм. туйыс, к. туйис «лукошко»> мар. tūs, tūjūs', tūiś тж.

удм. вордыны, к. вердны «родить, вырастить»> мар. урдаш «держатъ, содержать (животных)».

удм. вукекъяны «тошнить», к. вѳк «отвращение»> мар. укшич-маш «рвота».

удм. вотэс, вотос «паутина», к. ветѳс, черан ветѳс> мар. wortəs, wortə (š) тж.

удм. выр «возвышенность, бугорок, холм», к. вѳр «лес»> мар. vağś тж.

удм. вурт, к. вѳрт «нитченки»> мар. вурт тж.

удм. вал, к. вѳл, вѳв «лошадь»> мар. вульѳ «кобыла».

Удмуртский язык заимствовал из марийского языка всего лишь 5—6 слов, а именно:

удм. куба (Вид.) свекровь< мар. кува «старуха».

удм. луд, луд «серый»< мар. лудо тж.

удм. нарды «барсук»< мар. нерде тж.

удм. диал. пижины, пыжины «лезть в драку, бить, драть, дать нагоняй»< мар. пыжам, пижам, пижаш «сцепляться, схватываться, вступить в борьбу».

удм. диал. сыр «лад, такт, равномерность (в действии)< мар сыр, шыр «мерный, мерно», ср. удм. огсыр тж.

Г. Берецки включает в число марийских заимствований еще слово kusedək, küsedik «чибыс» (с. 75). Однако подобное слово выше им дано как удмуртское заимствование (с. 69—70).

Из вышеприведенного краткого анализа лексических заимствований в удмуртском языке видно, что в словарном составе удмуртского языка и его диалектах наличествует в настоящее время около 2500 лексических заимствований, проникших в различные эпохи из других языковых семей: из индоевропейской (индоиранской), тюркской, славянской и финно-угорской. По нашим предварительным подсчетам заимствовано из:

а) индоиранских языков — около 80 слов (вместе с индоевропейскими — 110).

б) болгарского языка — более 200

в) древнетюркских языков — 15—20

г) древнетатарского языка — 143

д) позднетатарского языка — около 400, в диалектах — более 1000

е) русского языка дореволюционного периода — более 600⁵¹

ж) русского языка послереволюционного периода — не менее 500—600 слов (данный пласт заимствований пока не исследован).

Следует отметить, что общенародный характер употребления булгаризмов, части татаризмов и руссизмов, относящихся к более ранним периодам татарско-удмуртских и русско-удмуртских языковых контактов, свидетельствует о том, что они проникли в период консолидации удмуртской народности, когда удмурты жили сплошной массой, занимая территорию правобережья реки Камы и по обоим берегам реки Вятки и её притоков Чепцы и Кильмези, т.е. в период до формирования современных диалектов и говоров удмуртского языка.

Удмуртский язык в то время представлял, по-видимому, в диалектном отношении относительное единство, которое было нарушено в результате бурных событий в Волго-Вятском крае и территориальным перераспределением населения, связанным с падением Казанского ханства, с одной стороны, и присоединением Вятского края к России, начавшейся сплошной христианизацией удмуртов и вольной колонизацией башкирских земель, — с другой.

Приток татаризмов в южные, отчасти срединные и периферийные диалекты и говоры, отдельных русских заимствований в северные говоры произошло уже на современных территориях их распространения в более позднее время — с середины XVI и последующие эпохи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

I

АКД	— Автореферат кандидатской диссертации
АО	— Археологические открытия
АЭМК	— Археология и этнография Марийского края
БАССР	— Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВИ	— журнал «Вопросы истории»
ВУЯ	— Вопросы удмуртского языкознания
ВФУ	— Вопросы финно-угроведения

⁵¹ Csúcs Sándor. A votják nyelv orosz jóvévényszavai, II.— Nyk, LXXIV, kötetének 1. Budapest, 1972, c. 47.

- ВФУЯ — Вопросы финно-угорского языкознания
 ВЯ — журнал «Вопросы языкознания»
 ГАКО — Государственный архив Кировской области
 ДТС — Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969.
 ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
 ИА — Институт Археологии Академии наук СССР
 ИВПЯ — Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. Москва, 1964.
 ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете
 КГУ — Казанский государственный университет
 КД — Рукопись кандидатской диссертации
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 КФ АН СССР — Казанский филиал Академии наук СССР
 КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970.
 МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
 МАР — Материалы по археологии России
 МарАЭ, МАЭ — Марийская археологическая экспедиция
 МарНИИ — Марийский Научно-исследовательский институт
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МФЭ УдГУ-78 — Материалы фольклорной экспедиции за 1978 год (Рукописный фонд кафедры удмуртской филологии Удмуртского государственного университета)
 НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, экономики
 ОКВАЭ — Отчеты Камско-Воткинской археологической экспедиции
 ПОВГ-1892 — Материалы по статистике Вятской губернии, том VII, Сарапульский уезд, часть II. Подворная опись. Вятка, 1892.
 ПОВГ-1889 — Материалы по статистике Вятской губернии, том VI. Елабужский уезд. Вятка, 1889.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РФ УдГУ — Рукописный фонд библиотеки Удмуртского государственного университета
 РФ УдНИИ — Рукописный фонд библиотеки Научно-исследовательского института при Совете Министров Удмуртской АССР
 СА — журнал «Советская археология»
 Сев. ЭСТЯ — Севортьян Е. В. Этимологический словарь тюркских языков. Москва, 1974, 1978.
 СФУ — журнал «Советское финно-угроведение»
 СЭ — журнал «Советская этнография»
 ТАССР — Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
 ТВУАК — Труды Вятской ученой архивной комиссии
 УАЭ — Удмуртская археологическая экспедиция

УдГУ	— Удмуртский государственный университет
УдНИИ	— Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР
УЗ ПГУ, Уч. зап. ПГУ	— «Ученые записки» Пермского государственного университета
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЭЭ УдНИИ-71	— Материалы этнографической экспедиции за 1971 год (Рукописный фонд УдНИИ)
ЭЭ УдНИИ-73	— Материалы этнографической экспедиции за 1973 год (Рукописный фонд УдНИИ)
ЭЭ УдНИИ-74	— Материалы этнографической экспедиции за 1974 год (Рукописный фонд УдНИИ)
MSFOu	— Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1890 — до наст. вр.
NyK	— Nyelvtudományi Közlemények. Budapest, 1862 — до наст. вр.

II

бавл.	— бавлинский диалект удмуртского языка
балез.	— балезинский говор татарского языка
башк.	— башкирский язык
бт.	— буйско-таныпские говоры удмуртского языка
глз.	— глазовский диалект татарского языка
дртюрк.	— древнетюркский язык
каз.	— казахский язык
кирг.	— киргизский язык
к.	— коми язык
кукм.	— кукморский диалект удмуртского языка
мар.	— марийский язык
мар. л.	— луговое наречие марийского языка
монг.	— монгольский язык
морд.	— мордовские языки
мокш.	— мокша-мордовский язык
нокр.	— нократский (каринский) диалект татарского языка
ойр.	— ойротский язык
пю.	— периферийно-южные диалекты удмуртского языка
тат.	— татарский язык
тел.	— телеутский язык
тув.	— тувинский язык
тур.	— турецкий язык
турк.	— туркменский язык
удм.	— удмуртский язык
уйг.	— уйгурский язык
хак.	— хакасский язык
чаг.	— чагатайский язык
чув.	— чувашский язык
эрз.	— эрзя-мордовский язык
якут.	— якутский язык

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гришкина М. В., Владыкин В. Е.</i> Письменные источники по истории удмуртов IX—XVII вв.	3
<i>Семенов В. А.</i> К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии	43
<i>Архипов Г. А.</i> Марийско-удмуртские этнокультурные связи (к вопросу об азелинском компоненте в марийском и удмуртском этносе)	63
<i>Фаттахов Р. М.</i> О состоянии антропологического решения проблемы происхождения удмуртского народа	72
<i>Атаманов М. Г.</i> Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов	81
<i>Кельмаков В. К.</i> К истории удмуртов Правобережья Вятки	128
<i>Тараканов И. В.</i> Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка	145

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ УДМУРТОВ

(Сборник статей)

Ответственный редактор *М. Г. Атаманов*. Технический редактор *С. И. Зянкина*. Корректор *В. Ф. Песоцкая*

Сдано в набор 10.11.1981. Подписано к печати 13.05.1982. НПО0335. Формат 60×84¹/₂₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 10,25. Тираж 800 экз. Заказ № 0449. Цена 1 руб. 20 коп.

Научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР, 426020, г. Ижевск, ул. Советская, 14.

Республиканская типография Государственного комитета Удмуртской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.